

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

2/2011

www.cegr.ru

Регистрационный номер

*Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ ФСС 77-39740
номер в каталоге Агентства Роспечать 37137*

ISSN 2079-1968

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии, материалы научных конференций, информационные материалы, представляющие интерес для профессорско-преподавательского состава и научных работников.

Научно-теоретический журнал

№ 2 2011 г.

Редакционная коллегия:

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (главный редактор); Говердовская Е.В. – доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора); Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор; Везиров Т.Г. – доктор педагогических наук, профессор; Гончаров В.Н. - доктор философских наук, профессор; Горелов А.А. - доктор педагогических наук, профессор; Губарь О.В. – доктор экономических наук, профессор; Каргиева З.К. - доктор педагогических наук, профессор; Кокоева Л.Т. - доктор юридических наук, профессор; Матяш Т.П.– доктор философских наук, профессор, Мокрецова Л.А. - доктор педагогических наук, профессор; Муругова Е.В. – доктор филологических наук, профессор; Пугачева Н.Б. - доктор педагогических наук, профессор; Розин М.Д. - доктор философских наук, профессор; Суций С.Я. - доктор социологических наук, доцент; Тен Ю.П. – доктор философских наук, доцент; Финько М.В. - доктор философских наук, профессор; Цечоев В.К. – доктор юридических наук, профессор; Шингаров Г.Х. - доктор философских наук, профессор.

© «Экономические и гуманитарные исследования регионов», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Гутиева М.А.** Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР и процесс национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917-1923 гг. 3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Зимовец Л.Г.** Особенности философского мирозерцания Н.А. Бердяева 8
- Котлярова В.В.** Предпосылки становления аксиологической парадигмы исследования культуры в западноевропейской философской традиции. 15
- Носкова Л.В.** Проблема корреляции русской и западноевропейской культур как типов рациональности 23
- Швачкина Л.А.** Интерпретация гуманности в культурной традиции индуизма 30

ПЕДАГОГИКА

- Азизова Л.Н., Везиров Т.Г.** Модель формирования готовности студентов политехнического колледжа к использованию мультимедийных технологий 40
- Алиева З.У., Везиров Т.Г.** Система формирования информационной культуры будущих учителей в условиях взаимодействия «профильная школа – педвуз». 44
- Ахмадиева Р.Ш.** Формирование компетенции безопасности жизнедеятельности на дорогах в процессе непрерывного образования. 49
- Бакмаев А.Ш.** Программная среда Moodle в развитии информационно-коммуникационной компетенции будущих учителей информатики 54
- Галямова Э.Х.** Генетический подход к формированию геометрических понятий у учащихся средней школы. 59
- Изотова Л.Е.** Содержание и структурные компоненты подготовки современного учителя к профессиональной деятельности в междисциплинарной дидактической среде . . . 65
- Султанова Д.М.** Сущностные характеристики, содержание и направленность инновационно-коммерческой деятельности преподавателя современного вуза 71

ПРАВО

- Мирошниченко Д.А.** Интерпретация права как проблема юридической практики 85
- Скоробогатова Л.А.** Развитие организационно-правовых форм институтов налоговой и таможенной службы на Дону во времена хазарского каганата 93
- Соколовский И.Л.** К вопросу о понятии политической безопасности 99

Шигин А.И. Соотношение необщедоступной коммерческой информации со смежными правовыми категориями 106

СОЦИОЛОГИЯ

Васьков М.А. От результативности к эффективности: трансформация парадигм управленческой культуры руководителей крупных региональных коммерческих организаций в России 114

Науменко М.В. Гендерная социализация в транзитивном обществе: социологический дискурс 121

ФИЛОЛОГИЯ

Аведова Р.П. Уточняющий вопрос как средство устранения информационных лакун (на материале современного английского языка) 127

Гайломазова Е.С. Квантификация как текстообразующая категория 138

Баширова М.А. Семантические типы фразеологизмов Азербайджанского языка (на материале дербентского диалекта) 145

ФИЛОСОФИЯ

Бурменская Д.Н. Положенкова Е.Ю. Истоки роста научного знания в зеркале западной историографии и философии науки 151

Газарян Е.И. Конструктивная критика западной цивилизации: Альтернатива духовной автономности человека 167

Газгиреева Л.Х., Бокачев И.А. Личность в системе экзистенциально-ценностных отношений в условиях социальной деструкции духовной жизни российского общества. 175

Косьяненко С.Н. Национальное сознание: проблемы определения 183

Петренко Р.А. Способы предотвращения и редуцирования агрессии человека в концепции Л. Берковица 193

Челидзе Е.И. Массовая культура как фактор социальной идентификации 201

ЭКОНОМИКА

Петрова Е.Е. Экологический учет в инвестиционном анализе 209

Сафронов А.Е. Новации инвестиционной деятельности промышленных предприятий, направленные на экологоориентированное развитие региональной экономики 217

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 225

ИСТОРИЯ

УДК 908

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ РСФСР И ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1917-1923 ГГ.

Гутиева М.А.

NATIONAL COMMISSARIAT OF NATIONALITY AFFAIRS IN RSFSR AND THE PROCESS OF NATIONAL-AND-STATE CONSTRUCTION IN NORTH CAUCASUS IN 1917-1923.

Goutieva M.A.

В статье показана особая роль Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР в процессе национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917-1923 гг. Автором проанализированы документы, ставшие основой включения народов Северного Кавказа в состав Союза Советских Социалистических Республик.

There is shown in the article the special role of the National commissariat on affairs of nationalities RSFSR in the course of the national-state building in the North Caucasus in 1917-1923. The author had analyzed the documents which have become by a basis of inclusion of the people of the North Caucasus in structure of the Union of the Soviet Socialist Republics.

Ключевые слова: народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), национальный вопрос, национально-государственное строительство, федеральный центр, национальные регионы, национальные противоречия, государственная политика.

Keywords: narkomnac, ethnicity, nation-building, Federal Center, the national regions, national differences, public policy.

Национальная политика РСДРП(б), пришедшей к власти в стране в 1917 г., строилась на принципах интернационализма, ликвидации этнокультурных различий, создания новой исторической общности людей. Однако исторические реалии заставили большевиков вести более гибкую и осторожную политику в национальном вопросе. Уже с первых месяцев существования новой Советской республики стало ясно, что национальный вопрос требует пристального внимания центральной власти, поскольку веками копившиеся межэтнические противоречия в условиях крайнего ослабления центра могли вылиться в кровавые столкновения и хаос.

Уже в первый день после победы вооруженного переворота в Петрограде (в соответствии с декретом «Об учреждении Совета Народных

Комиссаров» был создан Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) во главе с И.В. Сталиным [1, с.89]. Формально задача органа была предельно проста - «контролировать вопросы национального строительства». Основопологающим документом в деятельности Наркомнаца стала «Декларация прав народов России», принятая 3 ноября 1917 г. и предусматривавшая равенство всех народов страны, право на отделение и образование самостоятельного государства, отмену всех национальных ограничений, свободное развитие национальных меньшинств в составе каждого из народов [2, с.380].

Определив свою структуру, наличные силы и средства, Наркомнац начал активно функционировать на всей территории, подконтрольной большевистскому правительству. В 1918 г. в его составе был образован Мусульманский Комиссариат и Комиссариат горцев Кавказа, [3, с.71] который возглавил видный карачаевский революционер и ученый У.Д.Алиев.

Процесс национально-государственного строительства на Юге России в 1918 г. шел быстрыми темпами и зачастую носил хаотический характер. Северокавказские горцы оказывались в составе целого ряда государственных образований: Ставропольской советской республики, Терской советской республики, Черноморской советской республики, Кубанской советской республики, Северо-Кавказской советской республики и др. Наркомнац провел большую работу, связанную с упорядочением процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе и приведением его в соответствие с принятой в 1918 г. Конституцией [4, с.65]. В условиях острого гражданского противостояния большевики провозгласили новую форму государства, основой которой должен был стать «братский союз наций».

Первым официальным документом советской власти, регулирующим процесс развития горских народов Северного Кавказа, стало Постановление Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР, опубликованное 2 августа 1918 г. Работники Наркомнаца принимали самое активное участие в процессе подготовки этого документа. В постановлении предписывалось организовать на местах, где проживало горское население, отделы, призванные заниматься делами горцев Кавказа. Его подписали В.И. Ленин, заместитель Наркомнаца С.С. Петровский и заведующий отделом горцев Кавказа У.Д. Алиев. В Постановлении указывалось: «Всем уездным и губернским Советам на местах с наличностью горского населения немедленно организовать отделы по делам горцев с подотделами, необходимость коих диктуется местными условиями» [5, с.7-2].

Однако обстановка в стране, охваченной Гражданской войной, менялась стремительно. Осенью 1918 г. почти вся территория Северного

Кавказа оказалась под контролем частей Добровольческой армии. Поэтому запланированные начинания реализовать не удалось. Никаких действий на этом направлении Наркомнац не предпринимал в течение двух лет, что было обусловлено сложной обстановкой на фронтах.

14 октября 1920 г. было принято Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами». Этот документ подчеркивал необходимость «упорядочения жизни автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют ещё автономных учреждений, в первую голову, для калмыков и бурят-монголов» [6, с.7].

Несмотря на то, что данное постановление было принято в связи с освобождением Красной Армией большей части Сибири, изложенные в нем требования касались и северокавказских народов. Уже через четыре дня после принятия этого документа заведующий отделом горцев Кавказа Наркомнаца У.Д. Алиев подал на имя Председателя СНК В.И.Ленина докладную записку о положении на Северном Кавказе, в которой прямо указывал на необходимость предоставить национальную автономию горским народам.

В тот же день В.И. Ленин ознакомился с докладом, некоторые слова из сопроводительной записки У.Д. Алиева к докладу подчеркнул трижды и внизу написал красными чернилами: «Т. Каменский! По-моему, надо тотчас послать копию т. Сталину для Бюро Цека на Кавказе, а этот оригинал перешлите т. Крестинскому. Ответьте мне также несколько слов по существу доклада» [7, с.7-2].

Подготовленный работниками Наркомнаца документ получил одобрение на высшем уровне. Уже через два месяца (в январе 1921 г.) были образованы Дагестанская АССР и Горская АССР, в состав которой вошли Северная Осетия, Балкария, Кабарда, Чечня и Ингушетия. Однако объективная историческая реальность вскоре заставила Наркомнац существенно скорректировать свое отношение к Горской республике. С одной стороны, часть горской интеллигенции восприняла образование Горской АССР как начало создания на территории Закавказья и северокавказских районов, населенных горцами, мощного государственного образования, политическое будущее которого в теории могло простираяться вплоть до обретения независимости. Наркомнац был серьезно обеспокоен возможностью вхождения в Горскую АССР Дагестана и отделившейся от Грузии 21 мая 1921 г. Абхазии [7].

С другой стороны, в самой Горской АССР начали «поднимать голову» так называемые «национал-коммунисты» [8], все более отчетливо проявляющие сепаратистские настроения в Горской республике. Противоречия и склоки начались практически сразу после появления этого

национального образования и имели самые разнообразные поводы: от пресловутых межнациональных отношений в районах соприкосновения народов до распределения средств, выделяемых из центра.

Складывающиеся внутри руководства нового государственного образования взаимоотношения не устраивали Наркомнац, главным образом, И.В. Сталина. Заведующий отделом горцев Кавказа Наркомнаца У.Д. Алиев отмечал, что изначально большевиками планировалось, что «центр тяжести всей творческой деятельности и инициативы должен был бы быть предоставлен отдельным национальным окружным органам» [9, с.236]. Многие функционеры Горской АССР начали проводить политику строгой централизации внутри республики, что никак не отвечало замыслу руководства Наркомнаца. В конечном итоге, руководство Наркомнаца склонилось к поддержке национальных автономий. После этого процесс распада Горской АССР принял лавинообразный характер.

Образование СССР в 1922 г. большевики рассматривали не только как форму объединения народов бывшей Российской империи, но и как переходную форму к полному государственному единству наций и стиранию национальных различий [10, с.6]. Для идеологов большевизма все больше становилось ясным длительное существование как наций, так и национальных различий даже после победы социалистической революции во всем мире. Уже в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В.И. Ленин указывал, что национальные различия «будут держаться еще очень и очень долго после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» [11, с.77].

Анализ внутрипартийных дискуссий по национальному вопросу показал, что на исходе гражданской войны в большевистском руководстве появились новые акценты национальной политики, которые носили характер частичного отступления от интернациональной парадигмы. Однако это отступление имело временный характер и (во многом) зависело от политического момента в стране. С одной стороны, шла дальнейшая централизация партии и (соответственно) государственной власти, безукоснительное подчинение национальных компартий ЦК РКП(б). Созданная жестко централизованная партийная организация действовала, в принципе, вне рамок закрепленной Конституцией федеративной структуры государства. РКП(б) фактически могла ликвидировать любые проявления сепаратизма в республиках Союза и была гарантом единства страны. С другой стороны, шел поощряемый самим руководством партии процесс развертывания национально-государственного строительства, который, казалось бы, вел к децентрализации власти.

Вскоре после образования Союза Советских Социалистических

Республик Наркомнац был ликвидирован (июнь 1923 г.). При этом властью было признано, что данный исполнительный орган (в целом) выполнил свою задачу. Все народы нового государства, в том числе и северо-кавказские горцы, были в той или иной степени вовлечены в процесс социалистического строительства. Совет Национальностей, созданный в мае 1920 г., после реорганизации Наркомнаца, стал второй палатой ВЦИК и фактически взял на себя функции «парламента национальностей», в дальнейшем расширяя свои функции и обрастая бюрократическим аппаратом.

Таким образом, роль Наркомнаца в процессе национально-государственного строительства на Северном Кавказе была огромной. Фактически этот исполнительный орган полностью контролировал взаимодействие центра и национальных регионов в сложный период укрепления Советской власти в 1917-1923 гг. Используя национальные противоречия, руководству Наркомнаца удалось воплотить в действительность такое национально-территориальное деление региона, которое отвечало интересам молодого советского государства и северо-кавказских горцев. При этом удалось нанести идеологическое поражение как сепаратистам, так и сторонникам создания «горской федерации», в которой интересы одних, «слабых и малочисленных» горских народов неизбежно приносились бы в жертву другим, более «сильным и многочисленным». В результате деятельности Наркомнаца народы Северного Кавказа были включены в состав Союза Советских Социалистических Республик и получили возможность интенсивного социально-экономического, политического и культурного развития в составе сильного молодого государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 89.
2. Декларация прав народов России // Большая советская энциклопедия / Под редакцией А.М. Прохорова. 3-е издание. - М., 1969-1978. Т. 6. С. 380.
3. Национальная политика России: история и современность / Под ред. В.А. Михайлова. - М., 1997. С. 71.
4. История Советской Конституции в декретах и постановлениях Советского правительства. 1917-1936. - М., 1936. С. 65.
5. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 490. Л. 7.
6. Лайпанов К.Т. Вертикальный имамат? Забытый урок истории // ДОШ (слово). 2005. №7 / [http://www.doshdu.ru/1\(7\)2005/page-7-2.htm](http://www.doshdu.ru/1(7)2005/page-7-2.htm)
7. Гибель горской республики / Российский правовой портал. Публичная бесплатная политико-правовая интернет-библиотека Пашкова Романа // <http://constitutions.ru/archives/3597/15>
8. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 504. Л. 3.

9. Тарлыков А.А. Наркомнац и практика решения национального вопроса в условиях общегосударственного кризиса 1917-1922 гг. // Эволюция российской государственности: Прошлое и современность. Материалы II межрегиональной научной конференции. - Ставрополь, 2003. С. 236.

10. Вдовин А.И. Этнополитика в контексте новой государственности // Кентавр. 1994. №1. С.6.

11. Ленин В.И. Полное собрание соч. Т. 41. С. 7.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Зимовец Л.Г.

THE FEATURES OF N.A. BERDJAEV'S PHILOSOPHICAL OUTLOOK

Zimovets L.G.

В статье реконструирована динамика религиозного поиска Н.А. Бердяева, дан анализ ключевых проблем, определено место его философии культуры в общем философском наследии. В ходе исследования выявлено, что основой его культурфилософской концепции стали философский теологизм и философская религиозность. Это позволило автору представить философию культуры Н.А. Бердяева как новый вариант теологии культуры.

There is determined in the article the changes of religious search of N.A. Berdjaev, the analysis of key problems of his philosophy, and the place of his philosophy of culture in the common philosophical heritage. There is revealed during research, that philosophical theology and philosophical religiousness became the basis of his cultural-and-philosophical concepts. It has allowed the author to present his philosophy of a culture as a new variant of its theology.

Ключевые слова: теология, экзистирование, эсхатология, объективация, субъективация, пневматология, символизация.

Keywords: theology, eschatology, exteriorization, objectivization, subjectivism, pneumatology, existention, symbolization.

В философской автобиографии «Самопознание», в которой Н.А. Бердяев осмыслил свою идейную эволюцию, он говорит о выработке в последние годы жизни своей окончательной философии. Автор связывает ее с обоснованием особых подходов в понимании ряда таких ключевых тем, как объективация, несотворенная свобода, личность,

а также с особым пониманием христианства. Кроме того, Н.А. Бердяев указывает на достигнутую в этот период терминологическую четкость.

Пытаясь выделить наиболее характерные черты философии Н.А.Бердяева, обратимся к его собственной характеристике своего мирозерцания. Автор отмечает, что существуют самые различные типы философских мирозерцаний. Различие типов зависит от того, какой принцип был положен в основание классификации. Дильтей предлагает установить три типа философских мирозерцаний: натурализм, идеализм объективный, идеализм свободы. В этой условной классификации идеи Н.А. Бердяева должны быть отнесены к идеализму свободы. С таким же основанием их можно было бы назвать реализмом свободы (если не понимать реальность натуралистически). Н.А. Бердяев сам предлагает установить ряд противоположений: «Философия субъекта и философия объективная. Философия духа и философия натуралистическая. Философия свободы и философия детерминистическая. Философия дуалистически-плюралистическая и философия монистическая. Философия творчески-динамическая и философия статистически-онтологическая. Философия персоналистическая, философия личности и философия универсально-общего. Философия эсхатологическая, философия прерывности и философия эволюционная, философия непрерывности» [1, с.190].

В этих противоположениях Н.А. Бердяев определяет свою философию «как философию субъекта, философию духа, философию свободы, философию дуалистически-плюралистическую, философию творчески-динамическую, философию персоналистическую и философию эсхатологическую» [1, с.190]. Автор отмечал, что первое время его философия (в очень малой степени) была эсхатологической, эсхатология у него относилась лишь к среде религиозной. Но эсхатология может и должна иметь свое гносеологическое и метафизическое выражение: Н.А.Бердяев стремился к этому выражению, стремился к созданию философии конца. Следует отметить, что в перечне основных идей философии Н.А. Бердяева, данном в исследовании Н.В. Мотрошиловой [2, с.249-252], присутствуют все упомянутые Н.А. Бердяевым элементы (кроме утверждения о «дуалистически-плюралистическом» характере его философии). Соответствие основных элементов характеристики Н.А. Бердяевым своей философии мы находим и в исследовании С.А.Титаренко «О специфике религиозной философии Н.А. Бердяева» [3], может быть, несколько иначе выраженных.

Однако для нашего исследования особую актуальность приобретает оригинальная исследовательская гипотеза Н.В. Мотрошиловой, суть которой заключается в том, что философское творчество Н.А. Бердяева,

как и ряда других выдающихся русских мыслителей конца XIX – начала XX веков (после В. Соловьева), идет в едином русле с формированием на Западе философии жизни и других близких к ней иррационалистических течений.

С точки зрения Н.В. Мотрошиловой, философия Н.А. Бердяева - это новый вариант философии жизни. Он впитал в себя импульс «неортодоксального» для нововременной философии прорыва к жизни из царства абстракции (Я. Бёме, Ф. Баадер); первые всплески западной «философии жизни» рубежа XIX и XX веков (прежде всего в учениях Ф. Ницше и А. Бергсона, впрочем, подвергаемых основательной критике); но особенно – мотивы «поворота к жизни» в российской философии того же периода» [2, с.250].

Затем этот тезис Н.В. Мотрошиловой будет ею развернут в подробную картину философского творчества Н.А. Бердяева, живым фоном которой будет широкая панорама западной мысли XX века. Так философию Н.А. Бердяева еще никто не определял. Впервые в исследовании наследия автора был выдвинут тезис о том, что философия Н.А. Бердяева - это «новый вариант философии жизни».

Культурфилософская составляющая философии Н.А. Бердяева оказалась на периферии исследовательского интереса как его сторонников, так и его оппонентов. Сам автор включает философию культуры в состав своей философии в работе «Мое философское мирозерцание» [4]. Сложность заключается в том, что философия культуры Н.А. Бердяева представлена в его творчестве не автономно и специально, а в составе его философской антропологии, учении о творчестве, социальной философии, историософии и др. Поэтому вычленение культурфилософской концепции Н.А. Бердяева из его философского наследия стало задачей нашего исследования.

В философии культуры Н.А. Бердяева, на наш взгляд, присутствуют почти все основные темы мировой культурфилософской мысли: понятие культуры, ее истоки, символичность культуры; диалектика культуры, соотношение понятий «культура» и «цивилизация», проблема творчества, типология культуры, а в ее контексте социокультурная парадигма «Восток – Запад – Россия», теория прогресса, идеальные черты нового типа общества и культуры, культура массового общества, особенности культуры России и судьбы России. Особое место в философии культуры Н.А. Бердяева занимает тема кризиса культуры.

Открытым остается вопрос о статусе философии культуры Н.А. Бердяева в его философском наследии. Некоторые исследователи полагают, что главной темой Н.А. Бердяева была тема свободы, другие акцентируют внимание на историософской проблематике. Исследуя

философское мирозерцание Н.А. Бердяева, мы пришли к выводу, что главной и основной для него была проблема человека. Философ признается «моя религиозная философия, которая была вполне сознана и выражена лишь в книге «Смысл творчества», отличалась от преобладающего течения. В основании ее лежали иные темы и проблемы, иной духовный опыт. Я, вероятно, более всех был сосредоточен на теме о человеке. Я был не столько теологом, сколько антропологом. Исходной для меня была интуиция о человеке, о свободе и творчестве, а не о Софии, не об освящении плоти мира, как для других» [5, с.409].

Следует отметить, что книга Н.А. Бердяева «Смысл творчества» (1916) занимает совершенно исключительное место в его философии. В ней нашли отражение наиболее значимые и важные для автора темы. Сам Н.А. Бердяев также неоднократно отмечал значение этого труда: «Пережитое мною откровение творчества, которое есть откровение человека, а не Бога, нашло себе выражение в книге «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Книга эта написана единым, целостным порывом, почти в состоянии экстаза. Книгу эту я считаю не самым совершенным, но самым вдохновенным своим произведением, и в ней впервые нашла себе выражение моя оригинальная философская мысль. В нее вложена моя основная тема, моя первородная интуиция о человеке» [1, с.60].

В жизненном источнике этой книги, этой религиозной философии заложено совершенно исключительное, царственное чувство человека, религиозное осознание Антропоса как божественного Лица. Этой теме Н.А. Бердяев не изменял никогда: «Я оставался верен основной идее «Смысла творчества» [5, с.467]. Автор отмечает, что много писали оправданий Бога, теодицей, но наступила пора писать оправдание человека – антроподицею. Его книга стала опытом антроподицеи через творчество: «Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены творчеством. Творчество ...есть выход, исход, победа» [6, с.255].

На протяжении всей своей жизни он видел свою задачу именно в том, чтобы повернуть философию к проблеме человека, чтобы сделать ее в полном смысле открытой, глубокой философской антропологией, философией человека. «Смысл творчества» - одна из первых книг XX века, где четко и сильно заявлено об отходе от абстрактного гносеологизма, абстрактного онтологизма к персоналистической философии человека, centered around жизни, смерти, любви человеческого существа: «После пережитого мною внутреннего подъема, я никогда не изменял своей веры в творческое призвание человека», – признается Бердяев [5, с.466].

Один из представителей русского зарубежья Н.П. Полторацкий отмечает, что «философия Николая Бердяева – ... философия антропо-

логическая» [7, с.7]. Американский исследователь Ф. Нуко говорит: «Фундаментом его экзистенциальной философии является философская антропология» [8, с.48]. Английский историк русской философии Ф. Коплстон утверждает, что «с Бердяева начинается акцентирование внимания на человеческой личности как свободной» [9, с.371]. С точки зрения Н.А. Бердяева, «доныне религия, мистика и философия были так нечеловечны и бесчеловечны и с имманентной неизбежностью вели к безбожному позитивизму» [6, с.261], что пришло время писать оправдание человека – антроподицею.

Главной темой исканий Н.А. Бердяева была философская антропология. Именно в ее подходах кроется ключ к решению остальных тем и проблем. Тема же творчества как откровения человека является основой его философской антропологии. Именно творчество определяет статус человека во вселенском универсуме. Бытие открывается в человеке и через человека. Человек есть микрокосм и микротеос. Он сотворен по образу и подобию Бога. Но в то же время человек есть существо природное, ограниченное. В человеке есть двойственность: человек есть точка пересечения двух миров, он отражает в себе мир высший и мир низший. Как образ и подобие Бога, человек является личностью. Присущая человеку свобода есть свобода несотворенная.

Свобода, ничем не детерминированная, дает ответ на Божий зов к творческому деланию. Творчество человека из ничего нужно понимать в смысле творчества человека из свободы. «Во всяком творческом замысле есть элемент первичной свободы человека, ничем не детерминированной, бездонной, свободы, не от Бога идущей, а к Богу идущей» [10, с.157]. Для обозначения того небытия, что лежит в основе бытия, «добытийственной» свободы, Н.А. Бердяев использует термин немецкого мистика XVII века Якоба Бёме, который учил об *Ungrund*, «темном начале» в Боге, объясняющем муки мира. Безосновное (*Ungrund*) у Я.Бёме является глубиной самого Бога, оно не выступает в качестве самостоятельной сущности, в отличие от концепции Н.А. Бердяева. Для чего же понадобилось Н.А. Бердяеву введение Безосновного в качестве первоначала? Именно таким образом он объяснил автономию человеческого творчества, возможность такого результата, который бы превышал потенцию, заложенную в человека Богом. Человек, по его мнению, имеет происхождение от двух природ – Бога и Безосновного. Именно Безосновное повышало статус человека до статуса Бога, ведь сам Бог происходил из Безосновного. Путем введения Безосновного в качестве первоначала философ утверждал человека, но тем самым он умалял Бога.

Один из мотивов введения Божественной двусоставности челове-

ка возникает из попытки решения проблемы теодицеи. Бог не ответственен за зло, творимое человеком, поскольку человек имеет вторую составляющую, происшедшую из Безосновного. Именно Безосновное как неопределенное, как абсолютная потенция может выступать в определенных условиях источником зла. Поскольку безосновное является самостоятельным первоначалом, и оно не зависит от Бога, постольку Бог не в силах предотвратить зло. На связь между несотворенной свободой, коренящейся в Безосновном, и проблемой теодицеи указывает М. Спинка. М. Спинка сомневается в утверждении Н.А. Бердяева о том, что если человеческая свобода является Божественным подарком, то это сделает Бога ответственным за человеческие злоупотребления [11, с.12]. Дополняя вышесказанное, нам хотелось подчеркнуть, что «свобода» необходима была Н.А. Бердяеву (прежде всего) для объяснения тайны творчества. Как верно указывает академик, исследователь Джеймс В. Дие в своей статье о творчестве Н.А. Бердяева, концепция Безосновного обосновывает онтологические возможности творчества и является ничем иным, как творческим потенциалом [10, с.462].

Таким образом, человек был создан для того, чтобы стать, в свою очередь, творцом. Он призван к творческой работе в мире, продолжает творение мира. Смысл и цель его жизни не сводятся к спасению. В своем истоке творчество есть взлет, победа на тяжестью мира. Трагедия творчества состоит в несоответствии творческого замысла с его осуществлением. В концепции творчества Н.А. Бердяева глубоко исследуются такие понятия как творчество и объективация, творчество и эволюция, творчество и эманация. Поскольку главная задача творчества – это создание иного бытия, то во имя этой цели творчество проходит через жертву и собственным совершенством и совершенством культуры. Бердяеву удалось раскрыть «тройной» антагонизм: «антагонизм домостроительства ценностей культуры и домостроительства личного совершенства, антагонизм творчества и культуры и антагонизм творчества и личного совершенства» [6, с.521]. Их преодоление он связывает с новой религиозной эпохой, когда творчество перейдет к космическому совершенству, в котором претворится в единое – совершенство человека и совершенство его созиданий. Для Н.А. Бердяева важно выяснить и то, является ли творческое воплощение объективацией, нужно ли различать воплощение и объективацию, а также воплощение и овеществление. До него не обращали внимания на эсхатологическую сторону творчества.

Н.А. Бердяев не только раскрывает эсхатологизм творчества, но и различает телеологию и эсхатологию, телеологию и творчество. Тема творчества и воплощения связана у Н.А. Бердяева и с различением субъективного и объективного творчества, «классического» и «роман-

тического» в творчестве. Мы видим, сколь многопланова и сложна концепция творчества философа. Откровение творчества обосновывает у него антропологию, которая является фундаментом описания творческой роли человека во вселенской истории, приходящей к метаистории. Темы творчества и антропологии взаимосвязаны друга, разделяясь по отдельным смысловым блокам. Осмысление основных культурфилософских проблем происходит автором в духе и с позиций философии экзистенциализма.

Таким образом, философия культуры Н.А. Бердяева существенно отличается от ее «академических» вариантов в истории культурфилософской мысли. Основные черты философии жизни, жизни Духа процедируются и целиком обуславливают оригинальность, «инаковость» философии культуры автора.

Мистика и творчество явились у Н.А. Бердяева духовной заменой религии, что находилось в рамках общей тенденции, характерной для духовной ситуации того периода не только в России, но и в Европе. Эту тенденцию можно определить как всеобщий культуралистический поворот. Его суть состояла в стремлении выработать в рамках культуры(и философии как ее духовного центра) аналог тех духовных реальностей, которые ранее были исключительно самостоятельны и имели существенные отличия от культуры. В частности, в установленной нами окончательной позиции Н.А. Бердяева просматривается стремление создать философский аналог религии. Участник духовного общения с Бердяевым протестантский теолог П. Тиллих дает этой направленности удачное определение – теология культуры. Сам П. Тиллих, будучи профессиональным теологом и чувствуя проблематичность введения данной духовной отрасли, откровенно признается, что к такой направленности своего творчества его подтолкнул заказ фонда Терри, поставивший перед ним задачу переосмыслить религию с позиций философии. Данный знак свидетельствует об общей тенденции в общественном сознании той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
2. Мотрошилова Н.В. Специфика философского синтеза Н.А. Бердяева: общие характеристики // Историко-философский ежегодник. 2001. М.: Наука, 2003. С. 249-262.
3. Титаренко С.А. Специфика религиозной философии Н.А. Бердяева. Ростов-на-Дону., 2006.
4. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев о русской философии. Свердловск. Изд-во Уральского университета, 1991 ч.2., С. 26-148.

5. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М., 1998.
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
7. Полторацкий Н.П. Бердяев и Россия. Философия истории России у Н.А. Бердяева. Нью-Йорк., 1967.
8. Nucho J. Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity. New York: Anchor Books, 1967.
9. Copleston F.C. Philosophers in Exile // Copleston F.C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. Univ. of Notre Dame, 1986., P. 371-406.
10. Бердяев Н.А. О назначении человека // Творчество и объективация. Мн., 2000., С. 139-208.
11. Spinka M. Nicolas Berdyaev capture of freedom. Philadelphia: Westminster Pr. 1950.
12. Dye J.W. Berdyaev on "Creativity" // Personalist. Vol. 46. 1965. P. 459-467.

УДК 130.2

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Котлярова В.В.

PREREQUISITE FOR THE DEVELOPMENT AXIOLOGICAL PARADIGM RESEARCH CULTURE IN THE WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION

Kotlyarova V.V.

Данная статья посвящена актуальным вопросам становления аксиологической парадигмы исследования культуры в западноевропейской философской традиции. Основное внимание автор уделяет специфике развития ценностной проблематики в западноевропейской философии и отмечает, что становление аксиологической парадигмы исследования культуры не связано с каким-либо одним философским направлением.

This article focuses on topical issues of the formation of axiological paradigm of cultural research in the Western philosophical tradition. Main attention is paid to the specifics of the development of values issues in Western philosophy. It is noted that the formation of axiological paradigm of cultural research is not related to any one philosophical system. therefore.

Ключевые слова: аксиология, философия культуры, ценность, аксиологическая парадигма.

Keywords: axiology, philosophy of culture, value, axiological paradigm.

В период цивилизационного сдвига, меняющего ценностные основы бытия человека, насущной проблемой современности становится поиск новых базисных ценностей, а в этой связи в социально-гуманитарном

познании непрерывно возрастает интерес к существующим аксиологическим подходам и концепциям. Целью статьи является анализ предпосылок становления аксиологической парадигмы исследования культуры в западноевропейской философской традиции.

Аксиологическая парадигма исследования культуры является в системе философского знания одной из классических. Именно в рамках ценностной парадигмы начинается философское осмысление феномена культуры, т.к. «аксиологический» образ культуры, согласно П. А. Флоренскому, рождается из понятия «культга» [1, с.177]. Аксиологическая парадигма исследования культуры определяет направленность изысканий, задавая общие критерии понимания ценностей культуры и её строения, отбора фактов и их обобщение. В каждой культуре есть оригинальное ценностное ядро, благодаря которому обеспечивается оригинальность и целостность культуры, её неповторимость и накопленный исторический опыт. Ценность – это человеческое измерение культуры, её духовные опоры, т.к. культура многогранна, и только в системе ценностей можно достаточно содержательно понять ее проявления. Вне культуры развитие человека лишается смысла, т.к. каждый, выбирая ценности из наличной культуры, выстраивает их в мобильную иерархическую систему, которая постепенно со временем преобразовывается. В культуре выражаются, хранятся, осваиваются и передаются те ценности, которые ориентируют человека в мире, наполняют его жизнь всесторонним содержанием, иначе говоря, «система взглядов, которая не упорядочивает и не иерархизирует окружающий мир по его ценностным признакам, просто не может быть названа культурой» [2, с.30]. Поэтому понятие «ценность», апелляция к ценностям и их исследование составляют содержание аксиологической парадигмы исследования культуры.

Становление аксиологической парадигмы исследования культуры не связано с каким-либо одним философским направлением. Исторически в зарубежной философии сложилось множество концепций и теорий ценностей, т.к. проблема изучения ценностного мира людей всегда была и будет эпицентром философских споров и дискуссий. Человеком всегда и везде предпринимались попытки осмыслить и оценить окружающую действительность, понять самого себя и других людей, осознать и объяснить загадочное и неведомое. Именно так проявлялось ценностное отношение человека к миру. Ещё с глубокой древности человеком задавались вопросы, не потерявшие своей значимости и актуальности и поныне: кто я и зачем пришёл в этот мир, каков смысл моей жизни, на основании каких идеалов и ценностей я постоянно должен делать выбор своего жизненного пути, какие ценности существуют у человека, в чем они проявляются, как они возникают и исчезают, что представляет

собой ценность, существуют ли «вечные» ценности, есть ли необходимость в этом понятии.

Впервые в истории философии интерес к ценностному миру человека пробудили софисты. Софистика выдвинула на передний план этический момент. Однако их свободное, игровое отношение со словесностью повергает в недоумение философию, рассматривающую процесс познания и речь с точки зрения их логической корректности. В пространстве философии возникает проблема: не разрушает ли поэтический, многозначный стиль софистов ту особую исключительную объективность и учёность языка «истинного философствования». Софисты внедрили в античную философию новые элементы скепсиса и прагматизма, отвлекая античную философскую мысль от её более теоретических и космологических прежних проблем, приблизили философскую мысль к миру человека и его ценностям. Согласно мнению софистов, в частности Протагора, человек есть мера всех вещей; именно его собственные суждения о повседневной человеческой жизни, выраженные с позиции этического релятивизма, должны вырабатывать основу личных верований и поведения. Истина (с точки зрения софистов) относительна, а не абсолютна, она неодинакова для каждой культуры, для каждого конкретного человека, для каждой определенной ситуации.

Начало философских размышлений о нравственности положил Сократ. Его реакция на моральный релятивизм софистов и стала своеобразным антропологическим «Рубиконом» в античной философии. С точки зрения этического релятивизма софистов, не существует неизменных, однозначно обязательных моральных норм и правил. Каждый человек имеет право и должен выбирать подходящие для себя нравственные ориентиры. Именно против такой бесконечной множественности морали и выступил Сократ, считавший, что существование релятивных моральных норм относится (скорее) к «миру мнений», а не «миру истины». Позиция Сократа о существовании неизменных, вечных и абсолютных моральных ценностей была воспринята в античности как подлинно нравственная позиция, как существование «морального сознания», как своеобразная ценностная революция (с точки зрения парадигмального подхода). Именно позиция Сократа (через неоплатонизм) была воспринята христианским миром и привела к революционной смене аксиологических приоритетов.

Платон, выстраивая иерархию идей, венчает её вершину категорией «благо». Общие идеи, согласно Платону, онтологически более реальны, чем те обычные вещи, которые мы можем наблюдать. Благо – это и самая общая идея, и одновременно самая «лучшая» ценность, которая превосходит другие в нравственном отношении, т.к. общее, по Платону,

более истинно, чем единичное, и душа стремится именно к постижению общего (общей идеи красоты, любви, блага). Жить нравственно (реализовывать в своей жизни общие черты человеческого бытия), по его мнению, предпочтительней, чем безнравственно. Аристотель понимает благо человека как то, что совпадает с общественным, а государство есть вид общения между людьми, т.к. человек – существо политическое, и он не может существовать вне государства.

При этом Аристотель делает существенный для всей античной философии поворот, рассматривающий нравственность человека как элемент его ценностного мира. Он подвергает критике учение Платона за предельный рационализм и обращает внимание на позитивную роль эмоций в жизни человека. У Аристотеля понятие ценности определяется в соотношении с понятиями «благо» и «цель». Ценнее то благо, которое ближе к цели, считал философ, а из двух благ более ценно то, которое является таковым не только для меня, но и «вообще». В «Никомаховой этике» слова, производные от ἀξία, употребляются для обозначения самооценки (ἀξίωμα) или добродетели (ἀξίον) (достоинства). Лексика же, связанная с понятиями «ценность, ценимый, ценный», восходит к слову «цена» (τιμή). Философия, по Аристотелю, «это заглавная наука о том, что всего ценнее» и потому она являет единство научного познания и «постижения умом вещей по природе наиболее ценных» [3, с.297]. Аристотель, фиксируя зависимость ценностных отношений от возраста и нравственных качеств человека, обозначил важнейшую для аксиологии проблему: соотношение субъективных оценок и объективной ценности «вполне разумно, чтобы разные вещи казались ценными детям и мужам, дурным и добрым». Однако «ценным является и доставляет удовольствие то, что таково для добропорядочного», действующего в соответствии с добродетелью, т.е. «добродетельный человек как таковой» является мерой истинной ценности [3, с.297].

Итак, в античной философии активно разрабатываются представления об идеалах и ценностях личностного поведения в обществе, ценностные характеристики, частные суждения о том или ином виде ценностей связывались (преимущественно) с представлениями о подлинности бытия. Онтологическая реальность идей приводит к тому, что аксиология поглощается онтологией. И говорить об аксиологической парадигме исследования культуры, начиная с античности, можно только в контексте человеческого бытия в различных общественных сферах, т.к. ни категория ценности, ни ценностные суждения не становятся задачей отдельных философских исследований.

Переход к христианскому мировосприятию от античного, сопровождавшая его «переоценка ценностей» сформулировали новый аксио-

логический идеал, который включал в себя соразмерявшийся с религиозными догмами пересмотр воззрений на сущность и предназначение человека. Средневековое засилье теологии приводило к тому, что природа ценностей раскрывалась только в идеях и идеалах индивидуального спасения. Августин Аврелий, рассуждая о несовершенстве человеческого бытия, выделяет онтологическую потребность человека в самоизменении и уповании на Бога, именно эти поведенческие императивы ведут греховного и слабого человека к спасению.

П. Абеляр известен не только как автор схоластических текстов, но и как мыслитель, имеющий своё мнение о ценностном мире человека. По его мнению, мир влияет на то, какими будут поступки верующего человека, а благо есть собственное намерение, а не действие, которое может быть при определённых обстоятельствах как благим, так и дурным. Благо и нравственность состоит в следовании воле Бога, равно как и зло, и безнравственность – в отклонении от божьей воли. Итак, в Средние века аксиология поглощается теологией, наблюдается своеобразная теологическая редукция ценности.

В эпоху Ренессанса (в период ослабления власти церкви) происходит очередная ценностная революция, формируется новая аксиологическая характеристика, для которой характерно подлинное возрождение интереса к изучению и познанию человека, его природы и культуры, становится возможным обращение внимания на земную, реальную природу человека. У истоков антропоцентрического гуманизма и нового аксиологического мировосприятия стоит величественная фигура Данте Алигьери. В своей бессмертной «Божественной комедии» он исполняет гимн земному предназначению человека.

В эпоху Возрождения происходит возвышение человека, формирование представлений о нём как о высшей ценности. Известный гуманист эпохи Ренессанса Джанотто Манетти в своём трактате «О достоинстве и превосходстве человека» неоднократно утверждает, что человек рожден вовсе не для печального существования, а, наоборот, для творческого созидания и ценностного утверждения себя в своих поступках. Понимание свободы человека как высшей ценности стало краеугольным камнем философской антропологии великого итальянца Пико делла Мирандолы. Согласно его мнению, человек – это неповторимый, огромный мир космоса: человек должен творить себя сам в ситуациях свободного, т.е. ответственного выбора. В свободе выбора великий гуманист видел «высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет» [4, с.222]. Речь идёт о новом понимании человеческой природы – как природы становящейся, точнее, «самостоятельной». Говоря о духовных ценностях эпохи Ренессанса,

стоит отметить, что их существование на протяжении более шести веков определило духовность европейского общества. Антропоцентризм как ведущая идея Ренессанса позволил развить в дальнейшем антропологические учения, ставя во главу угла человека как высшую ценность.

Эпоха Возрождения укрепила уверенность человека в силе его естественных возможностей, весь пафос гуманизма состоял в утверждении достоинства человека, его особого статуса в мире. Гуманизм эпохи Возрождения только показал возможные дерзания человеческого разума, а окончательный поворот к установлению его ценностной автономии, к принятию его основным принципом поведения и познавательной активности человека произошёл в философии Нового времени. В это время все традиционные онтологические, а также этические, политические и эстетические философские вопросы (и вопросы ценностного мира человека) ставились и решались в зависимости от понимания основания науки. Философами обсуждались проблемы ценностей разума (Р. Декарт, Г.Лейбниц, Б. Паскаль) и чувств (Ф. Бекон, Д. Юм, Дж. Беркли) в разных областях человеческого бытия как в сфере познания, так и в социально-политической сфере (Т. Гоббс, Дж. Локк). Р. Декарт видел назначение разума в установлении подлинной ценности всех благ и соотносил понятие ценности с миром субъекта (с нравственной деятельностью человека). Он считал, что человеку необходимо знать истинную «цену» добра и зла, уметь различать их. Наша любовь и неприязнь к вещам определяется тем, насколько они представляются нам ценными, не наоборот.

Б. Паскаль, назвавший человека «думающим тростником», анализировал человеческие достоинства, различая среди них условные достоинства, связанные с социальным статусом, обусловленные общественными нормами, и естественные, относящиеся к душе или телу. Автор знаменитого трактата «Левиафан» Т. Гоббс также затрагивает ценностную проблематику, выделяя «ценность человека», которая не отличается от его «стоимости», есть его «цена» и «достоинство», а общественная ценность - та цена, которую ему даёт государство. Не остаётся равнодушным к аксиологической проблематике и шотландский философ Д.Юм, который занимает двойственную позицию в вопросе «об объективности ценности»: с одной стороны, утверждает он, объекты сами по себе лишены всякого достоинства и свою ценность извлекают из аффекта, с другой – у объектов есть «собственная ценность», тогда «ценное существует само по себе». Д. Юм предвосхитил кантовскую трактовку ценностей, однако, сомнения вызывают выяснение им критериев ценностей нравственных поступков и различение «ценностей для себя» и «ценностей для другого». Итак, аксиологический акцент в философии Нового времени перемещается в сторону гносеологии и социальной

философии.

Аксиологическая проблематика становится активно обсуждаемой в европейской философской мысли XVIII–XIX вв. Понятие «ценности» приобретает новые измерения в сочинениях И. Канта, который решает проблему ценностей путём прямо противоположным Д. Юму: ценность нравственных поступков соотносится не с «природными» для нас расположениями души, вроде симпатий, но как раз с тем противодействием, которое оказывает этим расположениям направляемая разумом воля. В 1785 г. И. Кант пишет работу «Основоположение к метафизике нравов», в которой он впервые рассматривает понятие «абсолютной ценности» (Wert), т.е. чистой, доброй воли. Критерий «абсолютной ценности» он видит в том, что истинная нравственная ценность присуща лишь тем нравственным действиям, которые совершаются даже не «сообразно долгу», но только «по долгу», т.е. из стремления исполнить нравственный закон ради самого закона. Действие по долгу, пишет И. Кант, содержит моральную ценность «не в намерении», которая может быть посредством его реализована, но в той максиме, согласно которой принимаются решения совершить тот или иной поступок, а потому эта ценность зависит только от самого «принципа волеия» безотносительно к каким-либо целям. Всё имеет лишь ту ценность, которую определяет нравственный закон.

Ценность самого закона является уже безусловной и несравнимой ценностью, которой соответствует категория «достоинство» (Würde), коему следует воздавать «уважение» (Achtung). Только нравственная ценность определяет ценность человеческой индивидуальности. В мире (как «царстве целей») И. Кант различает три уровня ценностной реальности: первый – это то, что имеет рыночную цену (Markpreis), – умение и прилежание в труде; второй – то, что обладает аффективной ценой (Affektiospreis), – остроумие, живое воображение; третий – это то, что имеет достоинство, внутреннюю ценность (innere Wert), – нравственные поступки и сами человеческие индивидуальности [5, с.53]. И. Кант распространяет характеристики ценностно-значимого и на область эстетики. Он отмечает, что ценность придаёт нашей жизни целесообразную составляющую, а это уже область эстетического. Его исследования суждений вкуса позволяет в определённой степени соотнести эти вопросы с учением о ценностях. В «Критике способности суждения» он размышляет о том, предшествуют ли суждения вкуса чувству удовольствия и оценки предмета. Кант решает эту проблему так: «прекрасно то, что нравится только при оценке» [5, с.56]. Эстетическая оценка – «оценка без понятия», поэтому суждения вкуса не есть познавательное суждение, и эстетическая ценность произведений искусства связана с той

«культурой, которую они дают душе».

Ограничение ценностной сферы нравственной деятельностью было смелой попыткой Канта разграничить царство ценностей и природного бытия. Впервые в истории философии ценность в себе становится синонимом личности, а аксиологическая парадигма получает персонологическое обоснование. В учении о ценностях И. Кант не забыл о теологической перспективе: мир существует ради ценностей личности, однако, в аксиологии И. Канта осталось не востребуемым понятие «порядка сердца», которое не ограничивается установками автономной воли. Только И. Кант первым начал осмысливать аксиологическую парадигму исследования культуры (пусть и не всегда в такой терминологии), выявив оригинальность вопросов о ценностях, их отличие от онтологических и гносеологических вопросов, выработав тем самым то, что впоследствии предстало как «Метафизические основания» философии ценностей.

Таким образом, предпосылки становления аксиологической парадигмы исследования культуры в западноевропейской философской традиции появляются уже в античности. Однако аксиология онтологизирована, как таковой аксиологической парадигмы исследования культуры пока еще не возникает. В Средневековье наблюдается теологическая редукция аксиологических вопросов. Становление нового аксиологического мировосприятия в эпоху Возрождения связано с секуляризацией всех сфер бытия человека, в Новое время аксиологическая проблематика смещается в сторону гносеологии и социальной философии. Но только И. Канту удалось определить ценностный мир как такой, который творится самим автономным действующим субъектом. Ценностное сознание и ценностное творчество оказываются возможными благодаря «практическому» разуму. Если говорить о перспективе развития аксиологии, то можно сказать, что учение о ценностях И. Канта открыло теоретическое пространство для достижений будущей аксиологии и окончательного становления (в рамках западноевропейской философской традиции) аксиологической парадигмы исследования культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. М., 1977.
2. Флиер А.Я. Апология гуманистики // Философские науки. 2000, № 3, с. 29-33.
3. Шохин В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега. 1998. № 3 (№ 17). С. 295-315.
4. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и

бессмертии; Древний мир – эпоха Просвещения / Редкол.: И.Т. Фролов [и др.]; сост. П. С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991.

5. Кисель М.А. Автономия нравственного сознания – истина и заблуждение // сб. Этика Канта и современность / сост. П. Лайзанс. Рига: Авотс, 1989. С. 43-68.

УДК 130.2

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУР КАК ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Носкова Л.В.

THE PROBLEM OF CORRELATION OF RUSSIAN AND WEST EUROPEAN CULTURES AS RATIONALITY TYPES

Noskova L. V.

Цель данной статьи – дать ответ на вопросы о причинах рационализации западноевропейской культуры и отсутствия рационалистической направленности в культуре России. Автором рассмотрены проблемы взаимоотношения культур России и Запада начала XXI века как диалога культур, соотношение Логоса и ratio как типов рациональности двух культур, изучены свойства протестантской парадигмы.

The purpose of given article is to answer on the questions on the reasons of rationalization of the West European culture and absence of a rationalistic orientation in Russian culture. The author considers questions of mutual relation of cultures of Russia and the West in the beginning of the XXI century as dialogue of cultures, a parity of Logos and ratio as types of rationality of two cultures, there are studied properties of a Protestant paradigm.

Ключевые слова: русская и западноевропейская культура, религиозная культура, соотношение культур России и Западной Европы, Логос, рациональность, протестантская парадигма, модернизация культуры, ментальность, сознание.

Keywords: russian and west-european culture, religious culture, the ratio of cultures of Russia and Western Europe, the Logos, the rationality, the Protestant paradigm, modernization of the culture, mentality and consciousness.

Проблема взаимоотношения русской и западноевропейской культур на сегодня занимает одно из первых мест в научных исследованиях по философии культуры. Большой интерес к данной проблематике определен современной социокультурной ситуацией, в частности, тенденцией глобализации мира, интеграции по всем направлениям взаимоотношений, а также информатизации культурных, экономических и политических связей в обществе. Проблема взаимоотношения культур России и Запада в начале XXI века разрабатывается как проблема диа-

лога культур, и соотношение Логоса и *ratio* как типов рациональности двух культур может рассматриваться одним из аспектов данного исследования. В статье мы попытаемся дать ответ на вопрос о причинах как рационализации западноевропейской культуры, так и причинах «логосности» культуры России. Генезис западноевропейской культуры как типа рациональности будет рассмотрен на примере становления протестантской парадигмы, так как именно теоретические установки данной парадигмы повлияли на рационализацию европейской культуры [1, с.214-220; 2, с.191-220; 3, с.288-289; 4, с.17-23].

Свойством протестантской парадигмы является обособленно-специфическая, морально акцентированная система взглядов. Главным постулатом данной системы является прямое противопоставление трансцендентного Абсолюта миру. Данная проблема решается в рамках протестантской парадигмы не онтологически, а этически, т.к. «ни одна сотворенная Богом природа не является несовершенной, ибо зло, нечестие исходит от человека или от дьявола, так же как и их грехи происходят не от несовершенства их природы, а от ее порчи в результате грехопадения» [5, с.166].

Исходя из этого, протестантизм сформировал систему этических ценностей, основываясь на этике ветхозаветного закона (отрицательной) и этике любви Нового завета (положительной). Этика Ветхого завета, по мнению основателей протестантизма, является моральным образцом любви к Богу и ближнему в повседневной жизни, тогда как этика благодати Нового завета – это путь для будущего нравственно-совершенствования: «проповедь Закона направлена на пробуждение сознания греховности, а проповедь Евангелия – на утешение человека, осознающего свой грех» [6, с.146]. По мнению М. Вебера, строгость кальвинистского закона требовала от человека «святости, возведенной в систему» [2, с.146].

Такая специфическая установка протестантской парадигмы (напряженное этическое следование примеру Христа) способствует появлению нового мировоззрения, в основе которого антропологическое (имманентное) начало. Разум человека становится центром всех форм духовной культуры, завершаясь в установке мировоззрения Нового времени. Протестантская догматика постепенно рационализирует идею дольного и горнего миров, что, в свою очередь, явилось причиной отрицания ценности имманентного человеческого мира. В протестантской парадигме постепенно подвергается рационализации и идея спасения, ответственность за которую переносится на конкретного человека, исключая любое посредничество церкви. Идея дуального соотношения трансцендентного и имманентного миров является причиной рациона-

лизации протестантской сотериологии, которая по-новому мотивирует жизненную позицию человека. М. Вебер указывает на то, что в протестантской традиции мы видим отход от традиционализма и магизма католической традиции. «Посредством очищения религии от иррационального момента на первый план выдвигаются этический и рациональный, что детерминирует любой поступок человека рациональной этикой» [7, с.251-252].

Необходимо упомянуть другой аспект кризиса западноевропейского рационализма как феномена культуры – аксиологический. Кризис ценностной иерархии способствует всеобщему кризису культуры, развенчиванию высших идеалов Истины, Добра и Красоты. Культура является делом рук человеческих, но именно устойчивость ценностей делает ее объективной реальностью: «Тот, кто полагает, что ценности сознания и культуры легче изменить, чем материю, обязательно наткнется на сопротивление этой духовной сферы, превышающее сопротивление материи» [8, с.19-20].

Конечно, мы можем наблюдать историческую динамику изменения системы ценностей (тем более в XXI веке), когда все стремительнее традиционные ценности сменяются инновационными. История западноевропейской культуры являет собой уникальный пример органичного преобразования общества традиционных ценностей в общество, где инновация преобладает над традицией. Западноевропейская культура, вступив на путь модернизации в XVIII веке, не изменяет этому пути и по сей день. По мнению современного исследователя Н.И. Лапина, развитие западного общества происходит органически-инновационно, изменение ценностей носит эволюционный характер, в отличие от России, в которой эволюция в культуре чередуется с революциями [9, с.250-251]. Можно отметить определенную закономерность в развитии западноевропейской культуры с ее рационализированным мышлением, которая «в какой-то момент она исчерпала свой очеловечивающий потенциал и положила начало своему кризису» [10, с.170]. Переоценка либеральных ценностей, всеобщая рационализация европейской культуры связывается с переходом к эпохе постмодерна в последней трети XX века.

Несомненной заслугой культуры Модерна можно считать появление принципа социальной организации на основе рыночной экономики. Традиционное общество с его Богом данной властью сменяется рациональным, договорным правом, а традиционный статус человека – принципом внутреннего равенства всех членов общества перед законом. Хотя Модерн и можно считать «великим временем освобождения и повзросления человека» [11, с. 10-11], его внутренний смысл подвергается критике с самого начала своего появления. «Данная критика затрагивает

профанирующий гуманизм, преувеличенное самомнение европейского разума и ничем не ограничиваемый рационализм, а так же трагичный характер сциентистской установки проекта модерна... Бердяев и Достоевский упоминали о роковых последствиях самовозвышения человека, Франк – о губительном для него утопизме» [11, с.11].

Реакцией на культ разума и тенденцию отвлеченного рационализма в XX веке можно считать установку постмодернизма на отказ от главенствующей роли разума. Разум интерпретирует мир в виде текста, противопоставляя его христианскому (новоевропейскому) пониманию бытия. По словам современного исследователя Г.С. Киселева, в данном случае речь идет о способе прочтения мира, и в «постмодерне отрицаются истинно человеческие ценности – религиозные смыслы бытия» [11, с.11]. Процесс религиозного и исторического раскрепощения человека не сопровождался человеческим «ограничением себя», в результате чего человеческий индивид нарушил меру поведения, «после чего стали развиваться явления прямо противоположного характера, приведшие в результате к нигилизму» [11, с.11-12]. По словам А. Вебера, «необычайная психологическая интуиция русских философов помогла им уже в конце XIX в. увидеть в действующей и разъединяющей общество тенденции вульгарного индивидуализированного либерализма стремление к дискредитации ценностей и охарактеризовать его главное качество как нигилизм» [10, с.235]. По мнению философа, причиной данной ситуации стало определенное отношение человека к высшим ценностям, «когда они потеряли свою ценность» [10, с.236]. Модернизм являет собой пример отрицательного разрушения классического основания европейской культуры (в целом). Цельность мышления была утрачена, теоретическая и художественная целостность сменилась раздробленностью сознания. По мнению С.Л. Франка, «профанный» гуманизм возвел в ранг ценностей сам грешный мир с его неприглядными реалиями.

В XX веке главенствующее положение занял человек «экономический», отделенный от природы и от общества. В результате мы имеем крайнюю индивидуализацию как следствие избыточного освобождения человека, «которое перестало быть условием, необходимым для сохранения целостного человеческого облика» [11, с.10-11]. Как считает современный исследователь Е.Б. Рашковский, эпоха модерна, которая коренилась в старых формах научной рациональности и механизированного производства, завершилась у нас на глазах, но ее проблематика преобразования культуры и свободы все еще актуальна. По мнению исследователя, «издержки модерна проявляются в подмене духовного рациональным, и следующий шаг, рационального – технологическим» [12, с.121]. Технологию можно считать овеществленным бытием разу-

ма. «Принцип инновации, который считался рациональным основанием модерна, начал восприниматься как некая угроза, или, в лучшем случае, суета» [12, с.121].

А. Вебер указывает, что европейский ум революционно преобразовал мировую культуру. Европейский дух способствовал не только познанию и освоению мира, но и сыграл серьезную роль в новой организации мирового культурного пространства, его вхождении в технологизированную систему европейского хозяйства, товарно-денежного обращения, одновременно отмечая культурное развитие печатью духовного измельчания и материализации. По мере того как материалистическое начало побеждало, и борьба в этом направлении приобретала решающее значение, исчезала вера в достижимость гармонического равновесия [10, с.173-174]. Западноевропейская интеллигентность, согласно позиции А. Вебера, вошла в обиход мировой культуры как технологизированный и эмпирически ориентированный духовный пласт, который не имеет духовно-душевной глубины [10, с.324].

Теперь необходимо обратиться к мнению наших русских мыслителей по поводу кризиса рациональности в эпоху модерна. Так А.И.Солженицын (а до него В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев) указывает на «ошибку в самом корне – мышлении Нового времени», в мировоззрении, «которое мы можем назвать рациональным гуманизмом, или гуманистической автономностью, проповедуемой и реализуемой автономностью человека от высшей силы» [13, с.324]. Русский менталитет (или русская традиция) считает основной причиной кризиса культуры безрелигиозную, бездуховную потерю нравственных ценностей. По утверждению современного исследователя С.Ф. Анисимова, история имеет пример довоенного Германского государства, где «химера совести» была упразднена официально. Немногие двенадцать лет существования данного государства являются показательным примером того, что именно «высокая духовность и нравственность необходимы для благополучного существования этноса, государства, империи, цивилизации» [16, с.11]. Однако существует и такая точка зрения, согласно которой упадок религиозного сознания является определенной вехой на пути человечества от варварского сознания к современному общественному сознанию. Так исследователь Г.С. Киселев считает, что существующее европейское гражданское общество и правовое государство, имеющие в своем основании научно-технический прогресс, «во многом обеспечивают человеку то достоинство, которое задано его богоподобной природой» [11, с.11-12].

По нашему мнению, данная точка зрения вполне обоснована, так как нельзя недооценивать все заслуги западноевропейской цивилиза-

ции, имеющей христианские корни и воплотившей свой потенциал в современной цивилизации. Необходимо признать, что высокий уровень западноевропейской цивилизации обязан высокому статусу науки.

Но обе эпохи – модернизм и постмодернизм - выявили кризисное состояние человеческой личности. По мнению Э. Фромма, «обществу необходим человек, независимый от властей, принципов вероисповедания, но который принимает руководство над собой, делает то, что от него ожидают» [14, с.193]. Иными словами, отчужденный, но при этом толерантный субъект-автомат и субъект-функция необходим и удобен для общества. Через отношение индивида и общества мы можем увидеть новое понимание рациональности: при переходе от традиционалистского состояния общества к инновационному мы видим конфликт типов рациональности. Данный конфликт проявляется в различных формах: целях, ценностях, деятельности.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что влияние модернизма на личность значительно способствовало потере ее индивидуальности. Это вполне закономерно, так как человек сам создал технологическое мышление, а индустриальное общество смотрит на человека и на мыслящую технику как на некие объекты переработки информации. По мнению Дж. Гранта, «технология в недалеком будущем выступит не как функционирующая система машин, а, скорее, как тип рациональности, как тип мышления, которое руководит нашим восприятием всего существующего» [15, с.73].

Россия (так же как и Западная Европа) пережила становление, развитие и переосмысление (в XX – начале XXI вв.) основополагающих ориентиров своей культуры (в том числе, рациональности). Если становление европейской рациональности происходило относительно плавно и поступательно, то в России (в связи с резкими изменениями культурных ценностей в начале и в конце XX века) становление рациональности было сопряжено с ломкой духовных ценностей. Европейский рационализм выступает для российского сознания не только образом «другого», но и инструментом самоосмысления. Категории «русское» и «западноевропейское» являлись для отечественных философов условными понятиями «своего» и «чужого» («иног»), выражали собой различные интерпретации смысла развития и будущего России. «Запад» и «Россия» как философско-культурологические понятия являлись выражением определенного «культурного типа» развития российского и западноевропейского народов. Западники и славянофилы видели в этих понятиях воплощение определенных ценностей, при этом западноевропейской культурной ценностью являлись католичество и протестантизм, индивидуализация человека, материальные ценности и юридическая

основа государства, рациональный тип мышления и философствования, а как следствие – прагматизм.

Идея взаимоотношения культур России и Запада как типов рациональности не получила в XX веке достаточной разработки, вследствие этого недостаточно изучена дуальность соотношения Логоса и ratio. Высокие темпы развития межкультурных коммуникаций поднимают вопросы диалога в общении, взаимовлиянии, самоопределении представителей русской и западноевропейской культур, преодолении негативных стереотипов мышления, и - вытекающую из этого проблему противопоставления двух культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., Т.III, 1956. – С. 80-81, 336-342.; Т. IX. 1956.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ М. Вебер// Избранные сочинения. – М., 1991.
3. Вебер М. Социальная психология мировых религий/ М. Вебер// Религия и общество. Ч.1. – М., 1994.
4. Мертон Г. Социальная структура и аномия// Социологические исследования. 1992. – №2.
5. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере/ Ж.Кальвин. – М.: РГТУ, 1997.
6. Лютер М. Христианское учение/ М. Лютер. – Lathti, 1993.
7. Гайденко П.П. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский Ренессанс/ П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов. – М., 1991.
8. Сорокин П. Социальная и культурная динамика/ Науч. ред. Ю.В. Яковец. – М., 1999.
9. Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М., 1996.
10. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. – СПб., 1999.
11. Киселев Г.С. Постмодерн и христианство// Вопросы философии. 2001. – №2.
12. Рашковский Е.Б. Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция?//Мировая экономика и международные отношения. 1999. – № 7.
13. Солженицын А.И. Речь в Гарварде// публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995.
14. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
15. Грант Дж-П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее// Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
16. Анисимов С.Ф. О первоценности морали в структуре человеческой духовности// Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. 2001. – №12.

УДК 130.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГУМАННОСТИ В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ИНДУИЗМА

Швачкина Л.А.

INTERPRETATION OF HUMANITY IN THE CULTURAL TRADITIONS OF HINDUISM

Shvachkina L.A.

В статье рассматривается феномен гуманности в аспекте индуистского представления о цели жизни человека, раскрываются понятия «кама», «артха», «дхарма» и «мокша». Представление о гуманности в индуизме, по мнению автора, принципиально отличаются от западного, лишь в одном они могут быть названы собственно западным понятием «гуманность» - в бескорыстном, милостивом отношении к окружающим людям.

The article discusses the phenomenon of humanity in the aspect of the Hindu idea of the purpose of human life. In this regard, disclosed the concept of «kama», «artha», «dharma» and «moksha». Ideas about humanity in Hinduism are fundamentally different from the Western, only one can be called, in fact, the Western notion of «humanity» - in a gracious selfless attitude to people around them.

Ключевые слова: индуизм, гуманность, сострадание, кама, артха, дхарма, мокша, ахимса.

Keywords: induizm, humaniti, compassion, kama, artha, dharma, moksha, ahimsa.

Характерная черта современной культуры - активный интерес к Востоку, традиции которого открывают иной нравственный аспект отношений не только между людьми, но и человеком и природой. Их специфичность состоит в особом понимании гуманности восточными культурными традициями. Иногда их сложно понять с рациональных позиций современного человека, но заимствовать, на наш взгляд, их положительный опыт следует. Именно поэтому западный мир и Россия все чаще обращают свои взоры на Восток, пытаются извлечь рациональное зерно гуманного отношения к окружающей реальности из опыта этой древнейшей цивилизации.

В нашей публикации мы рассмотрим феномен гуманности в контексте индуистской культурной традиции. Сразу же хотелось бы оговориться: любая попытка проникнуть в тайны древневосточных учений и самой культуры, в которой очень сильна эзотерическая составляющая, будет наталкиваться на неизбежные трудности, связанные с фундаментальными отличиями типов цивилизаций и самой структуры мышления. Наше западное восприятие Востока содержит в себе известный стереотип европоцентризма. Поэтому и в данном вопросе о специфике гуман-

ности в индусской традиции вряд ли можно абсолютно исчерпывающим образом теоретически выразить (на доступном и привычном нам дискурсивном понятийном языке) ее сущность. Свойственные западному мышлению каузальные схемы и объективирующие интенции шлифуют рельеф любого культурного опыта, подгоняя его под собственную меру.

Индуизм указывает четыре цели, на достижение которых должна быть направлена жизнь человека для нравственного совершенствования (но по своей значимости они не равны). Этими целями являются кама, артха, дхарма и мокша. Под камой понимается цель человека, связанная с удовлетворением его чувственных желаний. Со временем она стала предметом дисциплины, известной под названием Кама-шастры (Камасутры). Вторая цель - артха, под которой имеется в виду польза (или материальная выгода). Более значимой, чем кама и артха, считается в индуизме третья цель нравственного совершенствования человека – дхарма, представляющая собой социальные нормы поведения, которые обязательны для каждого.

Дхарма, артха и кама образуют три жизненных цели человека, называемых триваргой. Наконец, триварге противопоставляется конечная цель жизни человека, которая известна под названием мокши и понимается как избавление от перерождений. Понятия дхармы и мокши заслуживают особого внимания, поскольку их развитие приводит нас к идее милосердия и гуманности. Понятие дхармы в различных контекстах может означать долг, закон, качество, мораль, нравственность, характер и т. п. Оно определяется обычно как совокупность установленных правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка.

Применительно к обществу эти правила выступают в виде индивидуальных норм жизни, устанавливаемых как для всех людей, так и для их общностей. Они различаются своим происхождением, социальным статусом, возрастом и т. д. Ко всем людям в индуизме предъявляются требования правдивости, чистоты, беззлобности, непричинения вреда живым существам и др. Однако в иерархии нравственных ценностей они занимают более низкое положение, чем собственная дхарма, ориентированная на ту или иную социальную общность (варну) или стадии человеческой жизни, которые называются ашрамами. Жизнь людей, принадлежащих к трём высшим варнам, включает в себя четыре ашрамы, для каждой из которых определяются предпочтительные установки социальной деятельности, а также круг чтения и нормативная поведенческая программа.

Первичным источником дхармы является священное откровение (шрути), включающее в себя самхиты, а также араньяки, брахманы и

упанишады. Оно считается вечным, т. е. не сотворённым, а лишь обрётённым через откровение легендарными мудрецами, называемые риши. Вторичным источником дхармы является священное предание (смрити), включающее в себя старинные истолкования буквы и духа Вед, а также сохраняющиеся из поколения в поколение обычаи. Авторитетами в области дхармы являются не только собрания брахманов, формулирующие правила общечеловеческой морали, но и советы старейшин, которые могут судить о соблюдении её теми или иными людьми. Человек, не соблюдающий дхарму, может быть подвергнут различным формам общественного бойкота, например, изгнанию из касты (согласно индуизму, его ожидает худшее перерождение). Тот, кто соблюдает дхарму, обеспечивает себе лучшее перерождение. Таким образом, понятие дхармы предполагает идею воздаяния за те поступки, которые совершает человек. Эта идея, разделяемая почти всеми направлениями индийской общественной мысли, получила развитие в понятии кармы.

Понятие кармы, являющееся существенной частью индуизма, используется в двух смыслах. (В широком смысле) оно означает общую сумму поступков, а также их последствий, которые совершены всяким живым существом и определяют характер его дальнейшего существования. (В узком смысле) карма понимается как влияние совершённых поступков на характер не только настоящего, но и последующего существования. И в широком, и в узком смысле она выступает как невидимая сила, принцип действия которой представляется ясным, но внутренний механизм остаётся скрытым. Устанавливая связь проявленных и непроявленных событий, карма является законом этической причинности. Её истоки исследователи видят в мировоззрении раннебрахманистской эпохи, согласно которому обрядовое действие не только приносит какие-то результаты в настоящем, но и содержит их возможность в будущем. Если это действие преследует благие цели, то оно приводит в будущем к положительным последствиям, а если нет – то к отрицательным.

В Брихадараньяке, которая считается древнейшей из упанишад, описывается так называемый путь предков, предполагающий возвращение на землю после достижения неба, т. е. совершение круговращения. Те, кто не знают этого пути, становятся насекомыми, мотыльками и кусающими тварями. Закон кармы в своей первоначальной формулировке сводится к утверждению, что вследствие благого действия человек становится благим, а вследствие дурного действия – дурным [1].

В следующей после Брихадараньяки упанишаде – Чхадогье – описание пути предков становится более конкретным: тот, кто отличался благим поведением, по возвращении на землю попадает в какую-то варну, а те, кто вели себя дурно, не попадают ни в одну из них либо

становятся собакой или свиньёй. Таким образом, в ранних упанишадах содержится идея дальнейшего существования живого существа как его нового рождения.

Карма представляет собой закон причинно-следственной зависимости. Она используется для уяснения причинно-следственных связей, выходящих за рамки одного существования. Согласно индуизму, любой намеренный поступок приводит к изменению не только внешнего мира, но и совершившего его человека. Откладываясь в глубинной памяти человека, это изменение становится его склонностью, которая обычно не осознаётся. Оно хранится в некоем аналоге западной души, называемом лингашарирой, пока в другом существовании внешние обстоятельства не окажутся благоприятными для его проявления. В литературе карма иллюстрируется либо обращением ролей человека в той или иной ситуации, либо попаданием его в соответствующую сферу мира, либо изменением у него природных наклонностей в будущих жизнях. Таким образом, она оказывается связанной с перерождением всего живого, называемым сансарой.

В индуизме сансара понимается как мир перевоплощений индивидуального «Я» в разных телах и сферах бытия, т. е. как всё мирское. Она представляет собой странствование из жизни в жизнь, осуществляемое в мире конечного, превратного и невечного. Сансара включает в себя идею родственности всего живого и перехода между его формами, причём перерождение возможно не только в образе человека, но и бога, а также животного. Сферы бытия, в которых осуществляется перевоплощение индивидуального Я, отличаются большим разнообразием – от высших областей рая через обитель людей до мучительнейшего ада. Для освобождения от сансары, являющегося предельной экзистенциальной целью индуиста, необходимо отказаться от создания всякой кармы и нейтрализовать следы старрой.

Действие закона кармы не означает, что человек несвободен в своих поступках. По словам С. Радхакришнана, карма и свобода являются двумя аспектами одной и той же реальности. Каждый поступок не только имеет своё естественное следствие в мире, но и вызывает некоторую тенденцию в душе человека. Эта тенденция побуждает нас к повторному совершению того поступка, который мы уже совершили. Мы не можем избежать тех воздействий, которые оказывают на нашу душу совершённые поступки. Что же касается духовных тенденций, то мы можем их контролировать. Поскольку наше будущее содержит в себе все свои возможности, мы можем с помощью самодисциплины укреплять хорошие тенденции и ослаблять дурные. Всё, что происходит с нами в этой жизни, должно приниматься с покорностью, поскольку оно является ре-

зультатом наших прошлых деяний. Однако будущее находится в нашей власти, так что мы можем действовать не только с надеждой, но и с уверенностью. Закон кармы вызывает покорное отношение к прошлому, но оставляет надежду на будущее. Он формирует у людей убежденность, что мирские удачи и неудачи не затрагивают достоинства их души. Ничто не имеет значения, кроме добродетели [6, с.213-214].

Мир сансары обеспечивает эфемерные наслаждения, которые подерживают в человеке желание родиться снова и снова ради услаждения своего бренного материального тела. Освобождение от него, связанное с достижением мокши, приносит вечное счастье и умиротворение. Мокша в индуизме представляет собой предельную, окончательную цель стремлений индивида, понимаемую как избавление от любой изменчивости, перерождений, страданий и превратностей бытия в сансаре. Буквально, она означает избавление, освобождение, а её синонимами в индуистской литературе считаются затухание скорбей, сверхблаго, бессмертие, исход, свобода, самодовление, предельное блаженство, нестановление вновь и т. п. Различными направлениями индуизма мокша может пониматься как осознание своего единства с Богом, осознание своих вечных взаимоотношений с Богом, достижение чистой любви к Богу, осознание единства всего бытия, осознание своего истинного «Я», достижение совершенного умиротворения или полная свобода от материальных желаний. Достигнув конечной цели своего существования, человек освобождается от сансары и прекращает цикл перевоплощений.

Сформулировав индуистское понимание цели жизни, обратимся к вопросу о том, каким путём она может быть достигнута. Среди тех качеств, которыми должен обладать добродетельный человек, немаловажная роль отводится в упанишадах милосердию. Так, в Тайттирии мы можем найти следующий призыв: «Придерживайся тех добрых поступков, что [приняты] у нас, и не иных» [7]. В Чхандогье указываются такие составляющие добродетельного поведения, как «подвижничество, подаяние, честность, ненасилие, правдивость» [8].

С. Радхакришнан подчёркивал, что освободиться от закона кармы можно только посредством социального служения. Пока мы в своей деятельности руководствуемся личными интересами, наши действия связаны этим законом, т. е. несвободны. Выполняя бескорыстную работу, мы достигаем свободы [6, с.212]. К принципам, соблюдение которых необходимо для достижения высшей цели человека, Л.П. Пендюрина относит «милосердие, воздержание от принесения зла, принесение пользы, самообуздание (полное искоренение эгоистических побуждений)» [4, с.23]. Таким образом, сострадательное отношение к нуждающимся вытекает из самой сущности индуизма.

В аспекте гуманности необходимо рассмотреть понятие «ахимса». Согласно индуизму, ненасилие (ахимса) представляет собой отказ от причинения вреда любому живому существу, а не только человеку. Его обоснованием служит вера в то, что все живые существа духовны и являются частичками Бога, который в одной из своих ипостасей присутствует в них. Причинение вреда может быть прямым (телесно осуществлённым), опосредованным (приказ или побуждение причинить вред) и сторонним (одобрение вредительского поступка, совершённого другим). Признание ахимсы сыграло огромную роль в отказе от кровавых жертв, освящении коров, а также переходе индийцев в своей массе к вегетарианству.

Следование вегетарианству рассматривается в индуизме как одно из средств достижения благостного образа жизни, хотя оно и зависит от социального положения людей, а также регионов их проживания. Поскольку приверженцы индуизма воздерживаются от употребления в пищу говядины, корова используется ими только как источник молока и молочных продуктов, а также поставщик удобрений и топлива в форме навоза. Корова всегда олицетворяла в индийском обществе фигуру матери, а её убийство практически везде было запрещено. Согласно закону кармы, тот, кто ест мясо коров и тем самым косвенно участвует в их убийстве, сам будет убит в следующей жизни. В индуизме считается, что в присутствии человека, строго соблюдающего ахимсу, агрессивность других существ временно пропадает.

Фундаментальное положение в индуизме занимает концепция почитания жизни, которая сводится к тому, что человек испытывают благоговение перед лицом божьего творения. Веря в исключительную ценность жизни, индуизм проповедует ненасильственное отношение к природе. Поскольку только Бог имеет абсолютную власть над всеми существами, человек не может распоряжаться их жизнью. Святость Божьего творения означает, что мы не имеем права уничтожать то, чего сами не создавали. Земля принадлежит всем существам, а не только людям. Божье начало представляет собой не что иное, как одно во многом и многое в одном.

Один из важнейших принципов индуизма гласит, что все природные явления взаимосвязаны. Поскольку высшее существо само воплощается в других существах, ко всем животным должно выказываться почтительное отношение. В различных циклах перерождения сам человек может превратиться в животное. Это обеспечивает основу доктрины ахимсы, т.е. ненасилия в отношении животных и людей. Вегетарианство в индуизме считается не только пристойным поведением, но и долгом. Идея переселения души после смерти в другое существо укрепляет

убеждение верующих в том, что жестокое обращение с животными недопустимо. Действительно, она по существу уравнивает человека с другими созданиями. По мнению некоторых исследователей, индуизм на века опередил «нравственное сознание Европы». Согласно его учению, все животные считаются братьями и сёстрами человека, а их общим отцом является бог. Яркой иллюстрацией символа уважения ко всем формам жизни в индуизме является культ коров, для которых в современной Индии строят лечебницы и дома престарелых. Считается, что когда о коровах заботятся, мир ожидают счастье и спокойствие. Принцип каруны (сострадания), появившийся в брахманизме, поощряет действия, которые направлены на спасение и благо всех живых существ. Гуманное отношение к животным считается в индуизме более высокой формой поведения, чем просто доброта к человеку.

Вслед за Индией индуизм получил распространение в Непале, Шри Ланке, а также странах Юго-Восточной Азии. Постепенно его пантеон приобрёл иерархическую структуру, в которой ведущая роль принадлежала трём богам – Брахме, Вишну и Шиве. Первый из этих богов олицетворял созидание, второй – сохранение, а третий – разрушение. При этом Вишну стал играть роль не только охранителя мироздания, но и «спасителя людей в бедствии» [3, с.132].

Вместе с Брахмой и Шивой он вошёл в божественную триаду (тримурти), которая не только выполняла функцию сотворения, сохранения и разрушения вселенной, но и мыслилась как единое целое. Со временем Брахма, олицетворявший отвлечённое мировое начало, отошёл на задний план, а на первый выдвинулись Вишну и Шива, которые покровительствовали различным сферам человеческой деятельности. На Вишну и Шиву стали смотреть как на богов, которые «поддерживают и помогают человеку, обратившемуся к ним за помощью» [5, с.170]. Даже Брахму изображали иногда в виде человека, держащего в руках блюдо для милостыни. Возложение на Вишну и других богов ответственности за помощь нуждающимся свидетельствует о том, что практика милосердия является важной частью жизни стран индуизма.

Итак, характерной чертой индуизма является его направленность на нравственное самосовершенствование человека, которую ему придают понятия сансары, кармы и мокши. Своими корнями эти понятия уходят в Веды, но детальную разработку получили в упанишадах. Конечной целью человека является мокша, понимаемая как избавление от перерождений. К принципам, соблюдение которых необходимо для достижения этой цели, относятся милосердие, воздержание от принесения зла, принесение пользы, а также полное искоренение эгоистических побуждений. Возложение на Вишну и других Богов ответственности за

помощь нуждающимся свидетельствует о том, что практика милосердия является важной частью жизни стран индуизма.

Совершенно очевидно, что представления о гуманности, описанные выше, принципиально отличаются от западных. Лишь только в одном они могут быть названы западным понятием – гуманность, если речь идет о бескорыстном милостивом отношении к окружающим людям.

Но это далеко не все. Нравственность древнеиндийского общества, нашедшая свое выражение в системе индуистского мировоззрения, отражает социокультурные реалии закрытого общества, в котором имеющееся различие социальных групп – варн и каст-, однако, не выступает моментом развития отдельной личности, развертывания ее индивидуальной свободы и духовности. Индуистская нравственность есть всецело нравственность целых социальных общностей. Гуманистическое измерение ее на уровне отдельных представлений и на практическом уровне не содержит в себе нравственное самосознание отдельного человека. Такого просто не существует.

Духовность есть духовность исключительно целого, т.к. это целое нуждается в собственной сакрализации. В этом смысле любопытную позицию в древнеиндийском обществе занимали брахманы. Их сословное замкнутое существование носило характер (своего рода) социального идеала и выражалось практически в полном безразличии ко всему суетному, мирскому и чувственному. Но вместе с тем нельзя говорить о том, что каждый из представителей этой высшей касты достиг некоего предельно абстрактного и цельного уровня нравственного сознания (абстрактного, т.е. очищенного от эмпирии конкретных проблем, пребывающего в таком состоянии, которое, если проводить аналогию с западной культурой, можно было бы назвать святостью).

Можно ли говорить о том, что гуманность в этой традиции есть выражение чувства милосердия одного человека по отношению к другому? Можно ли говорить о том, что действие полностью предписанное внешним обрядом, социально-культурной обстановкой выступает основанием осознанного нравственного поступка помощи нуждающемуся? Может ли быть носитель такого социального действия субъектом милостивого воления? Ключевые принципы индуизма гласят о необходимости почитания, преклонения перед всеми живыми существами и, в первую очередь, перед животными (как описывают бывшие в Индии в 19 веке англичане, по всей стране было множество больниц для старых коров и обезьян, но практически нигде не встречались больницы для простых людей, крестьян или ремесленников, нуждавшихся в помощи). Провозглашавшийся принцип милосердия, ненасилия, любви, однако,

надо признать, вовсе не предполагал зрелого нравственного чувства человека. Притупление собственного личного порыва во всем рассматривалось как путь к достижению высочайшего блаженства.

На это справедливо указывает в своей характеристике индийской мистики русский философ Б.П. Вышеславцев. По его мнению, основания гуманности в древнеиндийской культуре могут быть охарактеризованы двояко: как теософский пантеизм и как антропософский атеизм [2, с.772]. Бесспорно, что индийская культура глубоко мистична, в своей мистичности она есть «культура сердца». Но что такое это «сердце» индийской традиции? Сродни ли оно привычному нам милосердию? Возвращаясь к тому, о чем мы писали выше, спросим опять: можно ли истолковать древнеиндийскую гуманность (как идею и как практическую стратегию) как субъективно ориентированную сердечность, причем, онтологически закрепленную в этой своей субъективной интенции? Если да, то мы просто обязаны указать на другую такую же субъективность, на Другого, на Иное сердце, к которому будет направлено наше чаяние добра и любви. Субъект не может быть в единственном числе, так как в этом случае он просто сольется с тем самым знаменитым индийским Атманом. Но такой бытийно другой СУБЪЕКТ (как условие нравственного центрирования и самосознания Другого через противоположение, через различие) отсутствует в культуре Востока вообще и Индии (в частности). Такая культурная парадигма сформируется только на почве христианства. А что же тогда индийское «сердце».

Об этом очень хорошо написал тот же Б.П. Вышеславцев. Характеризуя отличие индийской (включая буддизм) от западной христианской традиций, он пишет: «В христианстве любовь есть мистическая связь одной индивидуальной глубины с другою, мост между двумя безднами; в буддизме это есть тождество двух страдающих самостей, одинаково страдающих и потому сострадающих. Их индивидуальная противоположность и противостояние отрицаются. Индуизм говорит: ты есть я и потому я тебя люблю и жалею; христианство говорит: ты не есть я и потому тебя люблю и жалею. Различие это огромно... В буддизме различие множества индивидуальностей есть иллюзия, майя, на самом деле они все – одно, тождественны в существе своем, в сердце неразличимы; здесь нет и не может быть никакого индивидуального бессмертия и, следовательно, никакой любви к бессмертной, единственной и незаменимой индивидуальности... Здесь тождество лиц в безразличном, одинаковом страдании, имеющее своим пределом полное “угасание” всякого индивидуального различия в “нирване”» [2, с.770].

В рамках индийской традиции сама область нравственных смыслов не была выделена в систему символического и предметного опо-

средствования социального действия, мотивации поступков людей. Да и говорить о поступке как творческом акте суверенной и свободной личности весьма проблематично по отношению к данной культурной среде. Многотысячелетняя и богатейшая культура Индии, всегда манившая европейцев своей таинственностью, однако, дает нам примеры массовой нужды и даже нищеты простого населения, хитрости и коварства и столь же массовой его жертвенности рабства. Результат практик гуманного содержания был очень далек от того, чтобы как-то исправить это положение.

Таким образом, место и роль гуманности в древнеиндусской культурной традиции определяется необходимостью закрепления и поддержания сложившейся кастовой дифференциации общества, при которой отдельный человек не мог быть субъектом автономного нравственного сознания и суверенной мотивировки нравственных поступков.

Если и можно говорить о мотивации, то только как обусловленной внешней социальной структурой и чувством нежелания нарушать священные вековые устои. Гуманность и милосердие занимают, безусловно, большое место в социокультурных практиках древнеиндийского общества, но не как свидетельство роста морального сознания, а как универсальная ритуализированная практика, (фактически) система обрядов, которая своим наличным состоянием, течением обеспечивает социальную целостность, преемственность и стабильность. Данная практика почти всегда носила общинный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брихадараньяка Ш. 2. 13.
2. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2006. 1038 с.
3. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. 576 с.
4. История философии / Под ред. В.П. Кохановского, В.П. Яковлева. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 576 с.
5. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 576 с.
6. Радхакришнан С. Индийская философия / С. Радхакришнан. - В 2 т. - Т. 1. М., 1994. 416 с.
7. Тайттирия I. 11.
8. Чхандогья Ш. 17.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Азизова Л.Н., Везиров Т.Г.

MODEL OF FORMING STUDENTS READINESS POLYTECHNIC COLLEGE TO USE MULTIMEDIA TECHNOLOGY

Azizova L.N., Vezirov T.G.

В работе рассматривается модель формирования готовности студентов политехнического колледжа к использованию мультимедийных технологий. Автором предлагается методика развития у студентов навыков их применения.

The article discusses the models of formation readiness of students of polytechnical college, including methodological conditions for the formation of their willingness to use multimedia technology. The author suggests their own technique of the development of the skills their application.

Ключевые слова: модель, готовность студентов, политехнический колледж, мультимедийные технологии.

Keywords: model, readiness of students, polytechnic college, multimedia technology.

Основным условием, определяющим успешное функционирование всей системы учебной деятельности, является готовность участников учебного процесса к активному взаимодействию в новой среде. Под готовностью подразумевается ряд психолого-педагогических принципов, составляющих основу реализации мультимедийных технологий, способствующих повышению эффективности процесса обучения. Информатизация общества, внедрение и развитие новейших информационных и телекоммуникационных технологий, подготовка кадров по новым специальностям привели к существенным изменениям в сферу образования [1].

В настоящее время мультимедийные технологии – это одно из наиболее бурно развивающихся направлений новых информационных технологий в учебном процессе. Слово «мультимедиа» в буквальном переводе означает «много средств для представления информации пользователю» [2]. Термин мультимедиа используют для характеристики компьютерных систем, графической, звуковой, видео- и иной информации. Мультимедийные технологии – это современный инструментарий, который помогает учителю повысить уровень знания ученика. Сове-

менный подросток сегодня воспринимает информацию по – другому, через зрительный канал (четкими, короткими и емкими фразами, несущими большой объем информации). Первая задача учителя в учебном процессе – найти новые способы подачи материала, адекватные каналам восприятия учащихся, вторая – эстетично, грамотно, без излишеств подготовить мультимедийный материал. Применение средств мультимедиа в компьютерных приложениях стало возможным благодаря прогрессу в разработке и производстве новых микропроцессоров и систем хранения данных. Использование мультимедийных технологий в обучении реализует несколько основных методов педагогической деятельности, которые традиционно делятся на активные и пассивные принципы взаимодействия обучаемого с компьютером. П.П. Попов отмечает, что создание видеоряда при помощи программы Power Point и мультимедийной техники позволяет по – новому иллюстрировать урок [3]. Мультимедийные программные средства в ходе эксперимента использовались нами как на аудиторных занятиях по информатике и спецдисциплинам, так и для самостоятельного обучения.

Базируясь на системном подходе, мы разработали модель формирования готовности студентов технического колледжа, включающую методические условия, под которыми понимаем отбор, конструирование и использование соответствующего содержания, форм, методов, организационных форм, контроля, средств и планируемых результатов, обеспечивающих их готовность к использованию мультимедийных технологий в профессиональной деятельности (табл.1).

Таблица 1

Система формирования готовности студентов политехнического колледжа к использованию мультимедийных технологий

Цели	Формирование ИК преподавателей и студентов	Формирование готовности студентов к использованию мультимедийных технологий	Формирование готовности студентов к использованию мультимедийных технологий в обучении
Содержание	Теоретические и практические основы в области информатики и информационных технологий	Теоретические и практические основы в области мультимедийных технологий	Теоретические и практические основы в области использования мультимедийных технологий в обучении

Методы	Методы обучения направленных на формирование деятельности по самостоятельному приобретению новых знаний, личностно-ориентированное обучение, непрерывное и опережающее образование	Методы построения математических, компьютерных и информационных моделей с практической реализацией на основе мультимедийных технологий	Методы использования мультимедийных технологий в образовании: непрерывность их применения, всесторонний охват учебного процесса, дифференцированный подход, реализация активного и интерактивного диалога, обратная связь с обучаемым
Организационные формы	Модели использования мультимедийных технологий: изучения, существования, творчества, общения, управление собственной информацией и техно-логическим процессом	Поиск научнометодической мультимедийной информации сети Интернет	Организационные методы взаимодействия преподавателей и студентов с мультимедийными технологиями: классно-урочная модель, проектно-групповая и индивидуальная деятельность
Средства	Модель специалиста, квалификационные требования, ГОС СПО, средства мультимедиа	Компьютерные программы учебного назначения, прикладное и специализированное ПО, инструментальные программные средства	Средства мультимедиа в обучении, учебнометодическое обеспечение по информационно-образовательным системам

Контроль	Текущий и итоговый контроль на основе использования информационных и коммуникационных технологий	Текущий и итоговый контроль на основе использования мультимедийных технологий	Реализация рейтинговой системы на основе использования мультимедийных технологий, тестирование
<p>Планируемые результаты</p> <p>Совершенствование профессиональной подготовки студентов политехнического колледжа, готовность их к использованию мультимедийных технологий в профессиональной деятельности</p>			

Явные преимущества применения мультимедийных технологий (оперативное использование информацией, соединение аудио- и визуального материала и др.) в организации учебного процесса не вызывает сомнения. Их использование существенно активизирует учебную информацию, делает более наглядной для восприятия и легкой для усвоения. В своей модели мы исходили из положения, что практическая и теоретическая подготовка – это не механическое соединение теоретических и практических знаний, а сложный взаимосвязанный комплекс научно обоснованного содержания, обеспечивающую такую готовность.

Важнейшее значение в формировании готовности студентов политехнического колледжа к использованию мультимедийных технологий по практическому каналу имеет сам характер этой деятельности. Поэтому в формирующем эксперименте мы обратились к таким технологическим механизмам реализации практического канала, как *лично-деятельностный, проблемно-деятельностный и индивидуально-творческий подходы.*

В учебном процессе мы использовали программные продукты фирм «1:С», «Кирилл и Мефодий», образовательные Интернет-ресурсы, авторские электронные учебно-методические материалы (ЭУММ) (например, на основе гипертекстовой технологии разработанные нами ЭУММ по курсу «Компьютерные сети», электронный справочник по базовым разделам курса «Информатика», установленные на компьютерах вычислительного центра колледжа), которые позволили сделать нам учебные занятия более насыщенными и динамичными, развить у студентов навыки работы с персональным компьютером, организовать самостоятельную работу учащихся.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: учебно-методическое пособие / И.В. Роберт, С.В. Панюкова, А.А. Кузнецов, А.Ю. Кравцова. – М.: Дрофа, 2008. – 312 с.

2. Панкратова О.П. Использование мультимедийных технологий в организации учебного процесса по дисциплине «Информатика» / О.П. Панкратова, Е.А. Кашкина // Информационные технологии в социально-экономическом развитии Ставропольского края: материалы 55-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука-региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – С. 62 – 65.

3. Попов П.П. Применение мультимедийных технологий в учебном процессе / П.П. Попов // Информационные технологии в образовании – 2010. Сборник научных трудов участников X научно-практической конференции-выставки. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2010. – С. 236-237.

УДК 378

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ПРОФИЛЬНАЯ ШКОЛА – ПЕДВУЗ»

Алиева З.У., Везиров Т.Г.

FUTURE TEACHERS INFORMATION CULTURE TRAINING IN HE SYSTEM OF «PROFESSION-ORIENTED SCHOOL - PEDAGOGICAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION» INTERACTION

Alieva Z.Y., Vezirov T.G.

В статье рассматриваются авторские элективные курсы, используемые в профильной школе и подготовке будущих учителей. Автор показывает, какую эффективную помощь оказывают они в формировании информационной культуры будущих учителей в условиях взаимодействия «профильная школа-педвуз»

The article deals with the authoring elective courses designed for Profession-oriented schools and meant for future teachers training. The electives are efficient in Information Culture Training in the system of «Profession-oriented school-Pedagogical Institution of Higher Education» interaction.

Ключевые слова: профильная школа, информационная культура, система формирования, условия взаимодействия, профильная школа-педвуз.

Keywords: profession-oriented schools, information culture, interaction, profession-oriented school - pedagogical institution.

Дифференциация обучения является одним из дидактических средств реализации гуманизации образования. Использование элективной дифференциации возможно на этапе предпрофильной ориен-

тации, в подготовке учеников к более глубокой дифференциации при создании профильных классов. Элективные курсы способствуют удовлетворению разнообразных образовательных потребностей старшеклассников. Проблемы в организации элективной дифференциации связаны со сложностью создания целостного, характеризующегося преемственностью, комплекса элективных курсов, направленного на достижение поставленных педагогическим коллективом целей, удовлетворяющих интересы всех учащихся. Элективные курсы по информатике могут сыграть определенную роль в решении этих проблем.

А.А. Кузнецов выделяет четыре важнейших фактора, определяющих содержание элективных курсов по информатике: интенсивный характер межпредметных связей информатики с другими учебными предметами, широкое использование понятийного аппарата, методов и средств, присущих этой отрасли научного знания, роли информатики для формирования ключевых компетенций выпускника современной школы, приобретение навыков, востребованных на рынке труда; значение информатики в формировании современной научной картины мира; интегрирующая роль информатики в содержании общего образования человека. [1].

Элективные курсы образовательной области «Информатика» базируются на знаниях и умениях школьников, сформированных при изучении общеобразовательного предмета «Информатика и ИКТ» основной школы и выполняют следующие функции: развитие содержания профильных курсов образовательной области «Информатика»; развитие содержания базового уровня образовательной области «Информатика»; удовлетворение познавательных интересов школьников в образовательной области «Информатика».

Так как электронные курсы направлены на формирование новых видов информационной деятельности (как познавательной, так и практической), то и технологии обучения школьников этого уровня должна соответствовать его специфике. Наиболее характерными подходами к построению элективного курса по информатике являются системный; методологический; деятельностный; психолого-педагогический; модульный; технологический; индивидуальный.

Возможными методами и техниками организации занятий по информатике в рамках этих подходов являются проекты; игры; обучение в сотрудничестве; самостоятельная и исследовательская деятельность; компьютерные практикумы; реферативная работа; конференции с презентацией докладов учащихся и т.п.

Поскольку технология обучения информатике в рамках элек-

тивных курсов только начинает формироваться. необходимо дальнейшие исследования по организации системы элективных курсов разных типов; наполнение их содержанием, адекватным современному пониманию предметной области «Информатика» и современной информационно-управленческой деятельности человека; формирование технологии организации обучения школьников с использованием сети Интернет; разработка и обоснование критериев оценки качества обучения. Базовый уровень знаний не позволяет учащимся формировать документы HTML на современном уровне. Широкий спектр тематики задач по информатике делает целесообразным организацию обучения методам решения сложных задач по информатике в виде модельного элективного курса (МЭК), в которой каждый модуль, с одной стороны, был бы относительно независимым, а с другой стороны, был бы связан общей идеей с другими модулями.

Такой модульный элективный курс может стать важной частью современного профильного обучения информатике, а также способен как расширять знания в области информатики для учащихся в профилях, связанных с разработкой информационных системы, так и служить средством удовлетворения индивидуальных образовательных потребностей учащихся любого профиля. Рассматривать информационную культуру в ключе профильного обучения представляется целесообразным, выделив информационную культуру старшеклассника как подмножество общей информационной культуры личности.

Нами разработана и апробирована программа школьного элективного курса «Основы информационной культуры». Основная цель курса – дать учащимся знания, умения и навыки информационного самообеспечения их учебной деятельности. Его задачами – это освоение рациональных приёмов и способов самостоятельного ведения поиска информации в соответствии с возникающими в ходе обучения задачами, овладение методами формализованного свертывания (аналитико-синтетической переработки) информации, изучение и практическое использование технологии подготовки и оформления результатов самостоятельной, учебной и научно-исследовательской работы (подготовка сочинений, рефератов, докладов, обзоров).

Реализации поставленных целей и задач подчинена структура курса, в составе которого выделяют пять основных разделов:

Раздел I. Информационные ресурсы общества и информационная культура.

Раздел II. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения.

Раздел III. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной деятельности учащихся.

Раздел IV. Организация информационной деятельности и оформление результатов самостоятельной работы учащихся.

Раздел V. Информационная культура и новые информационные технологии.

Следующим элективным курсом, разработанным нами для учащихся гуманитарного профиля, является курс «Технология создания web-сайтов». В нем рассматриваются базовые понятия, общие представления о работе с web-сайтом, понятие логической и физической структуры web-сайта, представлены основные этапы работы с Macromedia DreamWeaver MX: работа с текстом, графикой, создание таблиц, использование элементов Macromedia Flash. Основная методическая установка курса – обучение школьников навыкам самостоятельной индивидуальной работы по практическому конструированию сайтов. Индивидуальное освоение ключевых способов деятельности происходит на основе системы заданий и алгоритмических предписаний, изложенных в учебном пособии. Электронное пособие, содержащее теоретический материал, представляет собой краткое изложение курса, в нем приведены основные понятия и определения, рассмотрены методы и средства решения практических задач и показаны наиболее типичные примеры решения этих задач. Материал изложен в виде небольших (логически завершенных) блоков, что, на наш взгляд, облегчает самостоятельную работу учеников по изучению или повторению узловых вопросов программы. В начале каждого изучаемого раздела приводится список тем, входящих в данный раздел, которые оформлены как гипертекстовые ссылки. Навигационная система пособия позволяет быстро находить необходимую информацию. В конце раздела приводятся вопросы для самоконтроля, которые позволяют оценить уровень усвоения знаний. Разработанное электронное пособие имеет интуитивно-понятный пользовательский интерфейс, содержит разветвленную навигационную систему. Функционирование электронного пособия реализуется с использованием web-редактора Macromedia DreamWeaver MX.

Подготовка к использованию информационных технологий в школе должна начинаться в высшем учебном заведении. Нами также разработана программа специального курса «Основы информационной культуры» для будущих учителей. Основная цель курса – упорядочение разрозненные, несистематизированных знаний студентов, связанных с феноменом информационной культуры, формирование

целостного представления об информационной картине мира.

Основными задачами, решаемыми в ходе изучения курса, являются следующие: ориентация в информационных ресурсах по образованию, освоение алгоритмов информационного поиска в соответствии с профессиональными информационными потребностями; овладение формализованными методами аналитико-синтетической переработки информации; изучение и практическое использование технологии подготовки и оформления результатов учебной, научно-исследовательской работы; понимание возможностей новых информационных технологий в будущей профессиональной деятельности, дальнейшее развитие умений и навыков работы с компьютером для сбора, обработки и хранения информации. Структура и содержание курса тоже позволяет проследить преемственность обучения и представлена шестью разделами.

Раздел I. Информационные ресурсы и процессы в обществе и информационная культура.

Раздел II. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения.

Раздел III. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-познавательной деятельности студентов.

Раздел IV. Правила подготовки и оформления результатов самостоятельной работы студентов в ходе учебной и научно-познавательной деятельности.

Раздел V. Информационная культура и новые информационные технологии.

Раздел VI. Человек в информационном обществе.

Итак, система формирования информационной культуры в условиях взаимодействия «профильная школа-вуз» направлена на формирование преемственности в обучении новым видам информационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кузнецов А.А. Элективные курсы образовательной области «Информатика» / элективные курсы в профильном обучении / А.А. Кузнецов / Министерство образования РФ – Национальный фонд педагогических кадров. – М.: Вита-Пресс, 2004. – С.5-20.

УДК 37

**ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДОРОГАХ В ПРОЦЕССЕ
НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ахмадиева Р.Ш.

**FORMATION OF THE COMPETENCE OF LIFE ON THE ROAD IN
THE PROCESS OF CONTINUOUS EDUCATION**

Ahmadieva R.Sh.

В статье рассматривается необходимость единого подхода к вопросам обучения навыкам безопасного поведения на дорогах. Автором предложена методика обучения, охватывающих все возрастные группы населения.

The article discusses the necessity of unified approach to the training of skills of safety on the roads. The autor offers new methods of training for all groups of age.

Ключевые слова: безопасность жизнедеятельности на дороге, Федеральный государственный образовательный стандарт начального и общего образования, ступени обучения.

Keywords: life safety on the road, of the federal state educational standards of primary and of general education, level of study.

В подавляющем большинстве случаев причиной трагедий на дорогах является человеческий фактор, отсутствие навыков безопасного поведения в транспортной среде. Очевидно, что существующая в настоящее время система формирования навыков безопасного поведения на дорогах и воспитания законопослушного поведения граждан не соответствует современным реалиям. В образовательных учреждениях отсутствует единый подход к вопросам обучения детей и подростков навыкам безопасного поведения на дорогах, мало рекомендованных на уровне Министерства образования и науки Российской Федерации учебных пособий как для учащихся, так и для педагогов. Безусловно, в продаже имеется огромное количество различных изданий учебной и художественной литературы, дидактических игр и DVD-дисков по безопасности дорожного движения. Однако в большинстве своем они носят бессистемный характер, не соответствуют целям образовательного процесса, содержат ошибки.

Недостаточность получаемых в школе знаний по основам дорожной безопасности объясняется также малым количеством часов, отводимых в рамках предметов «Окружающий мир», «ОБЖ» и «Технология». При этом с 5 по 11 классы учебные часы практически не предусмотрены. В настоящее время утвержден Федеральный государ-

ственный образовательный стандарт начального и общего образования, однако, до сих пор в школах и дошкольных учреждениях отсутствуют единые программы, учебно-методические комплексы, учебные пособия, аттестационные требования к педагогам, преподающим правила и основы безопасности дорожного движения. В рамках реализации мероприятий, предусмотренных Федеральной целевой программой «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 годах», на Рособразование, функции которого перешли Министерству образования и науки РФ, были возложены задачи по научному и методическому обеспечению образовательного процесса в учебных учреждениях.

Чтобы не оставаться заложниками ситуации и не упускать бесценное время работы с детьми, в Республике Татарстан по инициативе Управления Госавтоинспекции совместно с Министерством образования и науки в еще в 90-х годах прошлого века был разработан и внедрен региональный стандарт обучения детей и подростков правилам и навыкам безопасности дорожного движения [1]. Стандарт основан на четырех последовательных ступенях обучения, охватывающих возрастные группы от трех до семнадцати лет (рис.1).

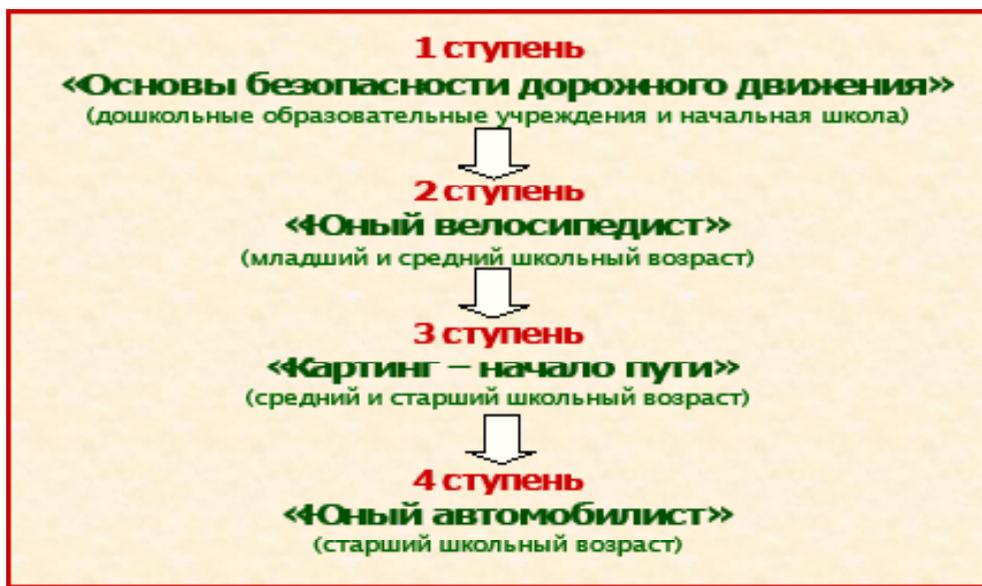

Рисунок 1. Обучение ПДД по 4 ступеням

Однако проблема безопасности на дорогах, обучения правилам дорожного движения должна охватывать все население, а не только молодежь до 17 лет. Поэтому назрела необходимость разработки нового регионального стандарта обучения правилам и навыкам безопасности дорожного движения [2; 4].

По нашему мнению, сегодня назрела необходимость дополнить существующий стандарт еще четырьмя ступенями, для того чтобы в систему обучения правилам дорожного движения (ПДД) были включены все возрастные группы:

Первая ступень

Возраст – дошкольное воспитание (до 7 лет.).

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осуществляется в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) в семье.

Знание, умение, навыки (ЗУН): уметь уверенно ориентироваться в микрорайоне проживания и иметь навыки безопасного движения.

Вторая ступень

Возраст – младшие школьники (1 – 4 класс, 7 – 11 лет).

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осуществляется в средней общеобразовательной школе (СОШ) (предмет «Окружающий мир», 3 часа в год), отряды ЮИД, автогородки [2].

ЗУН: изучать правила дорожного движения, иметь навыки ориентации и безопасного поведения в реальных (незнакомых) условиях.

Третья ступень

Возраст – средний школьный возраст (5 – 9 класс, 11 – 14 лет).

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осуществляется в СОШ (внеурочные занятия), отряды ЮИД, автогородки.

ЗУН: дети продолжают изучать правила дорожного движения, отрабатывать навыки управления велосипедом на специальных площадках.

Четвертая ступень

Возраст – старший школьный возраст (10 – 11 класс, 15 – 17 лет).

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осуществляется в СОШ (предмет ОБЖ, 2 часа в год), в системе начального, среднего профессионального образования.

ЗУН: углубленное изучение ПДД, приобретение навыков управления велосипедом в реальных условиях, знание приемов оказания первой помощи освоение практического вождения автомобилей, подготовка и сдача квалификационных экзаменов на право управление транспортными средствами.

Пятая ступень

Возраст – 17 – 25 лет.

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осу-

ществляется в системе профессионального образования: начального, среднего и высшего.

ЗУН: должны знать правила дорожного движения, приемы оказания первой помощи, осваивать практическое вождение транспортным средством.

Шестая ступень

Возраст – от 25 лет и старше.

Подготовка к безопасному участию в дорожном движении осуществляется в образовательной системе повышения квалификации специалистов (например, профессиональные водители категорий «В», «С», «Д», «Е», работающих в сфере транспорта, а также повышение квалификации педагогов, преподающих ПДД.

Седьмая ступень – система дополнительного образования.

В системе дополнительного образования знания, умения и навыки безопасного поведения на дорогах формируются более глубоко, совершенствуются навыки безопасного поведения посредством привлечения масс к различным мероприятиям.

До 7 лет – спортивные секции и кружки вне ДОУ, автогородки, «Безопасная зебра».

7 – 11 лет – спортивные секции и кружки вне школы, юный велосипедист – освоение навыков управления велосипедом.

12 – 15 лет – картинг – изучение автомототехники, освоение базовых навыков вождения, освоение навыков уверенного управления безмоторными транспортными средствами.

15 – 17 лет – детские юношеские автошколы.

17 – 25 лет – молодежные общественные организации, автошколы, ДЮАШ, РОСТО (ДОСААФ), мероприятия («Автосессия», «Автоледи»).

25 лет и старше – автошколы, Федерация автошкол, ДЮАШ, РОСТО (ДОСААФ), «Автосессия», «Автоледи».

Необходимо что бы все население принимало участие во всех районных, городских и других тематических (безопасность дорожного движения) и профилактических мероприятиях проводимых органами образования совместно с Госавтоинспекцией, оборонно-спортивными и другими заинтересованными организациями, общественными учреждениями. Нужно предусмотреть проведение обучения безопасному поведению на дорогах пожилых людей, которым нужно восстанавливать навыки уверенного поведения, безопасной ориентации на дороге.

Восьмая ступень

Подготовка научных кадров, занимающихся изучением и разработкой проблем научно обоснованного педагогического процесса вос-

питания и обучения людей разных возрастов правилам безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях.

Модель восьмиступенчатой системы обучения безопасному поведению на дороге представлена на рис. 2.

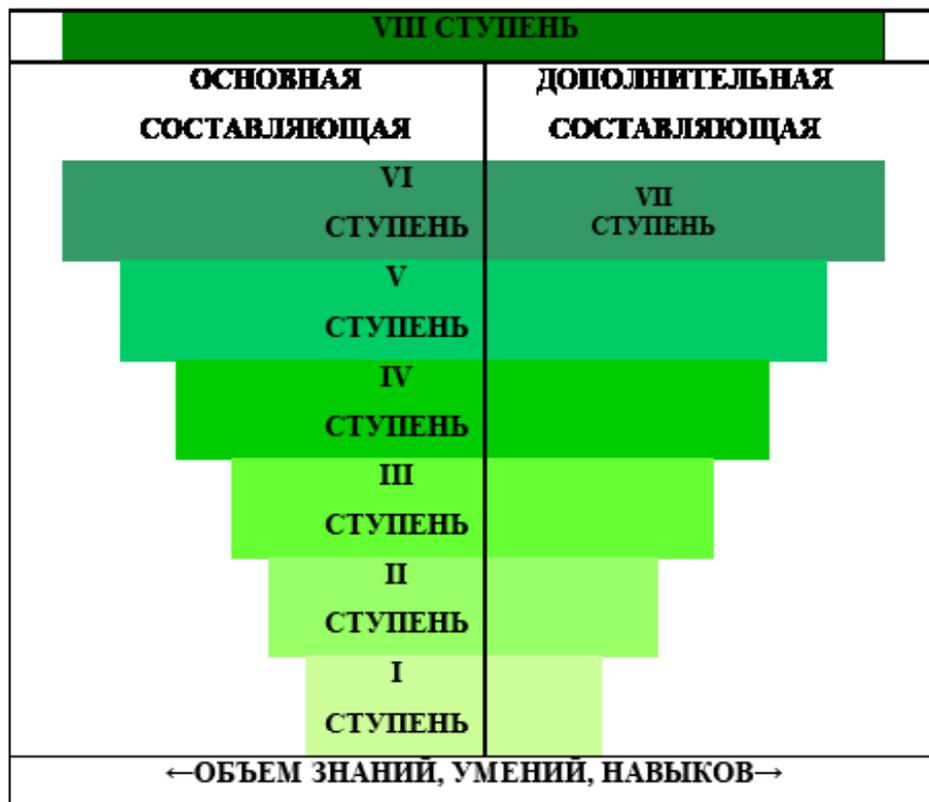

Рисунок 2. Модель системы обучения безопасному поведению на дороге в Республике Татарстан

По инициативе и при поддержке Управления ГИБДД кадровое обеспечение регионального стандарта осуществляется Институтом повышения квалификации специалистов начального профессионального образования, методическое – Научным центром безопасности жизнедеятельности детей, а материально-техническое – Дирекцией финансирования научных и образовательных программ БДД.

Координация усилий министерств и ведомств, ответственных за обеспечение безопасности населения, в вопросах методического сопровождения осуществляется Ученым советом, созданным на базе Государственного учреждения «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей» (ГУ «НЦ БЖД») в 2009 году.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахметшина Л.Г. Региональная система профилактики детского дорожно-транспортного травматизма в Республике Татарстан / Под общей ред. И.А. Халиуллина, Р.Н. Минниханова. – Казань: НИЦ БЖД, 2003. – 160 с.
2. Ахмадиева Р.Ш., Бикчантаева С.А., Валиев М.Х., Воронина Е.Е. и др. Обучение младших школьников правилам безопасного поведения на дороге / сост.: Р.Ш. Ахмадиева, С.А. Бикчантаева, М.Х. Валиев, Е.Е. Воронина и др. / под общей ред. Р.Н. Минниханова, Д.М. Мустафина. – Казань: ГУ «НИЦ БЖД», 2010. – 466 с
3. Девисилов В.А. Концепция образовательной политики в области безопасности жизнедеятельности и особенности ее реализации в школе // Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: опыт, проблемы, поиски решения: тезисы докладов Междунар. конф. (Казань, 26 февраля 2010 г.) – Казань, 2010. – С.644-652.
4. Обучение детей дошкольного возраста правилам безопасного поведения на дорогах: учеб. Пособие / авт.-сост.: Р.Ш. Ахмадиева, Е.Е. Воронина, Р.Н. Минниханов и др. / под ред. Р.Н. Минниханова и Д.М. Мустафина. – Казань: ГУ «НИЦ БЖД», 2008. – 324 с.

УДК 378

ПРОГРАММНАЯ СРЕДА MOODLE В РАЗВИТИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ

Бакмаев А.Ш.

PROGRAM ENVIRONMENT MOODLE IN DEVELOPMENT OF INFORMATIONAL AND COMMUNICATIONAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF INFORMATICS

Bakmayev A.Sh.

В статье рассматриваются методические возможности программной среды Moodle в развитии информационно-коммуникационной компетенции будущих учителей информатики. Автором определены формы, методы и средства в использовании современных информационно-образовательных сред в учебном процессе.

There are considered in article methodical possibilities of program Moodle environment in development of the information-communication competence of the future teachers of computer science. The author defines forms, methods and means in use of modern information-educational environments in educational process.

Ключевые слова: компетентность, информационно-образовательная среда (ИОС), информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), информационно-коммуникационная компетентность (ИКК), программная среда, компетенции).

Keywords: the competence, informational-educational environment

(iee), informational-communicational technologies (ict), the informational-communicational competence (icc).

Новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) предлагают обществу радикальные новации, которые приведут к глубоким изменениям во всех сферах человеческой деятельности. Мы с уверенностью можем констатировать, что без внедрения современных технологий и методов их правильного использования невозможен переход на качественно новый уровень образования. Развитие информационно-коммуникативных компетенций (ИКК) будущих учителей является в настоящее время одной из наиболее важных задач системы высшего образования. ИКК будущих учителей нами понимается не просто как совокупность знаний, умений, навыков, формируемых в процессе обучения информатике и современным информационным и коммуникационным технологиям, но и способность ориентироваться в современном информационном потоке, готовность к отбору адекватных информационных педагогических средств, выполнению будущей педагогической деятельности с помощью информационных технологий [1]. Об эффективности применения информационных технологий в преподавании учебных предметов в школе можно говорить лишь при условии, когда учитель, мотивирован на их использование в учебном процессе, имеет широкий кругозор, владеет программными средствами как общего, так и учебного назначения, может определить место информационных технологий в методической системе преподавания предмета.

На наш взгляд, было бы допустимым считать, что внедрение и практическое применение современных информационно-коммуникационных технологий во всей широте их возможностей с использованием дидактически обоснованных методов их внедрения, не нарушающего норм государственного образовательного стандарта, а лишь дополняющих его и способствующих развитию информационно-коммуникационной компетенции. В настоящее время традиционные подходы в области преподавания информатики и программирования в вузе не способны отследить быстроменяющуюся действительность в области информационных технологий, связанную с бурным развитием вычислительной техники, операционных систем, парадигм программирования, организацией, анализом, представлением информации и обеспечением доступа к ней, в том числе и в сетях [3]. Возникает необходимость практического обучения современным программным средствам и технологиям их разработки.

Традиционная система обучения не в полной мере обеспечивает подготовку высококвалифицированного специалиста, умеющего ра-

ботать в условиях компьютеризации образования с быстро меняющейся техникой и технологией [2]. Причины этому мы видим в неподготовленности современного специалиста, в частности, учителя информатики применять информационные технологии в своей профессиональной деятельности. Поэтому становится актуальной проблема поиска методов, форм и средств подготовки будущих учителей информатики, отвечающих современным требованиям.

Жесткий учебный план, единые для всех учебные программы, жёсткий регламент проведения занятий, преобладание таких форм обучения, которые практически не оставляют возможности педагогу «дойти» до каждого студента, не оставляют полноценной возможности для творчества в работе преподавателя [4]. Эффективным средством решения такого рода проблем могут служить информационно-образовательные среды (ИОС). Одним из направлений использования информационно-образовательных сред является её применение, как средства, способствующего развитию информационно-коммуникационной компетенции: занятия с применением информационно-образовательных сред позволяет привлекать внимание студентов к особенностям прорабатываемого содержания конкретными примерами и процессами с ними связанными; работа с информационно-образовательной средой предоставляет студенту возможность получать значительную индивидуальную помощь в обучении; возможность информационно-образовательные среды регистрировать и оценивать результаты индивидуальной работы студента, оказывает серьёзное влияние на самооценку студентом возможности его продвижения в изучаемом материале; осуществляется обратная связь, при помощи гиперссылок, которая оказывается чрезвычайно полезной как для каждого студента в отдельности, так и для преподавателя, получающего возможность своевременно вносить коррективу в обучающую деятельность; наличие в основе информационно-образовательных сред мультимедийных и интерактивных технологий значительно повышает уровень восприятия предлагаемой информации. Одним из наиболее мощных средств такого рода является программная среда Moodle. Инструментальная среда Moodle – это действующий и постоянно развивающийся проект, широко известный в мире, использующийся более чем в 100 странах. Moodle – это программный продукт позволяющий создавать курсы и web-сайты, базирующиеся в Internet, по уровню предоставляемых возможностей выдерживает сравнение с известными коммерческими инструментальными средами, в то же время выгодно отличается от них тем, что распространяется в открытом исходном коде, - это

дает возможность подстроить систему под особенности конкретного образовательного проекта, а при необходимости и встроить в нее новые модули. Рассмотрим возможный вариант применения информационно-образовательной среды, направленной на развитие ИКК, на примере электронной обучающей системы (рис.1).

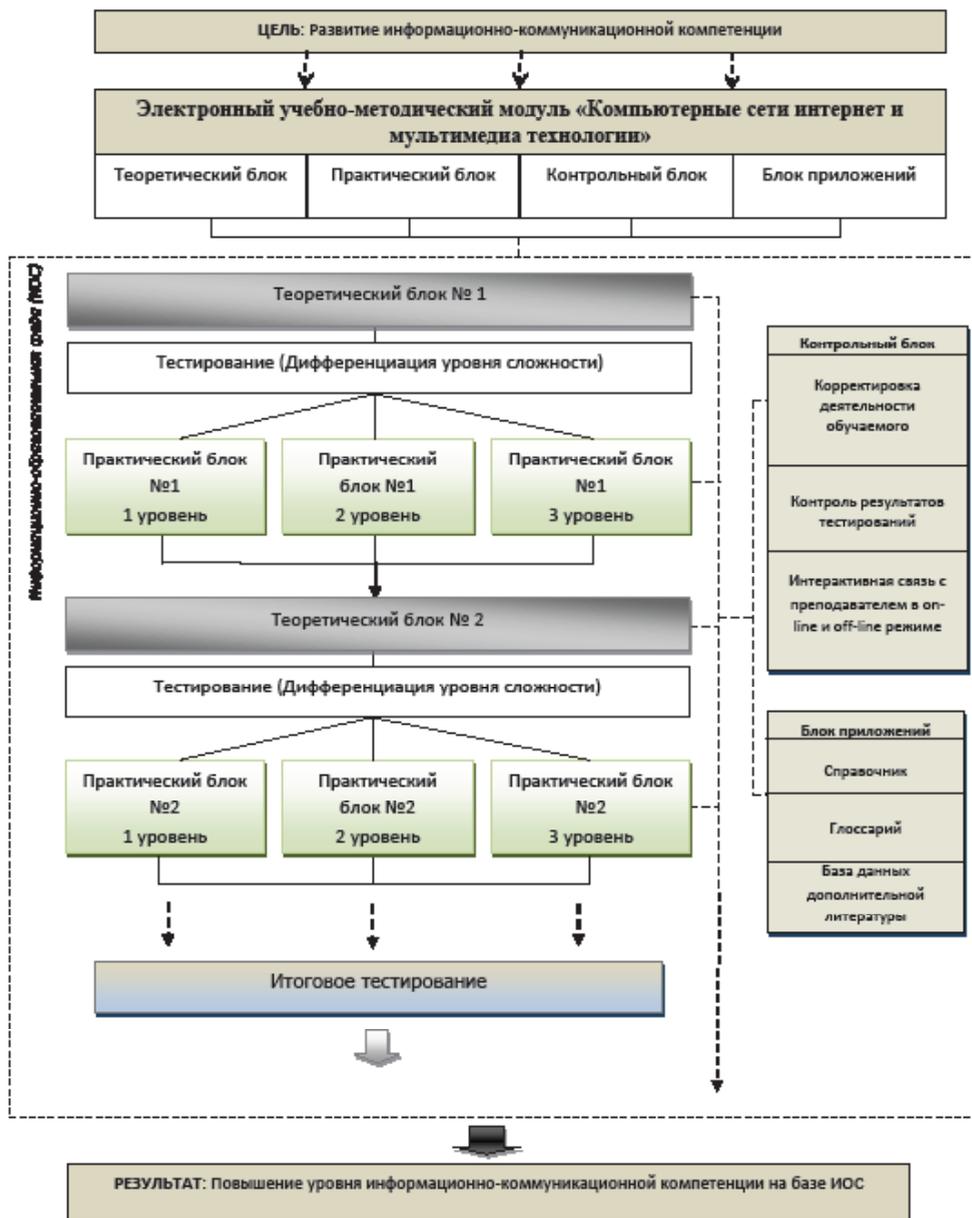

Рисунок 1. Структура построения ИОС, направленная на развитие ИКК будущих учителей информатики

ИОС делится на четыре основных блока – теоретический, практический, контрольный и блок приложений. На рисунке мы можем видеть, как происходит взаимодействие между блоками.

При построении ИОС мы постарались увеличить возможность контроля происходящего процесса обучения преподавателем до максимума, соединив контрольный блок с теоретическими и практическими блоками, то есть у преподавателя появилась возможность дистанционного контроля над обучаемым не только на стадии обработки результатов тестирования, но и по ходу процесса обучения, это даёт нам неоспоримое преимущество перед другими ИОС.

Такая же связь сохранена для обучаемого с блоком приложений, к которому он может обратиться при необходимости в момент прохождения как теоретического, так и практического блоков. Это способствует оперативному нахождению обучаемым ответа на проблемную ситуацию самостоятельно.

Итак, внедрение и практическое применение современных информационных образовательных средств всей широте их возможностей способствует развитию информационно-коммуникационной компетенции будущих учителей информатики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буторина Т.С., Ширишов Е.В. Дидактические основы использования информационно-педагогических технологий в подготовке электронного учебника.[2]
2. Ляудис В.Я., Тихомиров О.К. : Психология и практика автоматизированного обучения // Теоретические исследования - М., -1993.[5]
3. Наумов В.В. Разработка программных педагогических сред // Информатика и образование. - 1999.[3]
4. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. - М., 1994.[1]
5. Хросточевский С.А. Информатизация образования // Информатика и образование. – 1994.[4]

УДК 372.8

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ У УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Галямова Э.Х.

GENETIC APPROACH TO THE FORMATION OF GEOMETRICAL DEFINITIONS OF SECONDARY SCHOOL PUPILS

Galyamova E.H.

Генетический подход к обучению математическим дисциплинам известен и используется на практике достаточно давно – его приверженцами были такие крупные математики и педагоги, как Ф. Клейн, А. Пуанкаре, Х. Фрейденталь и Д. Пойа. В рассматриваемой статье предложена обновленная методика формирования геометрических понятий.

Genetic approach to teaching mathematical disciplines has been known and used for a long time being advocated by such outstanding mathematicians and educators as Klein F. and Poincare A., Freudenthal H. and Polya G. The article presents an updated method of forming geometrical concepts.

Ключевые слова: генетический подход; естественный путь познания; проблемная ситуация; понятийно-структурный анализ; развитие приложений.

Keywords: genetic approach; the natural way of learning; problem situation; conceptual and structural analysis; development of applications.

О необходимости построения процесса обучения, адекватного процессу познания, уже давно говорили ученые разных научных областей, однако, несмотря возникшую потребность в использовании генетического подхода до сих пор отсутствует целостная концепция такого обучения. В данной работе автор делает попытку обновить методику формирования геометрических понятий на уроках математики в средней школе.

Генетический подход в преподавании заключается в том, что «методика обучения предмету должна опираться (по мере возможности) на естественные пути и методы познания, присущие соответствующей науке, т.е. обучение должно следовать путям происхождения знания» [4, с.119]. Основываясь на утверждениях немецких исследователей генетического подхода, в том числе М. Вагеншайна [5], дадим следующее определение термину «генетический подход». Генетический подход – это подход к обучению, при котором понимание предмета приходит через прослеживание возникновения, принципа становления и развития его внутренней структуры.

Выделим следующие свойства генетического подхода к обучению

математическим дисциплинам в школе: генетическое обучение следует естественным путям познания, выявляет целесообразность изучения нового факта, осуществляется с опорой на ранее приобретенные знания и опыт (использует субъектный опыт учащихся); при изучении понятий используются проблемные ситуации и естественно возникающие вопросы, решение которых учащиеся ищут самостоятельно; постоянная мотивация познавательной активности учащихся; интуитивные или эвристические рассуждения предшествуют строгим и абстрактным рассуждениям; целостное первоначальное восприятие материала через проектирование изучаемого; постепенное обогащение изучаемых геометрических объектов взаимосвязями с другими объектами и самостоятельное установление места нового понятия в системе изученных.

Генетический подход позволяет раскрыть процесс возникновения (а в более широком смысле) зарождения и последующего процесса развития математических понятий. По мнению Р.С. Коголовского, этот подход состоит в «выращивании строгих понятий из размытых, нечетких представлений, в восхождении к теоретическим понятиям от имеющихся представлений учащихся» [2, с.5].

Анализ методической, психолого-педагогической литературы, а также результаты собственной школьной практики позволили внести некоторые коррективы в методику формирования понятий геометрии с привлечением генетического подхода. На начальном этапе процесса формирования понятий, конечно же, необходима мотивация его введения. Сущность этапа мотивации заключается в побуждении школьников к целенаправленной и активной деятельности по конструированию понятия, возбуждению интереса к его изучению. Мотивация может осуществляться как посредством привлечения средств нематематического содержания (внешняя мотивация), так и объяснением необходимости развития математической теории (внутренняя мотивация). В качестве средств внешней мотивации могут служить задачи практического и прикладного характера.

Мотивировать введение нового понятия не всегда удаётся с помощью специально подобранных задач нематематического характера. В этом случае объяснить необходимость их рассмотрения можно, исходя из потребностей развития самой математики, на основе анализа уже изученного материала или при помощи специальных упражнений. Согласно взглядам Н.А. Извольского [1], все содержание геометрии может быть представлено в форме «скелета дерева». Ученикам можно предложить самостоятельно спроектировать свою деятельность на ближайшее время и наметить понятия для изучения, проанализировав различные случаи взаимного расположения фигур. Так, например, целесообразно

ность введения трапеции можно объяснить потребностью рассматривать не только четырехугольники с параллельными сторонами, но и четырехугольники с парой параллельных сторон. «Начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. ... Возникновение вопросов – первый признак начинающейся работы мысли и зарождающегося понимания», - утверждал Л.С. Рубинштейн [3, с.369].

Мотивационный этап при генетическом подходе реализуется через построение проблемной ситуации и постановку естественно возникающих вопросов. Н.А. Извольский, пропагандируя генетический метод, утверждал, что опорой в преподавании геометрии должен служить «взгляд на геометрию как на цепь необходимых логических заключений» [1, с.9]. То есть все содержание геометрии должно быть представлено в виде ряда подмеченных особенностей, являющихся результатом работы над рядом вопросов, естественно и последовательно возникающих один за другим. Рассматривая процесс и результат сложения двух углов, возникают следующие вопросы:

- Может ли сумма двух углов быть острым углом? А тупым?
- Какой особый случай (вид угла) можем получить, складывая два угла?
- Какой угол получим, складывая два прямых угла?

Рассмотренные нами первые два этапа преследуют одну и ту же цель – подвести учащихся к самостоятельному построению понятия. Необходимо так организовывать проблемную ситуацию и руководить обсуждением естественно возникающих вопросов, чтобы в какой-то момент учащиеся самостоятельно или с минимальной помощью учителя «открыли» для себя новое понятие. И.С. Сафуанов сравнивает этот момент с моментом выделения в учебном материале «исходного общего отношения», ведущим к теоретическому обобщению в теории учебной деятельности В.В. Давыдова, а также с актом рефлексивной абстракции в теории Ж. Пиаже [4, с.197].

Выделению существенных свойств геометрических понятий способствует рассмотрение различных комбинаций уже изученных фигур. В частности, ознакомление с существенными свойствами смежных углов происходит после анализа «особого» случая, полученного в результате сложения двух углов – стороны углов являются дополнительными полупрямыми. При введении понятия «смежные углы» учащиеся выделяют следующие существенные свойства: а) смежные углы - это пара углов; б) одна сторона общая; в) две другие – дополнительные лучи. Чтобы учащиеся самостоятельно сформулировали определение смежных углов, целесообразно записать сокращенную структурную форму определения. Важным моментом должна стать работа учащихся по комбинированию

выделенных свойств. Для этого предлагаем учащимся изобразить на рисунке объекты, обладающие только лишь свойством а) и б), а затем только лишь свойствами а) и в). Либо это же задание можно предложить в следующей форме: «Ученик начертил два угла с общей стороной. Можно ли утверждать, что он начертил смежные углы?»

В методической литературе построение родословных рассматривается на завершающем этапе работы над понятием, в процессе обобщения и систематизации знаний. Генетический подход к формированию понятий предполагает составление родословных рассматривать по ходу или после конструирования определения понятия. В классах хорошего уровня математической подготовки можно предусмотреть задания на самостоятельное составление схем, иллюстрирующих родословную понятия.

Вторым направлением (после поиска факта) будет обучение деятельности по созданию определений. Генетический подход к введению понятий предполагает конструирование определений самими учащимися. Пути конструирования определений можно разделить на следующие виды: после выполненных последовательно конкретных действий при разрешении проблемной ситуации или при поиске ответов на естественно возникшие вопросы; по готовому чертежу, отражающему результат конструирования модели; с выбором фрагментов утверждения из предложенных учащимися вариантов; в процессе исправлений утверждений, высказанных учащимися.

Каждый из путей, как видно из их названий, преследует конкретную цель, которая, как и в первом случае, явно формулируется в условии. В процессе обсуждения предложенных формулировок учащимися полезно ввести задания на проверку определений. К данному типу отнесем задания на проверку готовых предложений: установление их истинности, проверка избыточности (недостаточности) определения, поиск (исправление) ошибок на данном чертеже или в рассуждении. (Пример. Согласны ли вы с определением: «Два угла называются смежными, если имеют общую вершину и в сумме составляют 180° »? «Два угла с общей вершиной называются смежными, если две стороны принадлежат одной прямой?») Если нет, то, как его исправить?)

На этапе усвоения логической структуры определения (с учетом свойств данного подхода) целесообразно провести понятийно-структурный анализ с целью выработать у учащихся умения сопоставлять изученные понятия, отыскивать новые связи и отношения между ними, т.е. устанавливать подчиненность вида роду в случае сопоставимых понятий. При этом происходит либо обогащение и расширение ранее изученных понятий, либо образование новых, утверждает в своем

исследовании И.С. Сафуанов [5].

Для организации выполнения действий, адекватных усвоению логической структуры определения понятия необходимо разрабатывать специальные упражнения. (Пример. Упражнения на распознавание объектов, принадлежащих понятию. Первые упражнения можно рассматривать на готовых чертежах, затем перейти к заданиям, требующим выполнения чертежа и рассмотрения различных возможностей. Усложняются задания переходом к мысленному представлению объектов.

1. Можно ли данные углы назвать смежными? (На рисунке изображены два острых угла с общей стороной). 2. Будут ли два острых угла смежными, если имеют общую сторону? Сделайте соответствующий чертеж. 3. Являются ли два угла смежными, если их объединением является полуплоскость? Упражнения на выведение следствий из принадлежности объекта понятию. Пример: «Известно, что два угла являются смежными. Перечислите следствия, вытекающие из этого условия в силу определения смежных углов». Упражнения на конструирование объектов, принадлежащих понятию. Например: пользуясь определением, изобразите смежные прямые углы.)

Решение таких задач требует умения анализировать предложение, сопоставлять его с формулировкой определения понятия, делать выводы из возникшей ситуации, то есть учит мыслить. Рассматривая формирование мышления учащихся, необходимо, в первую очередь думать о формировании основных приемов мыслительной деятельности, – об анализе и синтезе. В процессе формирования этих приемов можно использовать вопросы: « Мы имеем некоторое утверждение, какие следствия из него можем получить? Мы хотим доказать некоторое утверждение, что для этого надо знать?». (Приведем примеры таких упражнений. Два угла имеют общую сторону. Какое условие необходимо добавить, чтобы они стали смежными? Какие вопросы нужно задать, получив ответы на которые можно утверждать, что углы смежные? Имея угол, сколько смежных углов с ним можно построить?)

Понятийно-структурный анализ имеет своей целью и систематизацию материала. Систематизация помогает учащимся глубже осознать связи между понятиями, их свойствами и отношениями, более четко представить структуру учебного материала и предмета (в целом). На этом этапе будут полезны следующие упражнения:

1) упражнения на осознание места понятия в системе понятий. Цель упражнений этого вида - помочь учащимся установить различия между определением понятия, свойством и признаком понятия.

2) установление связей между отдельными понятиями. Установленные взаимосвязи удобно изображать на схемах с помощью стрелок,

соединяющих родовое и видовое понятия.

3) построение схем, устанавливающих связи между понятиями определенного раздела. Упражнения этого вида включают задания на составление схем развития рассмотренных тем с установлением связей между их частями.

4) разноплановая систематизация материала по различным основаниям, состоящая в том, что отдельные факты выделяются из содержащей их системы и объединяются в новые системы через установление новых связей между ними с помощью выделенного основания.

Следующий этап – развитие приложений. На этом этапе можно рассматривать различные практические и внутриматематические приложения. Среди упражнений на развитие приложений нового понятия рекомендуем включить упражнения на варьирование свойств понятий, на включение понятий в новые связи и контексты, на различные преобразования изучаемых объектов. На этом этапе осуществляется знакомство с другими определениями, появляются новые понятия. (Приведем примеры упражнений. 1) Построить треугольник. Для каждого угла треугольника достроить угол смежный с ним. 2) Нарисуйте угол. Постройте смежный с ним угол. Сколько таких углов можно построить? Каким свойством обладают достроенные углы? 3) Найти величину угла между биссектрисами смежных углов).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что генетический подход к обучению вносит существенные корректировки в каждый этап формирования понятий. Развитие содержания геометрии происходит естественным образом из имеющихся знаний и на основе анализа изученного материала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Извольский Н.М. Методика геометрии / Н.М. Извольский. - Пг. : Брокгауз – Ефрон, 1924. - 163 с.
2. Когаловский Р.С. Путь к понятию / Р.С. Когаловский, Е.А. Шмелева, О.В. Герасимова. – Иваново : Изд-во ШГПУ, 1998. - 209 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1 / С.Л. Рубинштейн. - М. : Педагогика, 1989. - 488 с.
4. Сафуанов И.С. Генетический подход к обучению математическим дисциплинам в высшей педагогической школе: дис. ... д-ра пед. наук / И.С. Сафуанов. – Набережные Челны, 2000. - 410 с.
5. Wagenschein M. Verstehen lehren (Genetisch – Sokratisch – Exemplarisch). - Weinheim – Berlin – Basel : Verlag Justus Beltz, 1970. – 156 с.

УДК 378

**СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ К
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ**

Изотова Л.Е.

**THE MAINTENANCE AND STRUCTURAL COMPONENTS OF
PREPARATION OF THE MODERN TEACHER TO PROFESSIONAL
WORK IN THE INTERDISCIPLINARY DIDACTIC
ENVIRONMENT**

Izotova L.E.

В статье рассматривается междисциплинарная дидактическая среда, включающая в себя информационные образовательные технологии. Автором определены и описаны ее возможности для современной творческой деятельности преподавателей и студентов.

In given article the interdisciplinary didactic environment including information educational technologies is considered, the given environment gives considerable possibilities for modern creative activity of teachers and students.

Ключевые слова: профессиональная готовность, готовность к деятельности, инновационные технологии обучения, информационные образовательные технологии.

Keywords: professional readiness, readiness for activity, innovative technologies of training, information educational technologies.

В настоящее время в нашей стране активно формируется новая система образования, направленная на органичное вхождение в мировое образовательное пространство. Инновационные подходы в образовании порождают необходимость создания и внедрения новых педагогических технологий. В связи с этим в педагогическом сообществе происходит активный поиск разнообразных вариантов содержания образования, использования возможностей современных образовательных технологий для повышения эффективности учебного процесса, обеспечения качества образования, теоретическое обоснование и практическое применение новых дидактических технологий и их сопровождения.

Задачи, связанные с разработкой инновационных технологий обучения, могут решаться на стыке исследований в педагогике, психологии и информатике. Стремительное развитие информационных технологий определило появление таких новых педагогических методов и средств, как дистанционное обучение, электронные учебники, системы компьютерного тестирования, автоматизированные обучающие системы, электронные энциклопедии и т.д. В ряде учебных заведений накоплен

положительный опыт по их эффективному применению. Пути преодоления трудностей заключаются в опережающем развитии теории и методики применения современных информационных технологий, а также в привлечении к этой работе соответствующих специалистов. Применение педагогических программных продуктов требует от современного преподавателя умения в них ориентироваться и правильно строить процесс обучения. Вследствие этого актуальными являются вопросы проектирования педагогических информационных технологий. И.Б. Готская отмечает, что активное использование информационных образовательных технологий может привести к перестройке традиционной классно-урочной модели обучения за счет существенного изменения соотношения учебной работы под руководством учителя и самостоятельной работы [2]. При этом может осуществиться переход от традиционных форм проведения уроков к инновационным (семинар, дискуссия, консультация, формирование временных учебных групп для выполнения учебных исследований и учебных проектов).

Все это невозможно без высокого уровня развития информационной культуры личности будущего учителя, которая включает три компонента: когнитивный (знания и умения в области информационных технологий); мотивационно-ценностный (ценностное отношение к информационным технологиям, готовность к их использованию в профессиональной деятельности); поведенческий (практическое использование информационных технологий в жизнедеятельности, в том числе, в профессиональной деятельности). Традиционная система подготовки педагогов не в достаточной мере способствует развитию их информационной культуры личности и других компонентов профессиональной компетентности..

С точки зрения автора, решение проблемы активизации познавательной самостоятельности будущих учителей возможно на основе интеграции педагогических и информационных технологий. Информатизация образовательного процесса открыла новые возможности. Во-первых, информационное и мультимедийное насыщение информационных образовательных технологий дало возможность значительного расширения информационной поддержки уроков. Во-вторых, использование гипертекстовых и мультимедийных технологий обеспечило интерактивность обучения. В-третьих, модульная структура информационных образовательных технологий дала возможность выбора индивидуальной траектории изучения материала. В-четвертых, инновационные информационные технологии обучения способствовали формированию профессионально значимых свойств личности студентов (будущих педагогов), прежде всего – информационной культуры личности. В-пятых,

использование информационной образовательной среды позволило эффективно осуществить междисциплинарную интеграцию при подготовке будущих педагогов.

Рассмотрим подробнее последние две возможности на примере подготовки учителей физики. Взаимосвязь между предметами нами осуществлялась в форме объединенных занятий по двум или нескольким предметам. При междисциплинарной интеграции использовались разнообразные образовательные методики и технологии, создание проектов на стыке дисциплин, различные способы оценки учебной деятельности студентов, в том числе, использование компьютерных методов обучения. Проектированию информационных образовательных технологий предшествовал анализ особенностей информатизации образования на современном этапе, а также были решены методические проблемы применения информационных технологий в процессе подготовке.

С нашей точки зрения, проектирование информационных образовательных технологий должно опираться на анализ свойств, функций, общих подходов к созданию новых информационных технологий, практики их применения в учебном процессе. Междисциплинарная информационная среда помогает преподавателям физики осуществить единый подход к решению общих задач обучения. Информационные образовательные технологии при подготовке современного учителя должны разрабатываться с учетом классических дидактических принципов. Проблемы построения междисциплинарного образовательного пространства с использованием информационных образовательных технологий требуют решения вопроса психологического обеспечения процесса. Ведь процесс формирования интегративных знаний у будущих учителей, а значит, и учебно-воспитательный процесс вуза, элементом которого он является, тесно связан не только с собственно личностными характеристиками, но также и с развитием познавательных процессов: вниманием, памятью, мышлением, способностями личности, которые отражают уникальность личности и влияют на все компоненты учебно-воспитательного процесса. Выдвижение перед студентами познавательных задач междисциплинарного характера на начальном этапе подготовки значительно активизирует учебную деятельность (напряжение памяти, мышления, эмоционально волевых усилий, развитие воображения и речи). Память, прошлый опыт индивида сохраняют все мотивационные, обстановочные и пусковые стимулы, встречавшиеся ранее. Таким образом, междисциплинарные связи на первоначальных этапах их включения в учебный процесс играют роль побуждающего механизма. Знания, полученные студентами в результате предшествующего опыта, становятся регуляторами познавательной активности.

На следующих этапах подготовки междисциплинарные связи выполняют детерминирующую функцию благодаря интеграции знаний, что повышает продуктивность протекающих психических процессов. Информация и ее интеграция выступают важнейшими регуляторами активности индивида. Так, актуализация опорных знаний из различных дисциплин и их интеграция, синтез, обобщения при решении междисциплинарных задач способствуют выработке наиболее полных оценок и целесообразных в данных условиях действий.

Междисциплинарное знание выступает как результат обобщающих действий и включается в новый способ их осуществления. Формирование обобщенного междисциплинарного знания составляет завершающий этап его усвоения. У студентов складывается новый способ мышления, умение видеть общее в частном и частное с позиции общего.

Междисциплинарная дидактическая информационная среда предоставляет значительные возможности для современной творческой деятельности преподавателей и студентов.

Информатизация подготовки учителей на основе применения междисциплинарной информационной образовательной среды – главный фактор формирования их информационной культуры личности. Развитие когнитивного компонента обусловлена тем, что работа с информационными системами закрепляет имеющиеся навыки (умения) работы с компьютерными программами и способствует формированию новых. Наше исследование проводилось на базе Дагестанского государственного педагогического университета и Карачаево-Черкесского государственного университета имени К.У. Алиева. Педагогические эксперименты проводились по классической доказательной схеме ROXO, где R – рандомизация групп (формирование контрольных и экспериментальных групп), X – экспериментальный стимул (в рамках исследования – применение информационной образовательной среды), O – контроль в процессе эксперимента на начальной, промежуточной и завершающей стадиях. В каждом вузе экспериментальная работа длилась два года, контингент студенты - первого курса. Цель экспериментов – определить прирост за два года обучения прирост базовых знаний и информационной культуры личности студентов и на этой основе оценить эффективность информационных образовательных технологий.

Педагогические эксперименты, проведенные на базе двух вузов, показали высокую эффективность использования междисциплинарной информационной образовательной среды в подготовке будущих учителей физики. Она проявилась в сопряженном (комплексном) формировании базовых знаний студентов по профилю специальности и их информационной культуры личности. В Карачаево-Черкесском государственном

университете имени К.У. Алиева (КЧГУ) контрольная группа включала 53 студента, экспериментальная – 49, в Дагестанском государственном педагогическом университете (ДГПУ) – соответственно 62 и 67. Базовые знания по профилю специальности, а также сформированность когнитивного компонента информационной культуры личности определялись на основе адаптивного компьютерного тестирования, Мотивационно-ценностный и поведенческий компоненты информационной культуры личности – на основе компьютерного анкетирования (данная процедура включала оценку достоверности ответов на основе шкалы лжи и иных методов). На начальном этапе эксперимента студенты контрольной и экспериментальной групп не отличались по уровню знаний физики, математики и информатики (для этого были проанализированы данные о сдаче ЕГЭ недавними абитуриентами). На завершающем этапе эксперимента по всем показателям студенты экспериментальных групп достоверно ($p < 5\%$) превосходили студентов контрольных групп (таблица 1). Кроме того, анализ результатов анкетирования показал, что после завершения эксперимента в КЧГУ в контрольной группе положительное отношение к применению информационных технологий в будущей профессиональной деятельности у 23% студентов, в экспериментальной – у 75% (в ДГПУ эти показатели соответственно 28% и 78%). Это говорит о высокой эффективности информационных образовательных технологий, их ведущей роли в формировании профессиональной компетентности будущих учителей.

Таблица 1.

**Результаты обучения студентов-педагогов
(КГ и ЭГ – контрольная и экспериментальная группы)**

№	Показатель, $X \pm \sigma$	КЧГУ		ДГПУ	
		КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1.	Коэффициент усвоения базовых знаний, ед.	0,53±0,061	0,72±0,054	0,56±0,06	0,78±0,065
2.	Качество знаний, балл	6,3±0,54	7,9±0,63	6,4±0,48	8,2±0,67
3.	Когнитивный компонент, %	45±3,8	78±4,3	47±3,4	84±7,9
4.	Мотивационно-ценностный компонент, %	36±2,9	67±6,2	38±3,4	74±6,4

5.	Поведенческий компонент, %	32±2,4	61±5,7	35±3,1	67±6,2
----	----------------------------	--------	--------	--------	--------

Информатизация образовательного процесса на основе использования междисциплинарной образовательной среды позволяет эффективно решать следующие задачи: сопряженное (одновременное) развитие всех компонентов информационной культуры личности будущих педагогов; осуществление единого подхода в обучении (преподавании различных учебных дисциплин); реализация методов активного обучения, активизация психических процессов студентов, мотивирование к будущей профессиональной педагогической деятельности и использованию в ней современных информационных технологий; индивидуализация траектории обучения студентов; усиление междисциплинарных связей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гомулина Н.Н. Учебные компьютерные игры по естественнонаучным предметам / Н.Н. Гомулина // Информационные технологии в образовании: XVIII Международная конференция – выставка. – Ч. III.-М.-2008.-С. 12-14.
2. Готская И.Б. Возможности применения ЭОР нового поколения в учебном процессе / И.Б. Готская, В.И. Снегурова // Информационные технологии в образовании: XVIII Международная конференция – выставка. -М.-2007.-С. 29-31.
3. Долгова Т.В. Использование ЭОР в преподавании / Т.В. Долгова // ИТ в образовании: XVIII Международная конференция – выставка. – Ч. III.-М.-2007.- С. 32-33.
4. Клушина Н.П. Методическое обеспечение профессиональной подготовки специалистов социальной работы / Н.П. Клушина. – Ставрополь, 2001. – 195 с.
5. Макарова Н.В. Интегрированное образовательное пространство на базе компьютерных технологий — фундамент информационного общества // XI конференция-выставка «Информационные технологии в образовании». Сб. тр. Часть II. - М: МИФИ, 2001. - С. 24-26.
6. Погожаева Ю.Д. Условия применения электронных обучающих изданий в образовательном процессе / Ю.Д. Погожаева // ИТ в образовании: XVIII Международная конференция – выставка. – Ч. II. – М. – 2008. – С. 100-102.
7. Синьковская Т.А. Проблема готовности будущего учителя информатики к использованию технологий дистанционного обучения / Т.А. Синьковская // Конгресс конференций «Информационные технологии в образовании» («ИТО-2003») // <http://ito.edu.ru/2003>
8. Слостенин В.А. Педагогика / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов – Изд. 8-е. М.: Академия, 2008. – 567 с.
9. Талызина Н.Ф. Теоретические проблемы программированного обучения. – М.: Изд-во МГУ, 1969. - 133 с.

УДК 378

**СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, СОДЕРЖАНИЕ И
НАПРАВЛЕННОСТЬ ИННОВАЦИОННО-КОММЕРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА**

Султанова Д.М.

**INTRINSIC CHARACTERISTICS, CONTENTS AND DIRECTION
OF THE INNOVATIONAL AND COMMERCIAL ACTIVITIES OF A
MODERN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION LECTURER**

Sultanova D.M.

В статье с позиций анализа тенденций развития отечественной системы высшего профессионального образования раскрыты сущностные характеристики, содержание и направленность инновационно-коммерческой деятельности преподавателя современного вуза. Автором выявлено, что ее сущность состоит в необходимости ориентации его научной и образовательной деятельности на получение результатов, имеющих прикладное значение.

The article is disclosing from the point of view of the domestic higher professional educational system's development tendencies intrinsic characteristics, contents and direction of the innovational and commercial activities of a modern higher educational institution lecturer.

Ключевые слова: современный вуз, профессиональная компетентность преподавателя современного вуза, базовые и ключевые компетенции, инновационно-коммерческий компонент профессиональной компетентности преподавателя вуза, инновационно-коммерческая деятельность, критерии инновационно-коммерческой разработки.

Keywords: modern higher educational institution, a modern higher educational institution lecturer's competence, basic and key competence, innovational and commercial component of a modern higher educational institution lecturer's competence, innovational and commercial activities, criteria of modern innovational and commercial project.

В современном мире высшая школа, находящаяся в процессе интенсивных преобразований, является одновременно и объектом, и субъектом происходящих изменений. Сохранение и укрепление субъектности высшего образования выступает в качестве базового концептуального принципа не только реформ национальных систем образования, но и широкомасштабных интеграционных процессов, разворачивающихся в регионе Европы, о чем и свидетельствуют материалы (5, с.170; 3, с.30-32; 1, с.58), характеризующие цели и задачи европейских реформ образования. В результате их осуществления должна возрасти субъектная (т.е. действенно-самостоятельная, активная) роль высшего образования (в целом), роль каждого высшего учебного заведения, а также

преподавателей и студентов как активных и ответственных участников процесса перемен. В поле осмысления проблемы находился процесс включения отечественных вузовских систем в Болонский процесс, который может рассматриваться как «выход» отечественных вузовских систем на международный рынок образовательных услуг. Это обусловило привлечение внимания к различным аспектам компетентности специалистов, обеспечивающих эффективность лично-профессиональных достижений в различных сферах: духовной, нравственной, психологической, гуманитарно-технологической, социально-перцептивной и др.

Мы обратились к выявлению закономерностей развития инновационно - предпринимательского типа вузовской системы. В качестве таковых было определено следующее: переход количественного накопления управленческих, структурных, содержательных инноваций в качественно новое состояние – инновационную вузовскую систему; становление инновационно-предпринимательской системы вуза как детерминанта и результат лично-профессионального развития вузовского преподавателя под влиянием разнообразных объективных и субъективных факторов; социальная обусловленность развития вуза (как самообучающейся организации) общемировыми, общероссийскими, региональными тенденциями, которая приобретает характер самодетерминации; интеграция (взаимопроникновение и взаимовлияние) инновационных и инновационно-коммерческих подсистем вуза, определяющая векторы развития вуза; взаимообусловленность диады «готовность к деятельности ↔ эффективность деятельности» как предпосылка подготовки преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности.

Перечисленные закономерности, подходы и концепции были использованы нами в качестве методологических оснований, объясняющих саморазвитие инновационной системы вуза, которое обусловлено подвижным равновесием с окружающей средой и направлено на сохранение целостности и уникальности трансформирующейся (развивающейся) образовательной системы, позволяющих моделировать процесс подготовки преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности, а также разрабатывать условия реализации модели данного процесса.

Взаимодействие многообразных условий и факторов (открытость вузовской системы; эффективный руководитель; формирование особой миссии системы и притязаний коллективного субъекта; субъектная включенность в совместную деятельность; высокая степень

взаимовлияния с окружающим социумом; возникновение способности отбирать информацию, накапливать инновационный и инновационно-коммерческий опыт, самообучаться и самоорганизовываться; высокая мотивированность на инновационную и инновационно-коммерческую деятельность) с направленной инновационной активностью вуза как результата сложения внешних и внутренних обстоятельств для «главного усилия» (К.А.Абульханова-Славская), в конечном итоге, могут инициировать отклик системы в момент трансформационного толчка. Отчетливо возникает потребность интегрировать системный, акмеологический, радиологический и др. подходы, теории и представления, сущностно связанные с изучением инновационных процессов в современных вузовских системах, и на этой основе разрабатывать модель и условия подготовки преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности. Необходимо отметить, что в отечественной системе высшего профессионального образования в настоящее время происходят процессы, которые можно назвать одним общим словом «модернизация», но, как нам представляется, на фоне происходящих процессов, самым важным, является процесс диверсификации модели вуза.

В нашем исследовании под диверсифицированной моделью вуза мы будем понимать современную вузовскую систему, которая характеризуется полифункциональностью (вуз выполняет социальную, культурно-воспитательную, обучающую, профессиональную, научно-исследовательскую, инновационно-коммерческую, сервисную и другие функции) и динамичностью (вуз постоянно развивается под влиянием изменений, происходящих под воздействием конъюнктуры рынка, конкуренции, изменения экономических отношений).

Целенаправленный анализ научной литературы позволил выявить три стратегии формирования новых типов университетов: модернизация существующих вузов; слияние существующих вузов; создание новых вузов (13, с.5-45). Безусловным преимуществом в происходящем процессе формирования новых типов университетов пользуются первые два пути, так как они связаны с наименьшими ресурсными издержками.

Можно выделить следующие типы отечественных университетов, которые находятся на этапе диверсификации: национальные исследовательские университеты, федеральные университеты, инновационные кластеры, инновационные, исследовательские, предпринимательские, корпоративные и региональные университеты (3). Как и современные

зарубежные университеты, преимущественное положение в иерархии получают те российские вузы, которые реализуют исследовательские и инновационные функции. На проведение научных исследований и решение исследовательских задач общенациональных инвестиционных проектов ориентированы национальные исследовательские университеты. Для них характерно увеличение объема прав по распоряжению имуществом, накопление финансовых ресурсов, формирование фондов развития из различных источников и самостоятельное распоряжение финансовыми ресурсами, увеличение объема прав и упрощение порядка распоряжения бюджетными средствами, увеличение объема прав и возможностей по привлечению и использованию внебюджетных источников, реализация права на участие в создании других организаций разных форм собственности и пр. [3]. Перед национальными исследовательскими университетами ставится задача выхода на мировой уровень по качеству образования и исследований. Они должны стать лидерами в подготовке кадров для самых высокотехнологичных секторов экономики, создать эффективную систему коммерциализации научных результатов и пр. Примером такого типа является национальный исследовательский ядерный университет, образованный на базе Московского инженерно-физического института.

Федеральные университеты представляют собой университеты нового исследовательского типа, решающие задачу кадрового и научного обеспечения геополитических территорий. С деятельностью федеральных университетов связывают интеграцию в международное образовательное пространство и позиционирование качественного российского высшего профессионального образования на мировом рынке образовательных услуг; кадровое обеспечение инновационного развития регионов, крупных инвестиционных проектов. В целях интеграции науки и образования, а также эффективного обеспечения стратегического партнерства с бизнес-сообществом в настоящее время создается сеть федеральных университетов: Сибирский, Южный, Дальневосточный и др. федеральные университеты, в настоящее время разрабатывается проект создания Северо-Кавказского федерального университета.

Дополняют систему федеральных и национальных исследовательских университетов региональные исследовательские университеты, обеспечивающие реализацию исследовательских программ по наиболее приоритетным направлениям развития науки и техники. Это вузы, играющие заметную роль в развитии научного и экономического потен-

циала субъекта Российской Федерации. Исследовательские университеты отличаются мультидисциплинарностью, привлечением студентов к фундаментальным и прикладным исследованиям, инновационной направленностью прикладных исследований и активным использованием интеллектуального потенциала университета для создания прорывных технологий традиционные функции дополняются активной деятельностью по передаче новых технологий в промышленность и бизнес. Примером исследовательского университета является Томский государственный университет.

В основе функционирования современного инновационного университета позиционируется инновационная деятельность, направленная на создание новаций, существенно влияющих на состояние образования, науки, экономики и социальной сферы страны и региона. Инновационные университеты способствуют ускоренному развитию социума за счет интенсивной передачи генерированных университетом знаний, технологий. Университеты такого типа представляют собой учебно-научно-инновационный комплекс, основанный на тесной связи между учебным, научным и инновационным сегментами, активно реализующий инновационную деятельность и имеющий инфраструктуру для ее осуществления. Критериями инновационного вуза выступают развитое инновационное образование, соответствующее мировому уровню; известные ведущие научные школы в области актуальных научных исследований, позволяющие генерировать современные идеи и реализовывать их на современном оборудовании; инновационная деятельность и инновационная инфраструктура, обеспечивающие вывод результатов научно-технической деятельности вуза на российский и международный рынки; интеграция научно-образовательной и инновационной деятельности вуза с целью обеспечения высокого качества подготовки кадров; полноценная информационная обеспеченность всех видов деятельности вуза; многоканальная база финансирования; взаимодействие с внешней отечественной и зарубежной средой по всем направлениям деятельности вуза (открытость вуза социуму); использование научно-инновационной базы вуза для подготовки кадров и успешность внешней академической активности студентов и аспирантов (результаты участия в конкурсах, выставках и конференциях регионального, российского и международного уровней); наличие и online-поддержка Интернет-портала вуза; участие вуза в инновационных конкурсных программах; развитая инновационная корпоративная культура вуза, внутренняя конкурентная среда; на-

личие совершенной адаптивной системы управления развитием инноваций и вузом как самообучающейся структурой.

Более масштабными структурами, целенаправленными на разработку инноваций и производство инновационной продукции, являются инновационные кластеры и наукограды, представляющие собой кооперацию образовательных и научных организаций, предприятий промышленности и сельского хозяйства, наукоемких производств и фирм. Кластеры играют роль точек роста внутреннего рынка для всей экономики государства: организация одного успешного кластера является толчком для образования новых кластеров, что приводит к повышению международной конкурентоспособности региона и страны. Важной отличительной чертой кластера является также его инновационная ориентированность.

Отличительные черты предпринимательского университета – многопрофильность, сочетание образовательной, научной, инновационной и производственной деятельности. Он включает в себя как образовательные учреждения различного уровня, так и малые и средние инновационные предприятия, инновационно-технологические центры, технопарки, исследовательские и проектные организации, объекты инновационной инфраструктуры. Во взаимодействии с таким университетом формируются структуры, в задачи которых входит продвижение на рынок университетских разработок, выпуск готовой наукоемкой продукции, укрепление связей с промышленностью (отдел защиты интеллектуальной собственности, бюро технологического трансфера, малые инновационные фирмы, научно-технологические парки и т.д.). Развиваются различные формы интеграции университетов и промышленного сектора (научно-производственные предприятия, технополисы, центры коллективного пользования оборудованием и т.д.). Примером предпринимательского университета является Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.

Корпоративные университеты являются системообразующими вузами регионального и отраслевого типа, в которые входят вузы, сохраняющие статус юридического лица. Корпоративные университеты построены на принципах интеграции, а не слияния вузов; усиления профильности каждого вуза, входящего в корпоративный университет, потенциалами других вузов; корпоративности в направлениях деятельности, где требуется объединение ресурсов и интеллектуального потенциала. В контексте создания корпоративного университета речь идет об

объединении учреждений всех уровней профессионального образования, науки, промышленности, бизнеса (Пример: Пермский корпоративный университет).

Региональные университеты реализуют многопрофильные программы, ориентированы на воспроизводство кадрового потенциала и интеллектуальных ресурсов региона, являются центрами системы непрерывного образования, а также осуществляют тесную связь с экономикой и социальной сферой региона. Общие направления организационной перестройки университетов в региональных центрах выражаются в переходе к многоступенчатой, гибкой, открытой, территориально расчлененной и самодостаточной модели высшего учебного заведения. Для региональных университетов оптимален вариант тесной интеграции с академической и отраслевой наукой, формирование учебно-научно-производственных комплексов.

Практически все модели рассмотренных университетов в своих целях и миссии содержат направленность на инновации, ориентированность на рынок образовательных и исследовательских услуг, коммерциализацию результатов своей деятельности и, следовательно, предъявляющих иные требования к профессиональной компетентности преподавателей в них работающих.

Таким образом, мы выходим на компетентностную модель преподавателя современного вуза, которая должна быть дополнена инновационно-коммерческим компонентом в структуре его профессиональной компетентности. Анализ научной литературы выявил, что подавляющее большинство исследователей считает, что производными от термина «компетенция» («профессиональная компетенция») выступают понятия «ключевые компетенции», «базовые компетенции», «универсальные компетенции» и пр. Данное обстоятельство потребовало внесения целого ряда пояснений к используемым в нашем исследовании понятиям.

Во-первых, поскольку мы ввели словосочетания «современный вуз», «профессиональная компетентность преподавателя современного вуза» и будем их активно использовать, мы посчитали необходимым дать их определения в нашей интерпретации: современный вуз – это образовательное учреждение (организация) высшего профессионального образования, реализующее разноуровневые образовательные программы (бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура и др.) и отвечающее современным требованиям со стороны государства, общества,

личности в части качества подготовки высококвалифицированных специалистов.

Прилагательное «современный» трактуется в нашем исследовании как «относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем -, или чем-нибудь. Стоящий на уровне своего века, не отсталый» [11, с.731].

Уточнения, приведенные выше, позволяют нам сформулировать в самом общем виде понятие «профессиональная компетентность преподавателя современного вуза». В нашем понимании она представляет собой обобщенное личностно-профессиональное образование, характеризующееся наличием базовых (теоретико-методологической, научно-исследовательской, психолого-педагогической, методической, предметной) и ключевых (информационно-технологической, инновационно-коммерческой, воспитательно-развивающей, проективно-менеджерской, коммуникативно-рефлексивной) компетенций, позволяющих в соответствии с ГОС ВПО осуществлять профессионально-педагогические функции в режиме как традиционной (функционирующей), так и диверсифицированной (развивающейся) модели вуза.

Во-вторых, мы подразделили все компетенции на две группы («базовые» и «ключевые»), поскольку осуществленный нами анализ научной литературы и нормативных документов показал, что многие исследователи инновационных процессов в образовании употребляют понятия «ключевая компетенция», «базовая компетенция», «универсальная компетенция» как синонимы.

Наши исследования этимологии данных понятий привели к несколько иным результатам. Так, например, прилагательное «ключевой» в словаре русского языка толкуется как «открывающий возможности овладения, управления чем-нибудь» [11, с.273] а существительное «ключ» – то, что служит для разгадки, понимания чего-нибудь, овладения чем-нибудь» (там же). «База» – это основание, главное, на чем основывается, создается что-либо» [2, с.93], а прилагательное «базовый» – находящийся в основании; на котором что-либо основывается. Прилагательное «универсальный» означает разносторонний, охватывающий многое; с разнообразным назначением, или разнообразного применения [11, с.822]. В нашей интерпретации, базовые компетенции – это такие компетенции, которые позволяют поддерживать преподавателя вуза в профессиональной сфере деятельности в режиме функционирования. Если же речь идет о развитии новых профессиональных качеств личности в

связи с изменением условий профессиональной деятельности (особенно в период диверсификации модели вуза), то этой личности необходимо владеть «ключевыми компетенциями». Прилагательное же «универсальный» мы предлагаем применять не в связи с компетенциями, а в связи с профессиональной характеристикой преподавателя вуза, например, «универсальный преподаватель», «преподаватель-универсал». Это преподаватель вуза, владеющий многими частнопредметными знаниями в определенной (одной) научной области. Последнее уточнение важно, чтобы не было путаницы с такой характеристикой преподавателя, как «энциклопедист», что означает всесторонне образованный, обладающий разносторонними знаниями [11, с.831].

В-третьих, проблемы становления профессиональной компетентности преподавателей вузов целесообразно решать в рамках общенаучной проблемы развития «человеческого капитала». Мировое сообщество давно осознало, что главный потенциал бизнеса в современной сетевой экономике – это люди. Поэтому инвестиции в человеческий капитал, способный не только разрабатывать новые технологии, но и превращать их в привлекательный коммерческий продукт, признаны мировым сообществом как самые выгодные как для роста конкурентоспособности экономики, так и для людей и усиления государства. Теперь мы можем сформулировать определения понятий «инновационно-коммерческий компонент профессиональной компетентности преподавателя вуза» и «инновационно-коммерческая деятельность преподавателя вуза».

«Инновационно-коммерческий компонент профессиональной компетентности преподавателя вуза» (табл. 1) – это сложное новообразование в его профессиональной компетентности, интегрирующее в себе способность преподавателя включаться в одну или несколько стадий инновационного процесса; обладание знаниями в области авторского права и перевода интеллектуальных продуктов в нематериальные активы вуза; представления о процессе коммерциализации интеллектуальной собственности и умения позиционировать себя в качестве субъекта на рынке научно-инновационных и учебно-инновационных разработок и услуг. Следовательно, «инновационно-коммерческая деятельность преподавателя вуза» – это компонент его профессиональной деятельности, характеризующий направленность на достижение инновационно-коммерческого результата и активность преподавателя в процессе достижения этого результата.

Таблица 1

Элементы инновационно-коммерческого компонента в структуре профессиональной компетентности преподавателя вуза

Наименование компетентности	Базовые компетенции (или компоненты компетентности)	Ключевые компетенции (или компоненты компетентности)	Элементы соответствующего компонента
Профессиональная компетентность преподавателя вуза	теоретико-методологическая	инновационно-коммерческая компетенция (или компонент профессиональной компетентности)	способность преподавателя включаться в одну или несколько стадий инновационного процесса; обладание знаниями в области авторского права и перевода интеллектуальных продуктов в нематериальные активы вуза; представления о процессе коммерциализации интеллектуальной собственности и умения позиционировать себя в качестве субъекта на рынке научно-инновационных и учебно-инновационных разработок и услуг и др.
	научно-исследовательская	информационно-технологическая	
	психолого-педагогическая	проективно-менеджерская	
	методическая	воспитательно-развивающая	
	предметная	коммуникативно-рефлексивная	

Приведенные выше определения включают в себя понятия, которые также требуют пояснения. Инновационный процесс мы рассматриваем как сложный комплекс работ от разработки идеи или новой технологии до ее широкого использования, получения нового продукта и его коммерциализации. Полный цикл инновационного процесса включает в себя следующие последовательно выполняемые работы (стадии): генерирование идеи → проведение исследований → выработка инновационного предложения → разработка инновационного проекта → реализация инновационного проекта. Эффективность инновационного процесса зависит от того, в какой мере его стадии интегрированы в единое целое и обеспечены достаточным финансированием [7, с.10].

Процесс коммерциализации (от лат. commercium, превращение чего-либо в источник доходов, [2, с.340]) продуктов интеллектуальной собственности понимается в данной публикации – это элемент трансферта, при котором потребитель (заказчик, покупатель) выплачивает вознаграждение владельцу (вузу, автору) интеллектуальной разработки в той или иной форме и размерах, определяемых взаимосогласованными договорными условиями [7, с.13]. Рынок интеллектуальной продукции (инновационный рынок) – это форма экономических отношений между владельцем интеллектуальной собственности и покупателем права владения, пользования и распоряжения, в результате которых происходит эквивалентный обмен платежеспособного спроса покупателя на потребительскую ценность, заключенную в инновационной продукции [7, с.12].

В качестве субъектов инновационного рынка могут выступать государство, предприятия, учреждения, вузы, фонды, физические лица (ученые и специалисты) [7, с.13]. Объекты инновационного рынка – это результаты интеллектуальной деятельности, представленные в овеществленной форме (в виде оборудования, опытных установок, инструментов, технологических линий и т.д.); в неовещественной форме (данные научно-исследовательских, проектно-конструкторских работ, отчеты, описание способа или метода, конструкторская и техническая документация); в виде знаний, опыта, консультирования в научно-прикладной сфере и в сфере образовательных услуг, связанных с сопровождением и обслуживанием инновационной деятельности [7, с.13].

Чтобы осуществлять инновационный процесс и процесс коммерциализации в высшем учебном заведении должна быть развита инфраструктура инновационной системы вуза (лат. infra – под, structura – строение, устройство, [2, с.289] как совокупность субъектов инновационной деятельности вуза, способствующих осуществлению данной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инно-

вационной продукции. К инфраструктуре инновационной системы вуза (включая студенческие структуры) относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, офисы коммерциализации, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, учебно-деловые центры, венчурные фонды, инновационно-активные кафедры, лаборатории и др. [7, с.17].

Среди приведенных инновационных структурных подразделений вуза особое место занимают инновационно-активная кафедра (как источник инновационных идей) и офис коммерциализации (как структура, осуществляющая посреднические функции между создателями и заказчиками (покупателями) интеллектуального продукта). Раскроем содержание и этих понятий. Инновационно-активная кафедра вуза – это кафедра, на которой не менее половины преподавателей и сотрудников активно предлагают научно-инновационные и (или) учебно-инновационные разработки (инновационную продукцию, технологии, услуги) и участвуют в инновационной деятельности по их созданию [7, с.17]. Офис коммерциализации (центр коммерциализации) – это структурное подразделение вуза, которое ориентировано на создание дохода от использования результатов научных исследований и оказания образовательных (и иных) услуг, выполненных в вузе [7, с.17]. Этот доход может быть получен от любых коммерческих соглашений, включая использование прав на интеллектуальную собственность; договоры об уступке патента и лицензионные договоры; создание малых предприятий, разрабатывающих и реализующих продукты интеллектуальной деятельности); исследовательские контракты.

И еще на двух определениях необходимо остановиться, поскольку они употребляются в нашем исследовании и являются предметом инновационно-коммерческой деятельности – это научно-инновационная разработка, проводимая в рамках приоритетных направлений науки, технологий и техники в РФ, критических технологий РФ (утверждены Президентом РФ 21.05.2006 г., Пр-843), по заказу и на средства федеральных, региональных, местных органов власти, учреждений и организаций разной формы собственности, юридических и физических лиц, университета, отвечающая критериям инновационности; учебно-инновационная разработка – это разработка (учебник, учебное пособие и программа, образовательная технология и его психолого-педагогическое и дидактическое сопровождение, учебно-методический комплекс (УМК) в бумажном и электронном виде), проводимая по заказу и на средства федеральных, региональных, местных органов власти, учреждений и организаций разной формы собственности, юридических и физических лиц, университета и отвечающая критериям инновационности.

Укажем критерии инновационности разработок: востребованность на рынке продукции, технологий, услуг, подтверждаемая наличием официальных заявок (заданий) на разработку; наличие заказчика (покупателя) на разработку (наличие договора, контракта); потенциальная коммерциализуемость (возможность продажи и получения прибыли, возмещения затрат); креативность (творческий характер разработки с оттенком прагматичности: зачем, для кого, как и что именно нужно создавать); конкурентоспособность (обладание преимуществами среди аналогов); высокая эффективность (экономическая, коммерческая, социальная, экологическая, психолого-педагогическая, комплексная) использования в конкретных отраслях производства, либо в образовательном и научно-исследовательском процессах; природной эффект: внедрение инновации приводит не только к повышению эффективности в сфере её применения, но и снижению затрат или созданию условий для получения дополнительной прибыли; удовлетворяют сложившиеся индивидуальные, коллективные, общественные потребности в новых продуктах или способах; наукоёмкость (значительная доля затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы); уникальность (неповторимость, единственность в своем роде); оригинальность (необычность, самостоятельность, незаимствованная, авторская разработка) [7, с.26].

Пожалуй, ключевым критерием, с позиций нашего исследования, среди названных критериев является коммерческая реализуемость, поскольку, коммерческая реализуемость означает, что новшество «воспринято» рынком, т.е. реализуемо на рынке; что, в свою очередь, означает способность удовлетворить определенные запросы потребителей. Некоторые авторы [10, с.17-18] считают, что Россия в настоящее время придерживается консьюмеристской концепции высшего образования, при которой оно рассматривается как товар, предлагаемый для «продажи». Выражаясь терминами рынка, каждый сектор общества приобретает у высшего образования то, что его интересует: правительство – научные сведения; промышленность – производственную информацию, возможность внедрения в практику научных открытий и изобретений; частные некоммерческие организации платят за разработку таких областей, как культурные мероприятия, международное сотрудничество, бытовое обслуживание и т.п. Сама по себе новая идея, как бы досконально она ни была бы описана, формализована и представлена на схемах и чертежах – это еще не инновация (нововведение), т.к. не воплощена в используемых на практике продуктах, услугах или процессах. Только реализованные в новой продукции или процессах новые идеи называются инновациями. Инновационная деятельность должна быть обеспечена необходимыми

ми ресурсами: инвестициями (т.е., источниками различных ресурсов); «человеческими ресурсами» (носителями и источниками компетенций, способными к интеллектуальному труду); технологическая и методическая оснащенность преподавателей и сотрудников; обеспеченность необходимыми знаниями и информацией; техническая оснащенность рабочих мест. Еще одно важное ее условие – это постоянная (необходимая и целесообразная) обновляемость знаний, кадров, технического, технологического и методического оснащения, обеспечение обновления источников или программ инвестиций, обновляемость информационных и коммуникационных технологий, методов, организационной структуры и корпоративной культуры вуза.

Сущность инновационно-коммерческой деятельности преподавателя современного вуза состоит в необходимости ориентации своей научной и образовательной деятельности не только на получение собственно научных и образовательных результатов, но и на возможность получения таких результатов (интеллектуальных разработок), которые имели бы прикладное (рыночное) значение и решали бы какую-либо проблему (экономическую, производственную, образовательную), т.е. обладали бы свойством потенциальной коммерциализуемости. Содержание ее заключается в позиционировании себя на рынке научных и образовательных услуг одновременно как ученого, преподавателя, маркетолога и менеджера. Направленность этого вида деятельности преподавателя современного вуза концентрируется на совершенствовании личностной и профессиональной сфер (в зависимости от потребностей общества, государства, самой личности преподавателя и рынка научных и образовательных услуг).

Отсюда вытекает вполне обоснованная необходимость разработки педагогической модели подготовки преподавателя вуза к инновационно-коммерческой деятельности и созданию организационно-педагогических условий для реализации такой модели в пространстве современного учреждения высшего профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. Изд. 3-е исправл. и доп. – М., 2003. – С. 58.
2. Булько А.Н. Современный словарь иностранных слов. Более 25 тысяч слов и словосочетаний. – М.: «Мартин», 2004. – С. 348.
3. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры // Вестник высшей школы. – 1999. - № 3. – С. 30, 32.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Ч. 4, Раздел 7. / Федеральный закон № 230-ФЗ от 18.12.2006 г.

5. Доклад международной комиссии по образованию, представленный для ЮНЕСКО «Образование сокрытое сокровище». – М.: Изд-во ЮНЕСКО, 1997. – С. 170.

6. Журавлев В.А. Классический исследовательский университет: концепция, признаки, региональная миссия. // Университетское управление: практика и анализ. – 2002, -№2. – С. ...

7. Инновационная деятельность в классическом университете: термины и понятия / Под ред. профессора В.А. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во Сервисшкола, 2008. – 36 с.

8. Инновационный менеджмент: Учебник. / Под ред. В.А. Швандара, В.Я. Горфинкеля. – М.: Вузовский учебник, 2006. – 382 с.

9. Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности / Руководители авт. колл. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. – М.: Наука, 2004. – 880 с.

10. Образование, которое мы можем потерять. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – С. 17-18.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; - 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – С. 353, 638, 731. С. 731

12. Организация инновационной деятельности в вузе. / Л.В. Кожитов, П.А. Златин, В.А. Дёмин и др. – М.: МГИУ, 2009. – 296 с.

13. Фруммин И.Д., Джамаил Салми «Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса» // Вопросы образования. –2007. -№3. – С. 5-45.

ПРАВО

УДК 340

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВА КАК ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Мирошниченко Д.А.

INTERPRETATION OF THE RIGHT AS A JURIDICAL PRACTICE PROBLEM

Miroshnichenko D.A.

Статья посвящается анализу толкования права с использованием (привлечением) современных методологических концепций познания права. Автор предлагает разграничить классическую и неклассическую теории толкования права и показывает их отличие друг от друга. Выводы, сделанные автором, позволяют критически переосмыслить концепцию разделения властей, а также дискуссиию по поводу признания судебной практики источником права.

The article is devoted to the analysis of the interpretation of law with the application of modern methodological conceptions of law cognition. The author proposes to delimit classical and non-classical theories of law interpretation and demonstrates their distinguishing features. These conclusions lead to the critical reevaluation of the conception of division of power and to the discussion about the acknowledging the judicial practice the source of law.

Ключевые слова: интерпретация права, юридическая конструкция, право, правотворчество, правореализация, юридические средства.

Keywords: interpretation of law, technical legal construction, law, lawmaking, legal realization, legal means.

В истории права проблема толкования не раз вызывала глубокие споры и дискуссии. Осознание того, что в процессе интерпретации правовой нормы происходит творческое участие толкователя, приводило к тому, что власть неоднократно закрепляла за собой монополию на толкование. Например, в Германии запрещение толкования осуществлялось несколько раз в течение XVIII столетия, еще ранее так поступил Юстиниан, Папа Пий IV (в отношении постановлений Тридентского Собора). Г.Ф. Шершеневич отмечает, что Наполеон I пришел в ужас при известии о создании первого комментария на его кодекс: “Пропадал мой кодекс” [1, с.728]. Поэтому мы целиком согласны с теми авторами, которые видят в усмотрении судьи в процессах толкования норм опасность. Оттого, что это нам не нравится, суть дела не изменится – реальность, увы, показывает неизбежность творческого участия интерпретатора в этом процессе, а не пассивное отражение того смысла, который вложил в текст автор. Как пишет Г.Ф. Шершеневич: “Можно запретить писать толкования к закону, но нельзя запретить самое толкование, потому, что всякий, кто применяет закон, дает ему применение сообразно тому, как он его понимает, – а это уже и есть толкование. Ошибочность точки зрения законодателей в приведенных случаях обуславливалась тем, что они полагали, во-первых, будто в толковании нуждаются только неясные законы, а во-вторых, будто все изданные законы ясны” [2, с.728].

Позиция, согласно которой усмотрение по своей сути (если рассматривать его более широко, чем формальное разрешение законодателя на свободу выбора в процессе применения нормы) ориентировано на какой-то конкретный случай, на нечто единичное, на его индивидуальность и специфику, не опровергает наличие усмотрения в процессах толкования, как полагает Д.Б. Абушенко, а, напротив, подтверждает его [3, с.103-104]. Как мы увидим ниже, понимание (или толкование) правовой нормы не может протекать без ее конкретизации. Осознать это помогает герменевтическая методология анализа процессов правового мышления.

Все вышеизложенное позволяет несколько по-новому рассмотреть проблемы толкования права. Требуется пересмотра вопрос о том, возможно ли толкование без конкретизации нормы? Согласно позиции некоторых правоведов – П.Е. Недбайло и А.В. Пиголкина – при толко-

вании достигаются “конкретизация и детализация” юридических норм, их приспособление к новой обстановке [4, с.331]. То есть в результате процесса толкования на выходе мы имеем более конкретное правило поведения, которое с полной очевидностью применимо в данной ситуации. Однако существует иная точка зрения, согласно которой в отношении толкования “вообще” такая точка зрения не приемлема [5, с.172].

С позиции вышеизложенного, толкования “вообще” (без конкретизации) быть не может. Если быть более точным, толкование всегда предполагает конкретизацию, так как понимание нормы предполагает контекст – конкретные ситуации. Нельзя сказать, что это суждение является новым. О творческом характере процесса толкования, в результате которого появляется, по сути, новая норма, наполненная детальными характеристиками конкретного случая, свидетельствует и ряд конструкций традиционной теории толкования.

Например, в качестве главного принципа толкования выделяется принцип законности, означающий, что толкование должно быть подчинено задаче выявления действительной воли, содержащейся в нормативном акте. При этом воля должна быть познана, а не понята. Заметим, что здесь ключевая разница между толкованием, раскрытым через термин “познание”, и толкованием как пониманием норм. “Толкование как один из моментов научного познания исходит из марксистско-ленинской теории отражения”, – пишет С.С. Алексеев [6, с.156].

Такой же подход обнаруживают и современные исследования [7, с.83-89]. Действительно, в рамках классической теории правопознания последнее рассматривается как познание и отражение, что предполагает объективность познания и возможность отражения воли законодателя. При этом постулируется, что следует так интерпретировать норму, чтобы были учтены реалии сегодняшнего дня (динамический элемент толкования). Так, например, С.С. Алексеев пишет: “Не изменяя и не корректируя в процессе толкования волю законодателя, необходимо видеть ее реальное содержание таким, каким оно раскрывается в соответствии с действующим правом применительно к фактам сегодняшнего дня. Это значит, в частности, что в ряде случаев нельзя ограничиваться только буквальными формулировками...” [8, с.171]. Тут же отмечается, что оба этих момента – статический и динамический, существуют неразрывно. Но возникает вопрос: можно ли одновременно “не изменять и не корректировать волю законодателя”, и раскрывать содержание нормы применительно к “фактам сегодняшнего дня”. Ведь законодатель и его воля соответствуют фактам вчерашнего дня: со времени принятия норматив-

ного акта происходит изменение социальной жизни, порой, настолько, что законодатель себе и предположить не мог.

На наш взгляд, постулирование принципа законности в процессе толкования является не вполне логичным, так как он означает “режим соответствия закону”. Но как определить, соответствует процесс толкования закону или нет? Для этого должны существовать правила установления соответствия, а так как эти правила также должны быть истолкованы – возникает логически замкнутый круг – нельзя же истолковывать до бесконечности.

В реальной жизни оценка толкования правовой нормы на предмет соответствия закону осуществляется тем интерпретатором, который обладает наибольшей властью, то есть вышестоящими судебными инстанциями. В этом плане они обладают значительно большей полнотой власти, чем это представляется в доктрине разделения властей. Как справедливо указывает А.С. Александров, власть разрешает конфликт интерпретации, закрепляя за текстом один из смыслов в качестве истинного, и авторитарный момент является ключевым в понимании позитивного права [9, с.105].

В юридической литературе с давних времен существует признание необходимости различать букву и дух закона. Считается, что “буква” – результат толкования, полученный в итоге анализа буквального текста, а “дух закона” – итог применения всех способов толкования. Но данная традиция разграничения является, по сути, ни чем иным, как признанием того факта, что очень часто законодатель не может предусмотреть всего многообразия возможных ситуаций и, в связи с этим, возникает необходимость применить ту или иную норму с коррекцией общепотребительного и широко распространенного значения ее понятий. Возникает ситуация такого толкования правовой нормы, которая по своему характеру является ни чем иным, как скрытой аналогией закона. Норму толкуют таким образом, что состав охватываемых ею ситуаций расширяется или суживается еще на один тип казусов, абсолютно идентичных тому, в контексте которого происходит интерпретация нормы.

Признание необходимости в разграничении толкования “по объему” является одновременно признанием творческого характера толкования нормы, так как толкование “по объему” основано на признании, с одной стороны, невозможности предусмотреть все бесконечное многообразие жизненных ситуаций, с другой стороны, признание интуитивного, не поддающегося рационализации здравого смысла и желаемого права в качестве определяющего или руководящего в процессе интер-

претации. Только здравый смысл подсказывает, как следует истолковать в данном случае ту или иную норму буквально, расширительно или ограничительно.

Предположим, что судья через некоторое время после вступления в силу нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности за дачу взятки, связанное с добровольным заявлением, рассматривает дело и приходит к выводу, что подсудимый заявил о даче взятки в связи с тем, что об этом факте стало известно органам власти, а по содержанию данной статьи Пленум Верховного Суда еще не успел дать руководящих разъяснений. Как поступить в данной ситуации? Судья вынужден идти на творчество, создавая конкретизирующую норму: осмысляя ситуацию, он строит одновременно образ частного (конкретной ситуации) и образ общего (всех аналогичных случаев). Интуитивно, через желаемое право, осознав, что не справедливо относится к одному и тому же заявлению о даче взятки, не обращая внимание на то, какими мотивами движим был человек, судья, одновременно понимая подсудимого через “подстановку себя на его место”, “выстраивает” следующую норму: если лицо заявило о даче взятки после того, как ему стало известно о том, что об этом факте уже известно правоохранительным органам, то оно сделало это с целью избежать наказания и его требуется судить, не взирая на норму, освобождающую заявителя, и от уголовной ответственности.

Сходным по характеру является разграничение воли законодателя и воли закона. В советской теории права считалось, что их противопоставление не может существовать в условиях социалистического государства. При толковании должна быть установлена воля законодателя, но лишь та, которая выступает в качестве воли закона, т.е. воля, внешне, объективно выраженная в нормативных актах [10, с.331]. Но в данном разграничении все же присутствует признание того факта, что объективированная воля законодателя начинает «жить» своей жизнью. Правда, при этом допускается, что воля закона одна и познать ее, в принципе, возможно.

В процессе толкования происходит не установление духа закона и не установление воли законодателя или воли закона. Процесс толкования правовых норм – конструирование буквы и духа закона, конструирование и воли законодателя, и воли закона. Можно сказать, что на самом деле в процессе толкования или понимания правовых норм происходит незаметное для толкователя конструирование смысла нормы – объективация воли толкователя. Еще римляне заметили невозможность суще-

ствования лишь одного смысла закона и творческий характер толкования.

Чтобы узнать, что имел в виду законодатель, надо быть законодателем в тот момент, когда проектировался нормативный акт. Чтение стенограмм заседания законотворческого органа несомненно приблизит к пониманию воли законодателя, но полного тождества все равно не достигнуть. Надо быть участником дискуссий по законопроекту, чтобы уловить ту атмосферу, то невысказанное или сказанное в полслова, в кулуарах, не вошедшее в стенограмму. Результатом толкования является сконструированный смысл нормы в связи с данным случаем и, в лучшем случае, достигнутая очевидность ее соответствия этому казусу. Поэтому толкование следует рассматривать как необходимый элемент конкретизации правовых норм.

Толкование правовых норм, их конкретизация, их осуществление – все это один и тот же процесс понимания права, уяснения его смысла. Можно сказать, что полное понимание нормы права невозможно, если при этом не происходит конкретизации-применения. Позиция, согласно которой: а) толкование может иметь место и вне процесса осуществления права; б) в ходе толкования познается воля законодателя; в) толкование не является творчеством, созданием правовых норм (она доминирует в классической парадигме толкования права), представляется ошибочной.

Так как судья связан социальной жизнью через его желаемое право, то, чем ближе норма закона к реальным отношениям между людьми, тем меньше доли новизны в судебном правотворчестве, хотя окончательно его не исключить. Каждый акт понимания – уже творчество. Судебная практика формирует предзаданность понимания тех или иных норм, так как желаемое право судьи – это еще и юридический опыт. Как справедливо отмечает А. Нашиц, судебная практика выступает “если не в качестве формального источника права, то, по крайней мере, в качестве одного из его социальных источников” [11, с.150]. Поэтому совершенно справедливым выглядит убеждение многих юристов в том, что от изменения (введения или, наоборот, упразднения тех или иных норм и институтов) вряд ли следует ожидать кардинальных перемен. Социальная жизнь развивается не по рациональным схемам и чертежам законодателя, так как в своих глубинных основаниях иррациональна. И судья далеко не всегда способен принимать решения на основе своего желаемого права. Здесь очень многое зависит, во-первых, от его совести, его отношению к другим людям, способности “сопереживать”, а во-вторых,

от общей судебной политики. То, что имеется ввиду, лучше всего показать примером.

Таким образом, в процессе уяснения смысла правовых норм в контексте конкретного случая происходит незаметное для толкователя соавторство, или конструирование собственного смысла нормы, объединяющего и “волю законодателя”, и “волю закона” через “волю толкователя”. Судебное решение лишь частично может быть запрограммировано законодателем. Эффективность права и судебной власти зависит (в большей степени) от нравственных качеств ее кадрового состава, чем от совершенства законодательства.

В заключении отметим, что проблема признания толкования Конституционного Суда РФ правотворческой деятельностью мало чем отличается от проблемы признания правотворчества в деятельности судей (в целом). Вопрос же о признании правотворчеством деятельности судей зависит от понимания права. Если ограничиваться так называемым узким, нормативным пониманием права, ориентирующимся на то, что должно быть, выдающим должное за сущее, то следует признать, что в Российской Федерации не существует такого правотворчества. В рамках широко правопонимания, включающего в понятие “права” и “право в жизни”, судебное правоприменение есть завершающий этап процесса правотворчества, который начал законодатель. Судебное решение лишь отчасти может быть спрогнозированным, а эффективность права и судебной власти зависит в большей степени от нравственных качеств кадров. Все эти выводы позволяют критически переосмыслить концепцию разделения властей, а также дискуссию по поводу признания судебного правотворчества источником права. Последнее в той или иной степени присутствует почти всегда, поэтому дополнительная институционализация не требуется и более того, является опасной в современных условиях.

По нашему мнению, следует определить объем обсуждаемых понятий. Понятия в общественных науках не могут быть подвергнуты лабораторной проверке. Они являются конструкциями конструкций, образованных в обыденном сознании действующих на социальной сцене людей. Правовед, наблюдая определенные факты и события социальной реальности, относящиеся к поведению людей, конструирует типические модели поведения или образы действий, которые он наблюдал. Отсюда любое исследование правовой жизни общества затруднено уже тем, что исследователь не может выйти из своей субъективности и ценностной позиции.

Интерпретация явлений правовой культуры, права (вообще) глубоко зависит от “повседневного знания” правоведа, которое можно рассматривать в качестве неявного, предпосылочного знания, фона любого социального исследования, задающего интенциональность мышления. Поэтому каждый из сторонников «широкого», «узкого», «интегративно-го» или иного правопонимания по своему прав и вносит вклад в развитие юриспруденции.

Здесь следует отметить, что доктринальная функция юридической науки обязывает ученых быть осторожными в своих высказываниях, так как от них зависит развитие законодательства. Для создания Концепции правовой политики российского государства и наведения порядка в российском государстве необходимо нормативное понимание права. Использование широкого подхода к праву необходимо для развития отечественной теории права, которая должна анализировать правовую жизнь различными методологическими средствами.

Поэтому следует, на наш взгляд, разграничить доктринальное и методологическое понимание права как разновидности научного анализа. Правовая доктрина «уже» общей теории права в вопросах о том, что есть право, государство, источник права и т.д., так как существование теории в статусе «общей» необходимо предполагает обозрение всех возможных ответов на указанные вопросы, всех точек зрения, в то время как доктрина - это не только научная теория, но и некий руководящий теоретический принцип: задача метатеоретического анализа в нее не входит. Правовая доктрина - это не только теоретическая форма определенного правопонимания, но и стратегия конкретного развития правовой системы той или иной страны, своеобразная правовая политика. Именно в таком контексте часто употребляется термин «доктрина». Конкретные рекомендации по формированию правовых систем являются следствием теоретического конструкта той или иной правовой доктрины как практическая форма его реализации, которой определяется ценность той или иной доктрины. В данном контексте «правовая доктрина» по своему функциональному значению является элементом «правовой идеологии».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. 750 с.
2. Там же. С.728.
3. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. 210 с.

4. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. 346 с.
5. Алексеев С.С. Проблемы теории права. В 2-х т. Т. 2. Свердловск, 1973. 265 с.
6. Алексеев С.С. Там же.
7. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. 165 с.
8. Алексеев С.С. Указ. раб. С. 171.
9. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники: сборник статей. Нижний Новгород. 2000. С.105.
10. Недбайло П.Е. Указ. раб. С. 331.
11. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. 231 с.

УДК 340

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ИНСТИТУТОВ НАЛОГОВОЙ И ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ НА ДОНУ ВО ВРЕМЕНА ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Скоробогатова Л.А.

DEVELOPMENT OF LEGAL-ORGANIZATIONAL FORMS OF INSTITUTES OF TAX AND CUSTOMS SERVICE ON DON AT THE TIME OF HAZARIAN KAGANAT

Skorobogatova L.A.

Статья посвящена изучению истории становления и развития организационно-правовых форм финансово-фискальной системы средневековой Хазарии. Особое внимание уделено тем источникам права, которые определяли зарождение и дальнейшее развитие институтов налоговой и таможенной служб.

The article is devoted to the studying of formation and development of legal-organizational forms of financial and fiscal system of medieval Hazaria. The special attention is given to those sources of the right which defined the origin and the further development of institutes of tax and customs services.

Ключевые слова: организационно-правовые формы, таможенно-налоговые органы, налоговая и таможенная служба, таможенные пошлины, сбор налогов и пошлин, субъекты обложения, экономическое развитие.

Keywords: legal-organizational forms, customs and tax departments, tax and customs service, the customs duties, taxation and duties, subjects of taxation, economic development.

Пересечение мировых торговых артерий оживили экономику Нижнего Дона после разорения эпохи великого переселения народов, и каждое государственное объединение того времени пыталось использовать в свою пользу выгоды от контроля над этой территорией.

Донские земли в средние века входили в состав сначала Хазарии, затем Древнерусского государства, а позже Золотой Орды. Здесь же были экономические интересы Византии, итальянских колоний и Турции. Казаки с верховьев Дона пытались обложить проезжих купцов поборами и контролировать данные территории.

Одним из первых средневековых государств на Дону был Хазарский каганат [1]. В раннефеодальном Хазарском государстве (VII-X вв.) наблюдается не только сбор дани, но и зарождение податной системы. Хазарское государство развивалось от кочевий к городам, [2] (то есть образовалось как кочевое, и эволюционировало к полукочевое государство [3], а налоговая система трансформировалась от системы данничества к податной системе.

Точно очертить границу Хазарского государства невозможно, так как должно быть сделано различие между собственно хазарскими землями и территориями различных племен, населявших степные и лесостепные просторы до Днепра, подчиненных каганату, но пользовавшихся некоторой автономией. Его географическим сосредоточием стали северо-кавказская территория и треугольный выступ к северу между нижним Доном и дельтой Волги. В связи с этим Хазарский каганат был вовлечен в международную торговлю своим местоположением на перекрестке торговых путей [4].

«Значительную часть дохода хазарской знати составляли продукты земледелия и скотоводства, торговля рабами и торговая пошлина, взимаемая со всех купцов, проходивших через Итиль (нынешняя Астрахань) и другие города. Был установлен твердый контроль над важнейшим торговым путем из Восточной Европы в страны Передней Азии..., а также частью черноморской торговли» [5].

Неудивительно, что охрана торговых путей «составляла главную цель политики кагана, а вознаграждался он сбором таможенных пошлин с караванов и судов, курсировавших на север и на юг, на запад и восток». Таможенные пошлины с товаров (десятина) взимались «на всех дорогах, на всяком море и на всякой реке». Причем, значение этого источника доходов неуклонно возрастало [6]. В казну царства плыли огромные таможенные пошлины, взимаемые только за проход товаров по внутренним путям страны. Сам каганат ничего не производил на вывоз, кроме рыбьего клея, но получал доходы от иностранных купцов. Главной заботой правителей стала непрерывная охрана торговых путей и караванов, установление в стране твердого правового порядка [7].

На заре своей государственности хазарские феодалы вели полукочевой образ жизни и собирали дань с покоренного оседлого населения,

а также с простых хазар (черные хазары) в форме «полюдь». Каганы со своей свитой объезжали подконтрольную территорию и собирали дань в натуральной форме (например, по «шелягу (монете) с рала» (плуга), по «белке с дыма» (т.е. со двора) и мечами) [8]. Важное место в экономике страны занимало скотоводство и рыболовство. В Хазарии существовали специальные рыболовецкие поселки. Исторические памятники сообщают, что «хазары требовали пошлины с товаров и с ловцов на рыбных промыслах великих рек». Здесь существовали центры металлургической обработки. Хазарские ремесленники владели секретами производства стали и ковали стальные сабли и мечи, были прекрасными ювелирами [9].

Хазарские феодалы (белые хазары), болгарские ханы, аланские и славянские князья приравнивались к хазарской знати. Условием поземельного владения и права сбора дани были признание вассалитета от кагана. При этом каган или царь не обладали правом отчуждения в свою собственность земельных владений вассальной знати. Административно территория Хазарии состояла из 25 вассальных государств. Каждый из подвластных правителей скреплял вассальный союз династическим браком (или доставлял в ставку кагана наложницу), обязался выплачивать ежегодную дань и предоставлять кагану свое войско сообразно своего имущественного положения и состояния доходов [10].

Кроме дани (по этногеографическому признаку), в Хазарии начали собирать подати. Объектом обложения податью здесь была уже коммерческая деятельность, а субъектами обложения, независимо от их этнической принадлежности, были лица, извлекающие прибыль на территории Хазарского каганата. Однако для сбора податей и неотделимых от них таможенных пошлин необходимы были соответствующие институты. Так каган и царь отошли от непосредственного сбора дани, поручив эту функцию местной администрации.

Во главе гражданской администрации стояли Тудуны, они являлись (своего рода) губернаторами или наместниками, а также комендантами крупных городов (на Дону таким административным центром каравансараем и большой крепостью был Саркел). Тудунам подчинялась таможенная и таможенная администрация. Сферой деятельности Тудунов являлась также организация торговых экспедиций. Таким образом, таможенно-налоговые органы были непосредственно ответственны за экономическое развитие страны. Тудуны назначали подотчетных перед государством руководителей караванов, которые сопровождали купцов и их грузы до границ государства, собирали пошлины и передавали их Тудунам [11].

Дань и подати в Хазарии были фиксированы. В данном случае имела место смешанная форма (дань и подать). Упорядочен был и размер налогово-таможенных пошлин. Так купцы отдавали в доход государству десятую часть своего имущества или товара. Такими же фиксированными были и таможенные сборы (1/10 часть имущества) [12]. Одним из таможенных и налоговых центров являлся Саркел (Белая Вежа). Этот крупный средневековый город специально строился на пересечении торговых путей именно как торговый караван-сарай. В настоящее время Левобережное городище покоится на дне Цимлянского водохранилища. Здесь, кроме гостиницы, складских помещений, таможенного терминала, археологами были исследованы административные помещения [13].

Хазарское государство достаточно активно регулировало финансовую сферу в своем регионе – части «Великого шелкового пути»-, играя на соотношении мировых валют того времени. Своей денежной единицы в Хазарии не было – использовались арабские динары и византийские солиды как настоящие, так и фальшивые. Вероятно, производство фальшивых динаров и солидов имело целью сбалансировать рынок восточных и западных товаров при отсутствии собственного производства. Возможно также, что производство «имитаций» как-то связано с попытками наладить свою, формирующуюся денежную систему.

В других исторических хрониках указывается, что «в Хазарии на базе оживленных торговых связей внутри страны и с внешним миром, высокого уровня экономического развития появляются условия для чеканки собственных денег по византийскому образцу. О денежном обращении в Хазарии свидетельствует развитая налоговая практика. По сообщениям латинских летописцев, хазары требовали пошлину с товаров и промыслов «по дидрахму и по обыкновенной переписи царства персидского» [14].

Хазарии удалось наладить эффективную и безопасную торговлю на территории всей страны. Для этого военные и государственно-охранительные функции были возложены именно на тарханов. Они обеспечивали политическую стабильность на торговых артериях Хазарии и контролировали деятельность местных чиновников [15].

Развитию Хазарии способствовали реформы Обадии, с ними связывают установление в государстве четкой финансовой политики. Действительно, IX - начало X вв. становятся временем наибольшего экономического расцвета каганата. Результатом международного характера торговых отношений, благодаря которым в хазарских городах «оседало много иностранных купцов», стало распространение в хазарском

государстве нескольких мировых религий. Хазары долгое время были язычниками. Противниками хазар были и христианская Византия (периодически), и мусульманский халифат. В силу этого хазарская знать все больше склонялась к принятию иудаизма. По-видимому, поражение в войне с мусульманами окончательно подвинуло определенную часть хазарской знати к принятию этой религии [16].

Расслоение общества по религиозному признаку привело к политической нестабильности. Большинство же хазар оставались язычниками, а также принимали христианство либо ислам. Кроме того, в покоренных странах поднимаются восстания, войны нарушают удобный караванный путь, арабы совершают погромы городов, разорение и гибель жителей. В такой политической обстановке русский князь Святослав совершил поход на Хазарию. В 965 г. он разгромил каганат, часть которого вошла в состав Тмутараканского и Черниговского княжеств [17].

Итак, финансово-фискальная система Хазарии формировалась от системы сбора дани и исполнения повинностей к податям и пошлинам. Названные формы были комбинированными, взаимно дополняли друг друга. Институты налоговой и таможенных служб также различались, сочетая в себе государственные финансовые и фискальные органы, а также местную администрацию вассальных ханов, князей, царей Хазарского каганата, Хазарии, славянских княжеств, Алании, Булгарии. Таким образом, в Хазарском государстве фискальная система зарождалась как восточная, но постепенно эволюционировала в сторону западной модели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. - М., 1983; Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. № 3. С. 63-64; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 1999.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967; Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). - М., 1989; Плетнева С.А. Хазары. - М., 1986.
3. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Вернадский Г.В. Древняя Русь. - М., 1997. С.161; Очерки истории СССР III-IX вв. - М., 1958. С. 593; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения // Древние источники истории СССР. - М., 1980. С. 61.
4. Курдюмов С.Г. Некрасов Е.М. Таможенная хроника Юга Российского. – Ростов н/Д: Папирус, 2002. – С.63.
5. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. - Махачкала: Дагкнигиздат, 1994. – С.102.
6. Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела в России IX-XVII вв. – СПб., 1999. – С.34-35.

7. Казачий словарь-справочник. Т. II./Сост. Губарев Г.В. – Калифорния, США, 1968. – С.34.

8. Вернадский Г.В. Древняя Русь. М., 1997. С. 166; Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 577; Моисей Каганкатвацци. История агван. - СПб., 1861.

9. Курдюмов С.Г. Некрасов Е.М. Указ.соч. – С.65.

10. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. - М.-Л., 1941. С. 165-167; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. - М., 1983; Семенов И.Г. К вопросу об исторической географии Хазарии. Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). От Тмутараканя до Тамани. / Под ред. В.А. Захарова. - М., 2002, С. 40-47; Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX-X вв. по РХ о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. 1903. Вып. 32. С.43; Моисей Каганкатвацци. История агван. - СПб., 1861. С. 153-154; Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (I тысячелетие новой эры). - Казань, 1994; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. - Л., 1937. С.117.

11. Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (I тысячелетие новой эры). - Казань, 1994; Дорн Б.А. Известия о хазарах восточного историка Табари // ЖМНП. - СПб., 1844. Июль. С. 24; Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX-X вв. по РХ о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. 1901. Вып. 29. С.17; 1908. Вып. 38. С.42; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. - М., 1962. Ч.1. С.76; Магомедов М.Г. Древние политические центры Хазарии // СА. 1975. № 3; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М., 1990. Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX-XII вв. // СА. 1948. Вып. 10. С. 260.

12. Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарии // Труды восточного отделения Императорского русского археологического общества. - СПб., 1874. С. 17; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М., 1990.

13. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник. / Под ред. Б.А. Рыбакова. - М., 1983, С.39; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа VI-X вв. - Л., 1979; Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (I тысячелетие новой эры). - Казань, 1994; Ковалевский А.П. Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. - Харьков, 1956, С. 138, 147.

14. Амиров З.Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане XVIII-XX вв. – М., 1996. – С. 7-9.

15. Бейлис В.М. Арабские авторы IX – первой половины Xв. о государственности и племенном строе народов Европы // В сб.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год / Отв. ред. А.П. Новосельцев. - М., 1986. С.142.

16. Курдюмов С.Г. Некрасов Е.М. Указ.соч. – С.66.

17. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа. - М., 1990.

УДК 34

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Соколовский И.Л.

TO THE QUESTION OF CONCEPT OF POLITICAL SECURITY

Sokolovskiy I.L.

Политическая безопасность рассматривается в статье как демократический способ взаимодействия политических сил, мирное сотрудничество между народами, политическое и правовое решение проблем, связанных с уменьшением социальной и политической напряженности. Автор трактует политическую безопасность как совокупность связей, в которые включена личность политическими средствами, определяющими степень конфликтности связей индивидов, необходимых для удовлетворения своих потребностей.

The political security is considered as a democratic way of the political power interaction, peaceful cooperation between different nations, political and legal decision of the problems, connected with the reduction of social and political tension. The political security is called to realize, directed on the achievement of the public welfare. The political security is a collection of the relationships in which an individual is involved by the political means, defining the conflict degree of the individuals' relationships which are necessary to satisfy their own needs.

Ключевые слова: политика, безопасность, государство, общество, система, интересы, цели, угрозы, нация, конфликт.

Keywords: politics, security, state, society, system, interests, objects, threats, nations, conflict.

Проблемы обеспечения национальной и международной безопасности стояли перед человечеством во все времена. Каждое общество, каждое государство, нация, классы и группы людей были озабочены сохранением своего существования, то есть достижением должного уровня безопасности. Проблемы безопасности приобрели принципиально новые черты в современном мире, который многолик, динамичен и полон острых противоречий.

До последнего времени основное внимание ведущих государств мира уделялось военной безопасности. Однако с 60-х годов XX века началось постепенное осознание политиками и обществом того, что угрозы существованию человеческой цивилизации исходят не только от ядерного и другого оружия массового поражения, но и от самой деятельности человека. Отсюда подлинная безопасность в наше время может быть обеспечена только как комплексная, охватывающая все сферы общественной жизнедеятельности государства, общества и личности. В политике безопасности должна предусматриваться система мер, блоки-

рующая причины всех видов опасности, с которыми столкнулось человечество.

Существует большое количество всевозможных видов (подсистем) безопасности: национальной, экономической, политической, военной, социальной, экологической, информационной, финансовой, бюджетной, юридической, региональной и др. Политическая безопасность – относительно новый термин в российской политической и юридической науках. Однако последнее время он все более и более активно используется. Несмотря на то, что разработка проблем национальной и политической безопасности в России волнует многих ученых и политических деятелей до сих пор не выработано единого понимания «политической безопасности», не выявлены ее структурные элементы и ее реальные показатели, глядя на которые можно было бы с уверенностью говорить о наличии или отсутствии политической безопасности в современном российском обществе.

В самом общем виде политическая безопасность означает устойчивость государственного и общественного строя конкретной страны от внешних и внутренних воздействий. Проблема понимания и измерения политической безопасности – одна из сложных на современном этапе развития политической мысли. Это связано, во-первых, с отсутствием концепции и системы обеспечения политической безопасности в российском государстве; во-вторых, с традиционным пониманием термина «политическая безопасность» (под ней понимается чаще всего безопасность и охрана высших должностных лиц и государственных органов); в-третьих, акцент делается на изучении разновидностей политической безопасности (внутриполитической и внешнеполитической), без уточнения понятия «политическая безопасность».

Практика показывает, что в Российской Федерации политическая безопасность стоит на одном из первых мест в системе национальной безопасности в связи с тем, что, во-первых, существенно увеличивается цена ошибок, просчетов и рисков в политике, влияющих на состояние национальной безопасности и развитие государства и общества; во-вторых, политическая власть и ее органы уязвимы для проникновения в них деструктивных элементов, способных влиять на государственную политику, оказывать поддержку националистическим и сепаратистским движениям, снабжать их оружием и финансировать боевые действия крупных военизированных формирований в зонах вооруженных конфликтов и войн; в-третьих, расширяется ожесточенная борьба за власть, влияние, ресурсы внутри государств и на мировой арене, которая может дать опасные «выбросы» (политические кризисы, войны и конфликты,

изнурительные конфронтации различных социальных сил и т.п.) [1].

В исследовании института политической безопасности ключевым является понятие «безопасность», определение которого позволит в дальнейшем раскрыть феномен политической безопасности. Понятийный аппарат безопасности исследуется в научной литературе уже давно [2], поэтому существует множество формулировок, что в значительной степени влияет на разработку и реализацию мер по обеспечению безопасности. «Фундаментальность явления безопасности, его многоаспектность, всеобъемлющая сущность и многогранность содержательных связей предопределяют обоснованность существования множества эмпирических определений, отражающих различные аспекты сущностных проявлений взаимодействия феномена безопасности с иными явлениями объективной действительности» [3].

Существует большое количество оригинальных дефиниций понятия «безопасности», в которых в качестве стержневой основы используются такие характеристики, как система или совокупность отношений [4], защищенность [5], способность [6], совокупность условий или факторов [7] и др. Среди всего существующего плюрализма подходов к определению категории безопасности наиболее распространенным следует признать подход, согласно которому безопасность определяется как определенное состояние. Одной из основных причин распространенности данного подхода является генезис самого явления и его понимания, о чем уже было сказано. Однако и в рамках этого подхода ученые не могут прийти к консенсусу. Дискуссии развернулись и по поводу объекта состояния и его качественных характеристик. Наибольшее распространение получило понимание безопасности как состояния защищенности [8], которое принято многими исследователями в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий, хотя они и расходятся в определении объекта защиты, характера угроз и защищаемых интересов.

Обращаясь к понятию «безопасность», А.А. Башкунов обращает внимание на то, что «это одна из коренных, первейших потребностей человека, общества и государства, реализуемая через способность людей предупреждать, отражать, устранять опасности, угрожающие их существованию, фундаментальным интересам, без удовлетворения которых немислимы жизнь, благополучие, творчество и прогресс» [9]. Учитывая это, государство, политические партии, общественные институты максимально используют эту потребность людей в политике, о чем обстоятельно писали отечественные и западные ученые, к примеру, К. Мадсен, А. Маслоу, Т. Гоббс, Н. Макиавелли, Г. Юсти, М.И. Дзалиев, А.Д. Урсул

и др.

Подчеркивая соотнесенность категории «безопасность» с понятием «опасность» как объективно существующей возможности негативно-го воздействия на общество, личность, государство, природную среду, в результате которого им может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий их состояние, придающий развитию нежелательную динамику или отрицательные параметры, можно сделать вывод о том, что опасность - это вполне осознаваемая, но не фатальная вероятность нанесения вреда кому-либо, чему-либо, определяемая наличием как объективных, так и субъективных факторов, имеющих вредные для объекта воздействия последствия.

В силу многоаспектности и многогранности проблематики, по мнению ряда теоретиков, существует несколько подходов к пониманию и определению родового понятия «безопасность». Так, например, А.А.Тер-Акопов считает, что законодательное регулирование данного термина вполне четкое и ясное, а именно: «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Это определение достаточно ясно обозначает объекты (предмет) безопасности и минимальное условие их защищенности. Речь идет об интересах личности, общества и государства [10].

По мнению С.В. Степашина, «одним из условий нормального развития человека и общества является безопасность государства, то есть защищенность качественного состояния общественных отношений, обеспечивающих прогрессивное развитие человека и общества в конкретных исторических и природных условиях, от опасностей, источником которых являются внутренние и внешние противоречия» [11].

Б.П. Кондрашов, исходя из официального определения безопасности, пришел к выводу о том, что «безопасность - это состояние защищенности жизненно важных интересов объектов безопасности :личности, общества и государства, обеспечиваемых субъектами безопасности, от общественно опасных деяний и иных вредоносных явлений социального, техногенного и природного характера посредством использования системы мер и средств, предусмотренных законом» [12].

По мнению А.Р. Рахманова, в общепринятом порядке безопасность понимается как обеспечение каждому гражданину жизненно необходимого минимума благ и здоровья, а глобальная (международная) безопасность - это такое состояние отношений в обществе(прежде всего межгосударственных), которое гарантирует снижение до низшего предела вероятности возникновения конфликтных ситуаций и способствует гармоничному развитию человечества [13].

По нашему мнению, исходя из системного подхода, безопасность чего-либо, это всегда сохранение системы в жизнеспособном состоянии. Говоря о безопасности системы, мы обычно имеем в виду ее сохранение. Все, что отрицает существование системы, представляет собой опасность. И, наоборот, система, существованию которой не угрожает отрицание, находится в безопасности. Исходя из изложенного, нами предлагается следующее общее определение безопасности. Безопасность - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее жизнеспособность всей системы общества и государства и ее отдельных элементов.

Необходимо отметить, что сущность понятия «политическая безопасность» учеными трактуется неоднозначно. Одни определяют ее как сохранение существующего конституционного строя, политической и социальной стабильности; другие - как отстаивание демократических ценностей, народовластия; третьи - как неиспользование насилия в политических целях и т.д. Некоторые исследования посвящены одному из значимых оснований политической безопасности - конфликту. Работа С.В.Рогачева расширяет представление о политической безопасности как процессе, в котором определяющую роль играет конфликт [14].

Таким образом, доминирующим в науке является подход, согласно которому политическая безопасность рассматривается как демократический способ взаимодействия политических сил, мирное сотрудничество между народами, политическое и правовое решение проблем, связанных с уменьшением социальной и политической напряженности [15]. Политическая безопасность [16] призвана реализовывать общенациональные интересы и осуществлять деятельность, направленную на достижение общественного благосостояния, поскольку все социальные слои так или иначе связаны с функционированием аппарата власти, поддерживают или противодействуют его деятельности.

Политическая безопасность связана с формированием и практической реализацией в стране законодательно оформленной социальной политики, выделением на нее соответствующих бюджетных ассигнований и контролем за их использованием; прогнозированием и планированием социальных процессов; выработкой приоритетных направлений деятельности законодательной и исполнительной власти в данной области; созданием институтов социальной защиты населения; выявлением и недопущением социальных опасностей, грозящих обществу; изучением опыта ведущих стран мира в реализации социальной политики и анализом общемировых тенденций в этой сфере, подготовкой соответству-

ющих специалистов. Политическая безопасность — это совокупность связей, в которые включен индивид политическими средствами, определяющими степень конфликтности связей индивидов, необходимых для удовлетворения своих потребностей. Политические средства, сила давления которых ограничена правом, делает политическую безопасность проблематичной из-за того, что индивид может приобретать при этом оппозиционный настрой, использовать различные формы протеста против чрезмерного давления политических средств. Используя конфликт как способ предупреждения и изменения силы давления политических средств, индивид входит в полосу опасного взаимодействия с государством, разрушает установленный режим безопасности, разрушает сложившуюся систему политической безопасности [16].

Отсутствие четкого понимания сущности политической безопасности, принципов ее обеспечения способствует падению уровня политической безопасности и влечет за собой падение престижа российского гражданства, проявления внутреннего экстремизма, инициаторами которой нередко выступают сами федеральные власти. Они в официальных правовых документах декларируют одни ценности и цели, своими же действиями насаждают вражду и конфликт между нациями, представителями различных профессий, бизнесом, между людьми, доход которых существенно различается. И все это делается ради одной цели - сохранить значение государства как основного социального института политической безопасности.

В.Ф. Дармокрик предлагает в качестве объекта политической безопасности считать не угрозы, ценности, интересы или иные отдельные политические категории, а совокупность категорий, тесно взаимосвязанных друг с другом и вовлеченных в единую политическую систему. Выделение политической системы среди многочисленных политических явлений в качестве объекта обусловлена следующими ее особенностями. Она представляет собой совокупность элементов тесно взаимосвязанных друг с другом и функционирующих как единое целое, что позволяет изучать политическую безопасность как комплексное явление, сосуществующее и взаимообусловленное другими политическими категориями (интересы, ценности, цели, угрозы, политические субъекты, политика); политическая система охватывает только те явления и процессы, которые объединены понятием «политическая власть», что способствует становлению не междисциплинарного подхода, а «чисто» политологического к политической безопасности; политическая система общества характеризуется временными, пространственными, культурными, историческими и правовыми аспектами, которые позволяют

проанализировать политическую безопасность в условиях современной России и выделить причины возникновения различных видов политической безопасности.

Соглашаясь с высказанной позицией, мы предлагаем следующее определение политической безопасности. Политическая безопасность – это состояние защищенности политической системы и ее элементов от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее жизнеспособность данной системы и сохранность ее основных компонентов. В интерпретированном нами понятии «политическая безопасность» фундаментом (основанием) для выделения ее сути и целей выступают политические интересы страны, народа, общества, гражданина. Такой подход не только существенно расширяет спектр объектов политической безопасности, включая все важные институты, отношения и процессы политической сферы жизни общества, но и подчеркивает приоритетную необходимость защиты самих субъектов политической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность региона Российской Федерации: состояние и тенденции // Право и политика, 2007, N 8.
2. Калина Е.С. Понятие безопасности и право на безопасность как одно из личных прав // Безопасность бизнеса. - М.: Юрист, 2004, № 4. - С. 9-10.
3. Прохожев А.А. Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов // Безопасность. 1995. N 9. С. 11 и др.
4. Глебов И.Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования. СПб., 1999. С. 45 и др.
5. Бельков О.А. О концепции военной безопасности // Безопасность. 1993. N 4. С. 11 и др.
6. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. N 12. С. 5 и др.
7. Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат национальной безопасности // Безопасность. 1994. N 3. С. 91 и др.
8. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): Монография. СПб., 1994. С. 6 и др.
9. Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность региона Российской Федерации: состояние и тенденции // Право и политика, 2007, N8.
10. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 9.
11. Степашин С.В. Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1994. С. 10.
12. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. М., 1998. С. 6.
13. Рахманов А.Р. Международно-правовые аспекты всеобъемлющей безопасности // Государство и право. 2003. N 2. С. 67 - 74.
14. Рогачев С.В. Социальная доминанта политического конфликта // Политические конфликты: от насилия к согласию. М, 1996.

15. Башкунов А.А. Социально-политическая безопасность региона Российской Федерации: состояние и тенденции // Право и политика, 2007, № 8.

16. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение.

17. Рукинов В.А. Влияние конфликтов на политическую безопасность в современной России : дисс. ... к. п. н.: 23.00.02 Санкт-Петербург, 2006.С.8.

УДК 347

СООТНОШЕНИЕ НЕОБЩЕДОСТУПНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ СО СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

Шигин А.И.

NONPUBLIC RATIO OF BUSINESS INFORMATION SO LAW CATEGORIES

Shigin A.I.

В статье дается анализ соотношения необщедоступной коммерческой информации со смежными правовыми категориями, отмечаются различия между режимами коммерческой тайны, тайной частной жизни, государственной тайны, профессиональной и служебной тайной, предлагается вариант классификации разновидностей информации с ограниченным доступом в отечественной системе права. Автором приводится зарубежный опыт в регулировании схожих правоотношений.

The article analyzes the relation of nonpublic commercial information with related legal categories. There are marked differences between the regimes of trade secrets, privacy, state secrets, professional and official secrets and there is offered the variant of the classification of varieties of restricted access in the domestic legal system, as well as a foreign experience in the regulation of similar relationships.

Ключевые слова: информация с ограниченным доступом, коммерческая тайна, деловой секрет, правовые категории, зарубежный опыт.

Keywords: information with restricted access, business secrets, trade secrets, law categories, international experience.

Стремительное развитие технологий, наблюдаемое в последнее время, требует возрастания роли защиты информации с ограниченным доступом, составляющей коммерческую тайну. Как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве существует ряд иных разновидностей информации ограниченного доступа. Что касается российского законодательства, то для него характерно отсутствие единого, комплексного подхода к правовой охране подобного рода информации. В связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о том, как информация ограниченного доступа, составляющая коммерческую тайну, соотносится с другими разновидностями информации ограниченного доступа.

Известно, что в отечественном законодательстве только в Федеральных законах упоминается более 20 видов тайны (информации ограниченного доступа), а с учетом положений подзаконных актов этот перечень составляет около 50 видов [1, с.345]. Определенные попытки приведения всего многообразия правовых режимов тайны в некую упорядоченную систему были предприняты сначала на уровне федерального закона «об информации, информатизации и защите информации», который, однако, содержал классификацию только документированной информации, подразделяя ее на информацию, отнесенную к государственной тайне, и конфиденциальную. Затем в Указе Президента РФ «об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», в котором, впрочем, из всего массива информации ограниченного доступа были без четкой систематизации лишь перечислены отдельные ее разновидности. В действующем в настоящее время законодательстве наметен уже иной подход к классификации информации. В зависимости от категории доступа к ней информация подразделяется на общедоступную информацию и информацию ограниченного доступа, причем, последняя не привязана к материальному носителю (что позволяет относить к данной категории, к примеру, информацию, составляющую личную и семейную тайну). В числе видов информации ограниченного доступа упоминаются информация, составляющая государственную, коммерческую, служебную, личную и семейную тайну, персональные данные.

Необходимо также отметить, что, например, в американском законодательстве отсутствует сколько-нибудь четкая классификация правовых режимов конфиденциальной информации. Некоторое представление о том, какие виды сведений в законодательстве США признаются сведениями с ограниченным доступом, можно получить на основе анализа Федерального закона США «о свободе информации», в котором в 9 пунктах перечислены категории информации, не подлежащей раскрытию федеральными государственными органами при поступлении к ним соответствующих требований от третьих лиц. Но и это представление окажется неполным, поскольку данный перечень не имеет четкой систематизации, а также содержит отсылочные нормы к положениям иных законов.

Осознавая необходимость сведения всего многообразия разновидностей конфиденциальной информации в некую стройную систему, отечественными специалистами предлагаются различные варианты классификации. В.И. Лопатин, подразделяя информацию с ограниченным доступом на государственную тайну и конфиденциальную информа-

цию, в числе разновидностей последней выделяет тайну частной жизни, коммерческую тайну, банковскую тайну, профессиональную тайну и служебную тайну [1, с.348]. И.И. Салихов разделяет всю совокупность информации ограниченного доступа на три вида: государственная тайна, межгосударственные секреты и конфиденциальная информация. К конфиденциальной информации он относит тайну личной жизни (личную и семейную тайны), профессиональную тайну (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна страхования, тайна связи, тайна социального обслуживания, налоговая тайна, таможенная тайна, тайна усыновления, тайна исповеди, тайна средств массовой информации, служебная тайна, тайна следствия и судопроизводства, банковская тайна, тайна завещания, тайна регистрации актов гражданского состояния, таможенная тайна) и коммерческую тайну.

Перечисленные классификации, на наш взгляд, имеют определенные недостатки (например, деление разновидностей информации с ограниченным доступом на государственную тайну и конфиденциальную, что утратило актуальность в связи с признанием утратившим силу Федеральный Закон «Об информации, информатизации и защите информации», выделение банковской тайны в качестве самостоятельного вида наряду с профессиональной тайной, упоминание служебной тайны в числе разновидностей профессиональной тайны либо отсутствие упоминания о профессиональной тайне и др.).

На наш взгляд, разновидности информации ограниченного доступа и, соответственно, их правовые режимы в зависимости от состава участников правоотношений по поводу соответствующего вида информации, оснований возникновения и характера прав и обязанностей этих участников, а также характера информации можно свести к следующим категориям: государственная тайна, коммерческая тайна, тайна частной жизни, профессиональная тайна, служебная тайна. При этом мы можем также с некоторыми оговорками воспользоваться предложенной в науке классификацией всех существующих видов тайны на тайны-объекты и тайны-обязанности. Первая категория предполагает наличие у управомоченной стороны абсолютного права на информацию, а для второй характерно наделение управомоченной стороны относительным правом требовать сохранения конфиденциальности информации [2, с.66]. Соответственно к тайнам-объектам можно отнести государственную тайну, тайну частной жизни и коммерческую тайну, а тайнами-обязанностями следует признавать различные виды профессиональных тайн (банковская тайна, тайна страхования и пр.). В свою очередь, служебная тайна

оказывается на стыке двух данных категорий, поскольку предполагает как охрану обладателем «собственной» информации, так и сохранение конфиденциальности информации третьих лиц.

Если в отношениях, возникающих по поводу информации с ограниченным доступом, составляющей коммерческую тайну, государство в лице соответствующих органов праве выступать в качестве обладателя информации наряду и наравне с другими субъектами права, то в отношениях по поводу информации, составляющей государственную тайну, государство выступает единственным уполномоченным субъектом, абсолютное право которого на информацию носит суверенный характер [3, с.29].

Категория тайны частной жизни [4, с.153] нормативно не закреплена, однако, применяется в отечественной научной литературе для обозначения в совокупности двух нашедших отражение в законодательстве разновидностей информации ограниченного доступа: информации, составляющей личную тайну и составляющей семейную тайну. Гражданское законодательство относит личную и семейную тайну к числу подлежащих защите нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ).

Тайна частной жизни обеспечивает автономию личности в обществе, сохранение индивидуальности, позволяет отграничить индивида от окружающих. К ней относят «сведения об определенном человеке, не связанные с его профессиональной или общественной деятельностью и дающие оценку его характеру, облику, здоровью, материальному состоянию, семейному положению, образу жизни, отдельным фактам биографии и т.д.» [4, с.153].

Наряду с категориями «личная тайна» и «семейная тайна» в законодательстве используется термин «персональные данные». Очевидно, что категории «сведения, составляющие тайну частной жизни» и «персональные данные» не совпадают по объему. Из содержания Федерального Закона «О персональных данных» следует, что персональными данными признается любая информация, относящаяся к физическому лицу, вне зависимости от ее фиксации на материальном носителе. Это означает, что все сведения о физическом лице, которые составляют тайну его частной жизни (с точки зрения Закона) являются персональными данными. Однако некоторые персональные данные могут быть общедоступными (например, если они с письменного согласия субъекта персональных данных опубликованы в общедоступных источниках). Такие данные (соответственно) к сведениям, составляющим тайну частной жизни, не относятся. Поэтому категория «персональные данные» шире

по объему, чем категория «сведения, составляющие тайну частной жизни».

Принципиальное различие между режимом тайны частной жизни и режимом коммерческой тайны состоит в характере защищаемых интересов. Разглашение сведений, составляющих тайну частной жизни, означает нежелательное для человека вторжение третьих лиц в его личную сферу. Такое вторжение влечет для него эмоциональный дискомфорт, нравственные страдания, причиняет моральный вред, может исказить тот образ его личности, в котором он хотел бы предстать перед обществом [5, с.14]. Для обладателя информации с ограниченным доступом, составляющей коммерческую тайну, основной ущерб от ее разглашения носит имущественный характер, поскольку влечет утрату положения на рынке, причиняет убытки, вызывает необходимость нести дополнительные расходы.

Под профессиональной тайной понимается информация, полученная гражданами при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности, которая подлежит защите в случаях, когда на эти лица Федеральными Законами возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности такой информации. Из этого определения следуют три основных признака данной разновидности информации ограниченного доступа: это информация, которая получена гражданами или организациями не путем самостоятельных исследований, а от третьих лиц при исполнении профессиональных обязанностей; на указанных граждан и организации возлагается обязанность обеспечивать конфиденциальность полученной информации; такая обязанность всегда возлагается Федеральным законом.

Отечественное законодательство характеризуется большим разнообразием видов профессиональной тайны, среди которых можно отметить тайну страхования, банковскую тайну, аудиторскую тайну, адвокатскую тайну, тайну связи, врачебную тайну и ряд других. В некоторых случаях конкретные разновидности профессиональной тайны не наделяются характерным «наименованием», а получают правовое закрепление только путем указания в законе на обязанность тех или иных субъектов профессиональной деятельности, на недопущение разглашения полученных ими сведений.

В праве США также существуют нормы, аналогичные тем, которые в российском праве охватываются понятием «профессиональная тайна», хотя само это понятие в законодательстве и судебной практике

США не используется. Нет в американском законодательстве и специального деления профессиональных тайн на виды. Итак, соотношение правовых режимов информации с ограниченным доступом, составляющей коммерческую тайну, и профессиональной тайны показывает основное различие между ними: обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, являясь управомоченным лицом, совершает в отношении информации те или иные действия своей волей и в своем интересе, держатель же информации, составляющей профессиональную тайну, выступает лицом обязанным и, обеспечивая конфиденциальность информации, действует в интересах третьих лиц. При этом держателем составляющей профессиональную тайну информации является специальный субъект, осуществляющий тот или иной вид профессиональной деятельности, и обязанность по сохранению информации в тайне возникает у него в силу закона.

После вступления в силу части первой гражданского кодекса РФ в ст. 139 которого служебная тайна и коммерческая тайна были объединены в рамках единого правового института, данное решение законодателя стало объектом многочисленных критических замечаний. Было очевидно, что правовой режим служебной тайны не может характеризоваться теми же признаками, что и правовой режим коммерческой тайны. Поэтому предпринимались многочисленные попытки «отделить» служебную тайну от коммерческой и найти надлежащую нишу для данного института, наполнив его соответствующим юридическим содержанием. На настоящее время ст. 139 ГК РФ утратила силу, однако, упоминания о служебной тайне в многочисленных законодательных актах, в том числе, Федеральных Законах остались. В законодательстве нет универсального определения данного правового института, а трактовки понятия «служебная тайна» отличаются противоречивостью и отсутствием единообразия.

По мнению многих специалистов, в режиме служебной тайны должна охраняться конфиденциальная информация, ставшая известной в государственных и муниципальных органах власти на законных основаниях в силу исполнения их представителями служебных обязанностей, а также служебная информация о деятельности указанных органов, доступ к которой ограничен Федеральным Законом [6, с.29].

Вне сомнения, понятие служебной тайны, четкие основания для отнесения к служебной тайне тех или иных категорий сведений, а также перечень сведений, которые не подлежат засекречиванию, условия и порядок обеспечения их конфиденциальности и доступа к ним должны

быть определены специальным Федеральным Законом «О служебной тайне» с тем, чтобы не допустить злоупотреблений в части необоснованного засекречивания сведений и нарушения провозглашенного принципа открытости информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Соглашаясь с тем, что понятие «служба» может использоваться для обозначения профессиональной деятельности не только в органах государственной власти и местного самоуправления, но и в частных организациях [7, с.128], мы все же должны отметить, что определить критерии для отграничения категорий сведений, охраняемых хозяйствующими субъектами в режиме коммерческой тайны от тех из них, которые такие субъекты могут охранять в режиме служебной тайны, весьма сложно. Полагаем, следует проводить такое ограничение исходя их характера интересов обладателя информации, охраняемых посредством ее засекречивания.

Отметим, что в законодательстве и доктрине США информация, составляющая деловой секрет работодателя, не считается каким-то иным секретом во взаимоотношениях между работодателем и работником. Между тем, некий аналог института служебной тайны, если понимать под ним правовой механизм ограничения доступа к определенной информации органами власти, там существует. В Законе США «О свободе информации» в числе материалов, которые не подлежат раскрытию федеральными правительственными учреждениями по запросам третьих лиц, названы, в частности, материалы, «которые относятся исключительно к правилам внутреннего распорядка и указаниям для персонала учреждения».

Таким образом, с одной стороны, исходя из субъектного состава обладателей информации и характера ее ценности, следует отграничивать составляющую служебную тайну информацию о деятельности государственных и муниципальных органов от информации, охраняемой в режиме коммерческой тайны. С другой стороны, необходимо проводить разграничение между служебной и профессиональной тайнами, когда речь идет об ограничении доступа к информации, полученной на законных основаниях соответствующими субъектами от третьих лиц. Если же в случаях, предусмотренных законом, режим тайны вводится в отношении информации иными лицами, которым такая информация стала известна в процессе выполнения ими своих профессиональных обязанностей, не связанных с государственной или муниципальной службой, указанный режим должен признаваться профессиональной тайной.

С учетом проведенного исследования соотношения необщедоступной коммерческой информации со смежными правовыми категориями мы можем сделать выводы о том, что различие между режимом тайны частной жизни и режимом коммерческой тайны стоит в характере защищаемых интересов. Разглашение сведений, составляющих тайну частной жизни, означает нежелательное для человека вторжение третьих лиц в его личную сферу, нравственные страдания и причинение морального вреда. Для обладателя информации с ограниченным доступом, составляющей коммерческую тайну, основным ущерб от ее разглашения носит исключительно имущественный характер, поскольку влечет утрату положения на рынке, причиняет убытки и вызывает необходимость нести дополнительные расходы.

Основное различие необщедоступной коммерческой информации и профессиональной тайны состоит в том, что обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, являясь управомоченным лицом, совершает в отношении информации те или иные действия своей волей и в своем интересе, держатель же информации, составляющей профессиональную тайну, выступает лицом обязанным и, обеспечивая конфиденциальность информации, действует в интересах третьих лиц. Необходимо отметить, что исходя из субъектного состава обладателей информации и характера ее ценности, следует отделять составляющую служебную тайну информацию о деятельности государственных и муниципальных органов от информации, охраняемой в режиме коммерческой тайны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. М., 2004. С. 345-348.
2. Огородов Д.В. Субъективное право на информацию: некоторые вопросы // Право и информатизация общества. Сборник научных трудов. М., 2002. С. 66.
3. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений // Автореферат дисс. к.ю.н. Казань, 2004. С. 29.
4. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2001. С. 153.
5. Фатьянов А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 14.
6. Гаврилов Э.П. К вопросу об охране коммерческой, служебной и личной тайны: гражданско-правовые аспекты // Хозяйство и право. 2003. № 5. С. 29.
7. Стариков Ю.Н. Служебное право. Учебник. М.: БЕК, 1996. С. 128-129.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

ОТ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ К ЭФФЕКТИВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КРУПНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Васьков М.А.

FROM PRODUCTIVITY TO EFFICIENCY: TRANSFORMATION OF PARADIGMS OF ADMINISTRATIVE CULTURE OF HEADS OF THE LARGE REGIONAL COMMERCIAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Vaskov M.A.

Автором рассматривается наметившаяся смена парадигм управленческой культуры, благодаря которой происходит переход от модели достижения результата управления к более широкой категории, связанной с эффективным управлением. В статье используются материалы авторского социологического исследования, проведенного в период с декабря 2009 г. по декабрь 2010 г.

The summary in article is considered the outlined change of paradigms of administrative culture thanks to which there is a transition from model of achievement of result of management to wider category connected with efficient control. In article it is used materials of the author's sociological research spent during the period since December 2009 till December 2010, respondents were heads of the large commercial organizations of the South of Russia.

Ключевые слова: управленческая культура, руководитель, социальные факторы, коммерческая организация.

Keywords: administrative culture, the head, social factors, the commercial organization.

Одним из основных направлений государственной политики и деятельности бизнес - элиты в России является поиск путей повышения конкурентоспособности и эффективности управления организациями в экономической сфере. В условиях усиливающейся конкуренции необходим прорыв в качестве управленческой деятельности руководителя, основные доминанты которой определяются его управленческой культурой. Нужен переход от пока основополагающего принципа результативности, т.е. достижения поставленной цели любой ценой (даже если это приводит к ухудшению положения в остальных структурных подразделениях организации или в параллельно реализующихся проектах) к принципу эффективности управленческой культуры руководителя.

Эффективность управленческой культуры руководителя предполагает системную и взаимосвязанную реализацию им «трех кругов задач»: достижение намеченной цели, сохранение и укрепление трудового коллектива и создание условия для развития личного и профессионального потенциала сотрудников организации [1]. Если интерпретировать данное теоретическое положение на российском эмпирическом материале, то мы увидим, что первоочередной задачей является интеграция в управленческую культуру руководителей крупных коммерческих организаций стратегического подхода к осуществлению управленческой деятельности, а также внедрение гуманистических принципов по отношению к руководителям структурных подразделений организации и её рядовым сотрудникам, интеграцией их в процесс принятия управленческих решений (в соответствии с их уровнем ответственности и профессиональными компетенциями). Это предполагает трансформацию управленческой культуры руководителей крупных коммерческих организаций от реактивного подхода - установки реагирования на ситуацию, управление, связанное с «латанием дыр», к креативному подходу или управлению развитием. Основой данного подхода является установка на предвидение возможного изменения ситуации в нужном направлении. Данная трансформация предполагает готовность изменить отношение к персоналу организации, перейдя от пока основных административно-командных методов руководства к реальному, а не декларативному делегированию полномочий. Коммерческий сектор строил свою работу на данных принципах, начиная с середины XIX и до конца XX вв., т.е. в рамках индустриальной и начала постиндустриальной моделей общества. Но данные принципы вступают в конфликт с реалиями формирующегося информационного общества с присущими ему глобализацией, новыми подходами к пониманию роли человека, организационными принципами. В индустриальном и постиндустриальном обществе основными активами и движущими факторами экономического процветания были машины и капитал, т.е. вещи. Люди были необходимы, однако, заменимы. Всегда можно было найти других способных работников, которые бы выполняли требования строго установленного технологического процесса. С ними можно было эффективно работать, но единственно, что было нужно, – это человеческое тело, а качества личности рассматривались как явления, которые мешали свободно протекать процессам эпохи машин. Человек низводился до уровня вещи [2]. Подавляющее большинство современных организационных подходов и управленческих практик появились в середине XX в. и сейчас непосредственно опираются на разработанные в тех социокультурных и экономических

условиях теории и подходы к управленческой деятельности, управленческой культуре и определению их функционального содержания.

Не смогла изменить сложившуюся тенденцию и теория человеческих отношений, разработанная Э. Мэйо [3], которая предполагала использовать ресурсы человеческой личности и интеллекта для повышения эффективности трудовой деятельности, но не изменяла стратегических приоритетов управленческой культуры руководителей. Данные подходы являются неприемлемыми в условиях информационного общества, когда главным активом становятся знания и человеческий потенциал. По мнению крупнейшего теоретика социологии управления и менеджмента П. Друкера, в XXI веке главным активом организации должен стать интеллектуальный капитал её сотрудников. Данное направление развития экономики потребует кардинального пересмотра основ всей экономической системы и подходов к управленческой деятельности [4]. Современная Россия (в силу причин, связанных с характером её социальных трансформаций) отстает от мировых процессов в сфере управления коммерческими предприятиями (особенно на региональном уровне). Однако данное отставание постепенно сокращается. Этому способствуют процессы, связанные с глобализацией, ужесточением конкуренции, сменой поколений управленцев, распространением информации об инновационных подходах к корпоративному управлению. Например, в России все большим вниманием руководителей пользуются системы повышения эффективности управленческой деятельности через изменения отношения к сотрудникам организации, предложенные известным бизнес-консультантом и практическим психологом С. Кови [5]. Однако внедрение даже положительно зарекомендовавших себя зарубежных методик управления в управленческую культуру российского бизнеса не ведет к автоматическому улучшению положения в российской бизнес-среде.

Рассматривая трансформацию управленческой культуры руководителей крупных региональных коммерческих организаций, мы можем с полным основанием говорить о существовании следующих этапов: радикальные изменения, связанные с институциональными трансформациями общества, которые и привели к появлению управленческой культуры в современном ее понимании; стабилизация сферы управленческой культуры и трудовых отношений в коммерческом секторе; усложнение управленческой культуры, внедрение и адаптация различных моделей и подходов к управленческой деятельности и попытки привести управленческую культуру в соответствие с социальными процессами.

Разумеется, количество механизмов социального действия в рам-

ках трансформационных процессов значительно больше, но специфика управления такова, что ее можно свести именно к двум базовым механизмам: нормативно-правовому и коммуникативному. Нормативно-правовой включает в себя как внешнюю (со стороны государства и общества), так и внутреннюю, исходя их потребностей и специфики организации как социального целого, виды регуляции. Роль данного механизма в трансформации управленческой культуры состоит, в том, что определенные нормы, ценности исключаются или преследуются в организации, а воспроизводство других, наоборот, приветствуется и поощряется, тем самым формируется её определенная управленческая культура. Нормы, принятые в обществе как допустимые или приемлемые, установленные в качестве обязательных государством, закрепленные в законодательстве, и составляют институционально-правовые формы, в которых формируется, трансформируется и реализуется управленческая культура каждой без исключения крупной региональной коммерческой организации. Управленческое воздействие, формальное и неформальное, осуществляется с помощью механизма коммуникации, через который реализуются соответствующие функции управленческой культуры.

Трансформация данных механизмов заключается в том, что изменяется их значение для организаций и их управленческой культуры. Для нормативно-правового механизма за последние 20 лет характерны значительные трансформации. От определяющего значения в советский период, когда практически все аспекты управленческого взаимодействия руководителя и подчиненных были нормативно оформлены, а выполнение данных правил и норм контролировалось. Через хаотичное состояние 90-х гг., когда не регламентировались те аспекты управления, которые регулируются даже в странах, со сложившимися моделями управления и управленческой культурой, например, защита прав работника, определение порядка обжалования решений руководителя, механизмы разрешения трудовых споров. К современному состоянию, когда рамочные основы для упорядочивания управленческой культуры руководителей (по крайней мере) в её деятельностном аспекте, заданы новой редакцией Трудового Кодекса, несмотря на его определенные минусы. Нельзя не отметить и оформившуюся тенденцию к возрождению регламентации управленческой деятельности, что приводит к соответствующим трансформациям в управленческой культуре на уровне отдельных крупных предприятий, когда определенные системы ценности и деятельностные подходы закрепляются на уровне внутрикорпоративных документов.

Схожие трансформации мы наблюдаем и в отношении внутри корпоративных управленческих коммуникаций: от командно - адми-

нистративной модели, через хаотичное состояние переходного периода - к выстраиванию коммуникативных систем, учитывающих необходимость присутствия в управленческой культуре обратной связи с подчиненными. В отличие от органов государственной власти, деятельность которых во всех странах отличается достаточно большим набором различных устоявшихся практик и стереотипов, бизнес-структуры более мобильны, интегрированы в мировое сообщество, способны к восприятию различных инноваций. Используя подход, разработанный Т. Пра-сонсом, можно представить систему управления, с одной стороны, как структуру, т.е. ряд единиц или компонентов со стабильными свойствами (которые могут быть и отношениями), а, с другой стороны, как динамично реализуемые функции, изменяющие отношения между структурными единицами [7]. В этом отношении динамичная составляющая будет предопределять направления трансформации статической структурной составляющей. В отношении национальных управленческих систем роль двигателя изменений играет накопленный управленческий опыт и положительные результаты применения инноваций, которые заставляют отказываться от ранее существовавших подходов и использовать новые доказавшие свою полезность и эффективность управленческие методы и подходы (независимо от их происхождения).

Смена парадигм управленческой культуры руководителей в российском бизнесе - процесс неизбежный и обусловленных характером эволюции общества, его более полной и системной интеграции в мировые процессы, обменом информацией, восприятием зарекомендовавших себя моделей управленческой деятельности и ценностных ориентаций. Особенно динамичным этот процесс будет на уровне крупного бизнеса. Именно здесь возможно стратегическое развитие, т.к. эти организации обладают сложной организационной структурой. В этом сегменте делового сообщества наиболее актуальным является повышение конкурентоспособности организации и решение задач по успешному противостоянию давлению со стороны более опытных в организационном и управленческом отношениях зарубежных коммерческих организаций. Для коммерческого сектора (с точки зрения соотношения результативность – эффективности управленческой культуры) важным аспектом является соотношение таких категорий, как менеджмент и администрирование. Разделение на менеджмент и администрирование существует в любой российской коммерческой организации, выявление структурного наложения и конструктивной взаимосвязи этих понятий, их практического применения диктует необходимость определения соответствующего данным проявлениям функционального содержания [8].

В специальном исследовании административного управления коммерческой организацией отмечается, что в администрацию ни официально, ни неформально не входит ряд линейных и функциональных руководителей среднего и практически все руководителей производственных и управленческих подразделений нижнего уровня. В свою очередь, абсолютно все специалисты и исполнители верхнего уровня управления организации непосредственно входят в состав ее администрации. Таким образом, администрирование в коммерческой организации складывается из деятельности руководителей и обеспечивающих их функционирование специалистов и исполнителей органов управления, решающих такие задачи, как регламентация, распоряжение, информационное обеспечение, контроль исполнения, сопровождение документооборота и делопроизводства [9].

По нашему мнению, системы менеджмента и администрирования представляют два различных типа управленческой культуры и ее функционального содержания. Менеджмент характеризуется динамичной управленческой культурой как системой организации управленческой деятельности и комплекса определенных ценностей и подходов к управлению. Он ориентирован на внедрение инновационных методов и подходов к управлению для получения максимально высокого результата, динамичен. Система администрирования, наоборот, ориентирована на сохранение и воспроизводство нормативно и неформально закрепленных правил поведения и организации управленческой деятельности. На данном этапе для Юга России характерна именно опирающаяся в большей степени на традиционные ценности система администрирования. Руководители крупных коммерческих организаций Юга России, которых мы можем отнести к носителям инновационного типа управленческой культуры, пытаются реализовать именно принципы менеджмента. Важнейшей целью менеджмента является экономическая эффективность, а главной функцией - управление бизнесом и менеджерами [10], что не предполагает сохранения традиционно существующих на Юге России принципов формирования управленческих иерархий.

Проведенные автором эмпирические исследования, участниками которых стали руководители крупных коммерческих организаций Юга России, позволяют говорить о наличии трех типов управленческой культуры, формирование которых обусловлено, прежде всего, социальными факторами. Первый тип управленческой культуры («традиционный») сохраняет многие черты советского периода и представлен руководителями, начавшими свою карьеру в советский период, сохраняющими и в современных условиях такие основные характеристики командно-

административной управленческой культуры, как абсолютизация значение трудового коллектива, недоверие к личной инициативе и личному успеху сотрудников, чрезмерный контроль и планирование. Второй тип «переходного периода», сложившийся в 90-е гг. и воспроизводящий в своих основных чертах присущую этому периоду времени хаотичность и нестабильность. Третий тип управленческой культуры руководителей крупных региональных коммерческих организаций сформировался в тех социальных условиях, которые сложились в российском обществе в 2000-е гг., с их относительно стабильными условиями развития бизнеса, а, следовательно, появлением возможностей для стратегического планирования и развития, ростом контактов с иностранными руководителями деловой сферы, совершенствованием системы бизнес-образования. В условиях кризиса первоначально наметился отход в сторону реактивного стиля управления, начали воспроизводиться максимально жесткие модели управления, доминировать соответствующие ценности. Однако сейчас (несмотря на то, что кризис пока не преодолен) руководители вновь начинают ориентироваться ценности того типа управленческой культуры, который мы назвали инновационным. Крупный региональный российский бизнес находится на той стадии, когда управленческая культура руководителя определяет управленческую культуру организации. За рубежом такое положение вещей характерно лишь для тех организаций, которые появились относительно недавно и руководителями которых являются их же основатели. Для остальных организаций такого уровня принципы управленческой культуры, заложенные основателями бизнеса, стали незыблемой базой управленческой культуры организации, которая уже сама формирует облик управленческой культуры руководителей новых поколений.

Переход от ориентированности на результативность управленческой культуры к эффективности возможен в российских условиях через внедрение инновационного типа управленческой культуры и трансформацию управленческой культуры руководителей, которая приведет к трансформации управленческой культуры организаций, позволит повысить эффективность управленческой деятельности, сделает крупный региональный российский бизнес более устойчивым и конкурентоспособным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адаир Дж. Искусство управлять людьми и сами собой. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2006. С. 60.
2. Кови С. Восьмой навык: от эффективности к величию. Пер. с англ. М.: Альпина бизнес букс, 2007. С. 31.

3. Mayo E. The social problems of an industrial civilization. L., 1945, Simon Herbert A. Administrative Behavior, NY, 1947, Models of Man, NY, 1957.
4. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Пер. с англ. М.: ООО ИД «Вильямс», 2004. С. 198, 212.
5. См. например: Кови С. Восьмой навык: от эффективности к величию. / Пер. с англ. М.: Альпина бизнес букс, 2007.
6. Тарасенко В.В. Осторожно Стивен Кови. М.: Хорошая книга, 2008.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 700.
8. Райченко А.В. Административный менеджмент. М.: Инфра-М, 2007. С.43-44.
9. Там же. С. 41.
10. Друкер П. Практика менеджмента. / Пер. с англ. М.: ООО ИД «Вильямс», 2007. С. 22-23.

УДК 316

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Науменко М.В.

GENDER SOCIALIZATION IN A TRANSITIVE SOCIETY: SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Naumenko M.B.

В статье исследуются различные варианты методологии изучения гендерной идентификации подрастающего поколения в современном обществе, рассматриваются подходы, характерные для отечественной и западной социологии. Автор анализирует факторы, влияющие на формирования психологического пола личности, и делается вывод о необходимости использования взаимодополнительного комплементарного подхода.

In article various variants of methodology of studying of gender identification of rising generation in a modern society are investigated, approaches, characteristic for domestic and western sociology are considered. The author analyses the factors of the influence on formations of a psychological floor of the person and the conclusion about necessity of use the complementary approach becomes.

Ключевые слова: гендерная социализация, гендерная идентичность молодого поколения, социокультурные факторы, теория социального конструирования, дифференциация половых ролей, методология социологического анализа.

Keywords: gender socialization, gender identity of young generation, socio-cultural factors, the theory of social designing, differentiation of sexual roles, methodology of the sociological analysis.

Гендер (или социальный пол личности), являясь системным качеством, обусловленным биологически заданной половой принадлежностью индивида, структурой социально-значимой деятельности и по-

лорелевыми нормами общества, начинает складываться ещё в раннем детстве. Однако наиболее сложный этап его становления приходится на период подросткового возраста. Вместе с тем в настоящее время можно говорить о существовании проблемы формирования гендерной идентичности подростков, так как современные социально-экономические условия общества характеризуются ускоряющимися изменениями в системах социальных ролей, часто несовпадающими с традиционными представлениями и установками относительно мужественности (маскулинности) и женственности (феминности). Подобное несоответствие ведёт к неоднозначности в становлении и проявлении социального пола личности.

Выделяется множество различных вариантов становления гендерной идентичности, среди которых представляется возможным выделить два как наиболее характерных: с одной стороны, посредством формирования андрогинности может усиливаться адаптивность, способность к приспособляемости, с другой, - происходит рассогласование между биологическим и социальным полом. Среди социокультурных факторов, влияющих на гендерную идентичность подростков, можно выделить общественные институты, социальное окружение, литературные произведения, кино, телевидение, рекламную продукцию и т.д. Среди них ведущую позицию занимает нормативное давление социума в лице сверстников и родителей

Само понятие идентичность впервые детально было представлено Э. Эриксеном, с точки зрения которого идентичность опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости [1]. Идентификация определяется как процесс, посредством которого человек или распространяет свою идентичность на кого-либо другого, или «заимствует» свою идентичность от кого-либо, или смешивает, или путает свою идентичность с идентичностью другого (Ч. Райкрофт).

Понятие «гендер» было введено в научный лексикон более полувека назад, но и сегодня проблема соотношения понятий «гендер» и «пол» остаётся открытой. Во многих работах данные термины используются как идентичные и зачастую подменяются друг другом, иногда, следуя общим тенденциям, понятие «гендер», не обладая статусом универсальности, неправоммерно вытесняет понятие «пол». Подобная подмена понятий сложилась в результате развития радикального феминистического движения, стремящегося упразднить разделение людей по половому

признаку. В действительности же (даже среди расово и этнически гомогенных обществ) нет ни одного, которое было бы гомогенным в гендерном отношении.

В настоящее время западные исследователи, занимающиеся рассмотрением гендерной проблематики, преодолевают подобную путаницу понятий, разграничивая эти категории следующим образом: все биологические характеристики человека, лежащие в основе различий между мужчинами и женщинами, относят к половым особенностям, а социокультурные его проявления – к гендерным. М. Мид подчеркивает, что гендер определяется не биологически, а социально, посредством культуры, являясь культурно и исторически относительным. Его значение, интерпретация и выражение изменяются и внутри, и между культурами, служа объектом исторических перемен [2]. Некоторые российские авторы, анализируя соотношения между полом и гендером женщин, рассматривают пол как некую неизменную биологическую данность, а гендер – как социально сконструированный пол, который, в качестве некоторого статуса, основанного на психологических, культурных и социальных условиях существования, накладывается на биологический пол как некая социальная метка. При этом пол, опираясь на традиционную европейскую философию пола, восходящую к Платону, рассматривается как состоящий из двух конструктов: пол-сущность и пол-функция. К полу-функции причисляется всё телесное функционирование человека, а представления о поле-сущности опираются на концепцию К.Г. Юнга и рассматриваются как выражение человеческого архетипа [3].

В работах, посвящённых гендерной проблематике, смыслообразование понятия «гендер» находится в зависимости от контекста и сферы исследования. Для социолога важен подход, представленный теорией социального конструирования гендера. Источниками его возникновения явилась концепция социального конструирования реальности П.Бергера и Т. Лукмана, драматургический интеракционизм И. Гофмана, этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля. Данный подход характерен для социологии и психологии и основан на двух постулатах: гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьёй, средствами массовой информации; гендер конструируется и самими индивидами на уровне их сознания, посредством принятия гендерных норм и подстраивания под них.

В рамках данного подхода различие проводится не только между полом и гендером, но и выделяется ещё одна дефиниция – категория принадлежности к полу. При этом пол и категория принадлежности к полу могут изменяться независимо друг от друга. Другой подход являет-

ся стратификационным, он распространён в истории, политологии, экономике, демографии. Инициатором данного подхода является Дж. Скотт, поставившая гендер в один ряд с такими категориями, как класс и раса. Взаимное пересечение данных терминов разбивает теорию патриархата [4]. Следующий подход определяет гендер как культурную метафору. Он характерен для философии, литературоведения, культурологии. Своё начало он берёт в теории деконструкции Ж. Деррида. Здесь оппозиция мужского и женского утрачивает биологические черты и образует культурно-символические ряды: мужское – рациональное, духовное, культурное, высшее; женское – чувственное, телесное, природное, низшее.

Отождествление личности себя с определённым типом гендера получило название гендерной идентичности. В настоящее время данные понятия зачастую рассматриваются консолидировано. И.С. Кон отмечает, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности/феминности формировалась в обществе в соответствии со следующими позициями: 1) мужские и женские виды деятельности и личные качества различались очень резко и казались полярными; 2) эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; 3) мужские и женские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими – женщине отводилась зависимая, подчинённая роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов [5]. Н. Смелзер, исследуя различия между мужчинами и женщинами, выделяет четыре компонента дифференциации полов: биологический пол, гендерные идеалы, сексуальные роли и гендерная идентичность [6]. Последний компонент он связывает с нашими представлениями о своём поле, то есть осознанием того, чувствуем ли мы себя в действительности мужчиной или женщиной. При этом Н. Смелзер особо подчёркивает, что восприятие своего пола не всегда соответствует биологическому полу индивида.

Итак, гендерная идентичность человека, с одной стороны, определяется его биологически заданными характеристиками (соответствующий биологический пол), с другой, – складывается под влиянием окружающего социума. Гендерная идентичность входит в структуру социальной идентичности. Поэтому зачастую гендерные исследования соотносятся с анализом закономерностей филогенетического развития общества.

Важно отметить, что в настоящее время сферы использования понятий «гендер» и «пол» окончательно не определены. Возникновение

половой дифференциации (как таковой) исследователями традиционно связывается с особенностями филогенетического развития общества. На формирование же гендерной идентичности каждого человека в процессе его онтогенетического развития существуют различные взгляды, закреплённые в теориях: социального научения, когнитивного развития, гендерной схемы, социальных ролей и т. д. При этом мнения учёных разнятся не только в описаниях источников формирования гендерной идентичности, но и в выделении стадий и сроков этого процесса, завершение которого отодвигается некоторыми исследователями к началу половой жизни. Представления о маскулинности и феминности, а впоследствии и об андрогинности как наиболее адаптивном типе гендерной идентичности возникли на основе исследований эмбриологов, выявивших изначальную половую недифференцированность человека. До недавнего времени категории людей, имеющих рассогласование между биологическим полом и гендером либо обладающих в большей степени андрогинными чертами, рассматривались как отклонения, вызванные гормональными, генными нарушениями, или объяснялись патогенным влиянием социума. В настоящее время ситуация такова, что андрогинность рассматривается преимущественно как механизм социальной адаптации, а несоответствие между полом и гендером человека не считается патологией. Однако вопросы о том, каким образом, на протяжении какого периода онтогенеза, под действием каких факторов складывается гендерная идентичность человека, остаются актуальной темой исследований, открытой для обсуждения.

В настоящее время изучение гендерных проблем в российской социологии осуществляется при помощи самых различных теорий, которые в свое время были созданы западными социологами на основе последовательной критики классических концепций. Если проанализировать те подходы, которые используются в классической парадигме при изучении гендера, то можно обнаружить ситуацию, когда одновременное использование различных концептов и концептуальных схем, взятых из тех или иных теорий, наработанных в свое время на Западе, приводит к определенному кумулятивному эффекту. Различные социологические теории, развиваясь одновременно, дают возможность свободного выбора исследовательской траектории, что является весьма важным в условиях кризиса российского общества, «текучести» и проблемности социальной реальности. В настоящее время можно говорить о существовании в гендерных исследованиях следующего ролевого подхода: социально-конструктивистского, институционального и т.д. В отличие от Запада, где гендерные вопросы рассматривались в контексте

феминистского движения, в России феминизм не является массовым социальным движением. При выработке соответствующей гендерной методологии учитывается анализ тех трансформаций, которые произошли в постсоветском обществе в динамике ценностных ориентаций россиян, в разнонаправленности, рассогласовании действия агентов социализации, а также кризисные явления в сфере семейно-брачных отношений.

В этих условиях принципиально важной становится открытость дискурсов в сфере гендерных отношений, однако, одновременно продолжает действовать структурный подход в марксистском или функционалистском понимании. Представляется, что весьма перспективной является объединительная методология, которая может быть названа структурно-конструктивистским изучением гендера. Это сочетание двух теорий, являющихся основополагающими в современной социологии. Речь идет о концептах гендерной композиции и гендерного конструирования. В первом - особое внимание обращается на структурный характер гендерных взаимосвязей и отношений, а во втором - речь идет о динамике, возникновении, изменении гендера в ходе социальных взаимодействий. Значимость данной объединительной методологической парадигмы заключается в том, что «снимается» противоречие между микро- и макроанализом социальных, в том числе, и гендерных отношений. В результате происходит соединение способов изучения тех объективных предписаний, которые определяют гендерную социализацию через такие базовые институты социализации (СМИ, система образования, семья и т.д.). Р. Коннелл обращал внимание на то, что гендер возникает в ходе взаимодействия агента и социальных структур, в которых признаки маскулинности или женственности являются устойчивыми, воспроизводимыми в ходе социокультурной динамики общества. С другой стороны, индивид одновременно понимается не только в качестве агента, действующего в соответствии с определенными социальными структурами, но и, согласно П. Бурдье, является активным субъектом их изменения.

В связи с этим одной из главных проблем современной социологической гендерной теории является вопрос о гендерной социализации в условиях трансформации и кризиса российского общества. В ходе гендерной социализации подростков, т.е. в процессе усвоения правил, ценностей, ориентаций, норм соответствующего маскулинного или феминного поведения вскрывается сложная, многомерная система или, лучше сказать, композиция социокультурных многоуровневых взаимодействий. Это означает также, что данная проблематика позволяет релевантным образом отражать те изменения, которые происходят (в целом)

в социокультурной жизни российского общества. Таким образом, можно говорить, что социокультурные факторы формирования гендерных отношений, гендерной социализации молодого поколения в условиях транзитивного российского социума определяются с позиций двустороннего взаимодополняющего анализа устойчивости и неустойчивости социокультурных институтов и на микроуровне – динамики межличностного отношения и положения [7]. Эта ситуация необходимым образом связана с исследованием духовно-нравственного ценностного сознания россиян, его динамики и процессов самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Эриксон Э. Детство и общество. - СПб, Ленато, 1996. - С. 292.
2. Мид М. Культура и мир детства. // Избранные произведения. - М., Просвещение. 1988. - С.30 – 38.
3. Ершова Н.М., Мясникова Л.А. Путь к себе: женщина между полом и гендером. - Екатеринбург, Издательство гуманитарного университета. 2007.
4. Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа. // Введение в гендерные исследования, часть 2. Хрестоматия. - Харьков, ХЦГИ. 2001. - С. 405 – 436.
5. Кон И.С. Ребёнок и общество. - М., Академия, 2003. - с.187 – 191.
6. Смелзер Н. Социология - М., Феникс. 1994.
7. Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. - М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

УТОЧНЯЮЩИЙ ВОПРОС КАК СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЛАКУН (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аведова Р.П.

QUALIFYING QUESTION AS THE MEANS OF GAP'S ELIMINATION

Avedova R.P.

В статье исследуется особый тип вопросительных реплик-реакций – уточняющий вопрос, представляющий разновидность реплик-подхватов, анализируется способность уточняющего вопроса устранять информационные лакуны, возникшие вследствие недостаточности информации инициальной реплики. Автором проводится анализ примеров употребления данного вида

вопросительных реплик-реакций, выявляются сходства и различия в употреблении различных структур вопроса-переспроса в рассматриваемой функции.

The main subject of the article is the study of a peculiar type of interrogative sentences – qualifying questions which represent one of the types of echo-questions. The author studies how the addressee using qualifying questions can eliminate information gaps which are caused by the lack of information in the utterance of the addresser. The author also analyses different contexts in which this type of utterances may arise and in which it performs the gaps' elimination function. In the article the author studies different types of structures the qualifying questions can take and the way the structure of the utterance can affect the course of the discourse and it's correlation with the function performed.

Ключевые слова: филология, диалог, вопрос-переспрос, реплика-стимул, уточняющий вопрос, информационные лакуны, дискурс.

Keywords: Philology, dialogue, question-redemand, remark-stimulus, qualifying question, information gaps, discourse.

Уточняющий вопрос представляет собой один из видов вопроса-переспроса. Данная разновидность вопросительных реплик-повторов впервые была выделена Н.Д. Арутюновой и определялась ею как особый вид реплик-реакций, представляющий собой повторение (полное или частичное) реплики-стимула, вызвавшей у адресата реакцию удивления, недоумения и т. д., направленный на уточнение информации стимулирующей реплики [1]. Уточняющий вопрос как средство уточнения сообщения инициальной реплики также может выступать в качестве инструмента устранения информационных лакун.

Существуют различные трактовки термина «лакуны». Так, Л.С.Бархударов [2], М. Коэн и Н. Коркоран [3], Ю.С. Степанов [4], А.И.Белов [5], И.В. Томашева [6] и др. под лакунами понимают языковые несоответствия в составе различных языков и выделяют вербальные, когнитивные, мотивационные, эмоциональные и моторико-артикуляционные лакуны [7]. В настоящей статье информационные лакуны рассматриваются в рамках одного языка, и данный термин используется применительно к информационным пробелам в сообщении адресанта.

Способность рассматриваемого вида вопроса-переспроса заполнять информационные лакуны реализуется благодаря тому, что уточняющий вопрос посредством уточнения сообщения собеседника помогает коммуникантам устранить дефицит информации реплики-стимула с целью получения от адресанта дополнительной информации, необходимой для того, чтобы избежать коммуникативной неудачи, а также весьма важной для осуществления эффективной коммуникации. Для того чтобы понять, как данный вид вопросительных ответных реплик выполняет

исследуемую функцию, рассмотрим несколько примеров:

- How'd you like my lyrics?

- What lyrics?

- You had them all weekend. Didn't you read them?

- Oh, yes. For a minute I forgot why you were here (N. Simon- 'They're playing our song').

В приведенном примере адресат при помощи вопроса-переспроса желает уточнить, что имеет в виду его собеседник, так как совершенно забыл про стихи, которые адресант просил его прочитать и дать свою оценку. Уточняющий вопрос, к которому прибегает адресат, стимулирует появление ответной реплики, в которой собеседник напоминает ему об обещании и который способствует устранению непонимания, возникшего в результате рассеянности адресата.

Проанализируем еще один пример:

- We thought the line had died out with Ephraim... That the genetic quirk which allowed the transmutation had been lost. Your bad luck seems to get more potent every day. Do you realize that your insatiable pull for all things deadly was strong enough to recover a pack of mutant canines from extinction? If we could bottle your luck, we'd have a weapon of mass destruction on our hands.

- But I didn't bring them back. Don't you know?

- Know what?

- My bad luck had nothing to do with it. The werewolves came back because the vampires did... Jacob told me that your family being here set things in motion. I thought you would already know... (S. Meyer – 'Eclipse'-18).

В данном диалогическом единстве возникновение вопросительной реплики-повтора обусловлено тем, что в инициальной реплике недостаточно информации для ответа на поставленный вопрос. Герой не понимает, о чем говорит его собеседница, так как он уверен, что все несчастья, с которыми им пришлось столкнуться, обусловлены тем, что героиня, как магнит, притягивает к себе неприятности. Поэтому у адресата не возникает и мысли о том, что все может быть объяснено другими причинами. Таким образом, вопрос-переспрос является результатом нехватки информации, заключенной в инициальной реплике, и требует после себя ответной реплики, в которой собеседник сможет восполнить информационные лакуны и уточнить информацию реплики-стимула, что, в свою очередь, позволит собеседникам продолжить коммуникацию и найти ответы на интересующие их вопросы.

Необходимость заполнения информационных пробелов с целью уточнения информации инициальной реплики может быть также резуль-

татом непонимания или недопонимания, или различных намеков и недомолвок, обусловленных разного рода психологическими факторами, или же условиями конкретной коммуникативной ситуации. Рассмотрим это на примерах:

- Did you hear that?
- Hear what?
- There's somebody upstairs (J. Picoult – 'My sister's keeper').

В данном случае появление уточняющего вопроса-переспроса стало причиной того, что говорящий не понимает, о чем говорит его собеседник, так как не слышал никакого шума. В связи с этим вопросительная ответная реплика, произнесенная адресатом, направлена на уточнение сообщения, которое оказалась ему непонятным и потому требует конкретизации.

Перейдем к следующему примеру:

- Is he your father?
- Who?
- The man who is now washing his face.
- No, he is my father-in-law (A. Levy- 'Small Island').

В приведенном примере появление вопросительной ответной реплики обусловлено тем, что адресат не понимает, о ком идет речь, так как адресант, задавая вопрос, не указывает на какого-либо конкретного человека. Это вызывает необходимость конкретизации сообщаемой информации. В третьей реплике, стимулом к появлению которой является вопрос-переспрос, коммуникант дает объяснение сказанному ранее, в результате чего информационная недостаточность устраняется.

В следующем примере мы рассмотрим, как вопрос-переспрос помогает избежать прекращения коммуникативного акта, которое могло возникнуть вследствие информационных пробелов, вызванных намеками и недомолвками адресанта, значительно влияющими на восприятие адресатом информации.

- He had a sort of misunderstanding.
- What about?
- I'd rather she told you (J. Fowles- 'The Ebony Tower').

В данной коммуникативной ситуации адресант сообщает собеседнику некоторую информацию, но недоговаривает о сути волнующего его вопроса. Вместо того чтобы объяснить, о чем идет речь, адресант предлагает своему собеседнику обратиться к другому человеку. Подобное поведение приводит к необходимости возникновения вопросительной реплики-повтора, являющейся в данном контексте следствием недоговорок собеседника и направленной на уточнение причины создавшейся

ситуации.

Необходимо отметить важную особенность уточняющего вопроса как средства заполнения информационных лагун. Сама структура уточняющего вопроса определяет его функцию, так как акцентирует внимание именно на той части высказывания и на той информации, которая требует уточнения. Например, уточняющий вопрос может быть представлен специальным вопросом. Этот специальный вопрос, как правило, предельно редуцирован и часто состоит из одного вопросительного слова (с предлогом или без него), что связано с тем, что адресату необходимо выделить тот отрезок стимулирующей реплики, который необходимо уточнить. В этом случае коммуниканту удастся быстро и эффективно добиться устранения информационной недостаточности и коммуникация не прервется. Для того чтобы убедиться в этом, проанализируем несколько примеров:

- Where do you live?
- Who?
- You! You! Where do you live?
- In an elevator (N. Simon- 'Sweet Charity').

В данном случае перед нами пример предельно редуцированного специального вопроса, состоящего лишь из вопросительного слова. При помощи вопросительного слова адресат акцентирует внимание адресанта на информации, которую необходимо уточнить. Остальная информация не вызывает у адресата интереса и поэтому не находит отражения в структуре вопроса.

Рассмотрим еще один пример, отражающий взаимосвязь структуры вопроса-переспроса и выполняемой им функции:

- Well, I'll see you around.
- Yeah. Around.
- Around where?
- I don't know. Where are you going?
- Well, I was going to Group Analysis, but I guess I missed it tonight (N. Simon- 'Sweet Charity').

В приведенном примере уточняющий вопрос принимает форму специального вопроса, состоящего из вопросительного слова *where* и наречия *around*. Такая структура вопроса-переспроса акцентирует внимание адресанта на месте встречи коммуникантов, так как в реплике отправителя сообщения отсутствует соответствующая информация. Для того чтобы устранить возникшие информационные пробелы, адресат обращается к собеседнику при помощи предельно сокращенной формы вопроса-переспроса, тем самым он стимулирует адресанта к конкрет-

ному ответу на поставленный вопрос, так как другая информация не представляет для него ценности.

Необходимо также отметить, что уточняющий вопрос может принимать форму как местоименного, так и неместоименного вопроса. Как и в диалогических единствах, в которых в качестве ответной реплики выступает уточняющий вопрос, представленный местоименным вопросом, в коммуникативных актах с вопросом-переспросом в форме неместоименного вопроса, реплика адресата направлена на то, чтобы побудить собеседника сообщить информацию, которая была опущена в инициальной реплике или которой было недостаточно для восприятия сообщаемого адресантом. Отличие между данными структурами уточняющего вопроса заключается в том объекте инициальной реплики, который вызвал информационную недостаточность: в местоименных вопросах в ответе на вопрос-переспрос будет содержаться информация, касающаяся лица, о котором или о действиях которого сообщалось в инициальной реплике. В неместоименных вопросах в реплике, следующей за уточняющим вопросом, будет содержаться информация, касающаяся обстоятельства, дополнения и других членов предложения реплики-стимула. Тем не менее, несмотря на различия в структуре, и местоименный, и неместоименный вопрос выполняют уточняющую функцию и способствуют заполнению информационных пробелов.

Приведем примеры диалогических единств с местоименными и неместоименными уточняющими вопросами:

- What is the matter, Uncle Jack? Do look happy! You look as if you had toothache, and I have got such a surprise for you. Who do you think is in the dining-room? Your brother!

- Who?

- Your brother Ernest. He arrived about half an hour ago (O. Wilde- 'The Importance of Being Earnest').

В данном диалогическом единстве уточняющий вопрос представлен местоименным вопросом, который герой использует для того, чтобы убедиться в том, что он правильно понял, что собеседник говорит о приезде именно его брата, а не кого-либо другого. Подобная реакция объясняется тем, что герой не ожидал прибытия своего брата и информация, которую преподнес ему собеседник, показалась ему неправдоподобной.

Рассмотрим следующий пример:

- How long did he give you?

- Give me? Who gave me?

- Your creditor (J. Carre- 'The little Drummer Girl').

Приведенный выше пример содержит уточняющий вопрос, кото-

рый не является местоименным вопросом, а представляет собой повторение части высказывания инициальной реплики (сказуемого и дополнения), которая не была должным образом воспринята собеседником и которая вследствие этого требует уточнения.

Уточняющий вопрос может быть представлен не только специальным, местоименным или неместоименным вопросом. Вопрос-переспрос в функции уточнения информации с целью заполнения лакун может принимать особую структуру. Иногда в состав уточняющего вопроса вводится вопросительное слово, символизирующее не воспринятую информацию. Вводя в реплику-переспрос вопросительное слово, адресат акцентирует внимание на неточно воспринятой информации из первой реплики. Это вопросительное слово, введенное в реплику-переспрос, как правило, помещается в конец и представляет собой рему. Специфической чертой подобных реплик является то, что вопросительное слово может сочетаться со словами, принадлежащими к разным частям речи. Такое сочетание вопросительного слова происходит не по правилам соединения слов, в результате чего образуются «нестандартные» конструкции реплик-переспросов. Структура таких вопросительных реплик может быть совершенно необычной с точки зрения норм, предписываемых грамматикой языка, но вполне приемлемой и нормативной с точки зрения грамматики речи [8]. Используя языковой материал реплики-стимула, собеседник варьирует его по своему усмотрению, прибегая к таким приемам, как опущение, замена, добавления и т. п. Структура подобных реплик-реакций помогает выделить тот компонент реплики-стимула, который требует уточнения.

Рассмотрим несколько примеров заполнения информационных пробелов при помощи нестандартной конструкции уточняющего вопроса:

- Like Brigadoon- she said.
- Brigawhat?
- A Scottish village that appeared and disappeared just for Gene Kelly (M. Cobbold- 'Shooting Butterflies').

В приведенной коммуникативной ситуации собеседник вместо части реплики-стимула, вызвавшей у него реакцию недоумения (а именно, названия деревни в предместии Шотландии), употребляет *what*, входящее в состав слова как словообразовательный элемент, что в результате приводит к возникновению нетипичной формы слова *Brigawhat*, которая стимулирует собеседника к уточнению непонятым вторым участником коммуникации сообщения и способствует устранению информационных пробелов.

В следующем примере героиня, четырнадцатилетняя девочка, выросшая на Манхэттене, не осведомлена о том, что такое скрещивание, а потому *crossbreeding*, произнесенное говорящим, кажется ей лишь сочетанием звуков, объединенных в непонятное слово, лишь часть которого ей известна. Вместо непонятной части слова героиня употребляет *what*, что приводит к возникновению нестандартной конструкции вопроса-переспроса и стимулирует ответную реакцию собеседника, который сможет уточнить и объяснить, что он имеет в виду, тем самым устранив информационную недостаточность инициальной реплики:

- He is conducting experiments on his animals... I mean, *crossbreeding*.

- *Crosswhat?*

- *Crossbreeding is producing an animal with hybrid vigor (B. Burns- 'The dark part of me')*.

Следует отметить еще одну структурную особенность уточняющего вопроса: если первая реплика-стимул выражена отрицательным повествовательным предложением, то предпочтительной формой уточняющего вопроса со значением причины будет *why not?*, а не *why?*. Это обусловлено тем, что вопрос-переспрос в диалогических единствах такого рода направлен на уточнение причины отрицательного отношения адресанта к ситуации, о которой идет речь в инициальной реплике. Например:

- You shouldn't shout like this.

- *Why not?*

- *It isn't done (H. Pinter- 'The Dumb Waiter')*.

В приведенном примере вторая реплика представлена вопросительной структурой *why not*, которая состоит из вопросительного слова *why* и отрицательной частицы *not*, являющейся повторением части высказывания инициальной реплики, а именно отрицательной частицы *not* в конструкции *shouldn't*, и возникновение которой обусловлено необходимостью уточнения причины отрицательного отношения адресанта к поведению собеседника.

Кроме того, за ответной репликой *why? / why not?* может следовать инфинитив или инфинитивная фраза с эксплицитно невыраженным субъектом 1-го или 2-го лица или же с эксплицитно выраженными подлежащим и модальным сказуемым *should / should not + infinitive*. Такое построение высказывания передает удивление адресата содержанием инициальной реплики, и потому адресат запрашивает у собеседника уточнения причины подобного взгляда на имеющуюся ситуацию. Сказанное выше можно проследить на примере:

- You've settled in so easily somehow.
- Why shouldn't I?
- It's not exactly what you've used to, is it? (J. Osborne- 'Look back in anger')

В данном диалогическом единстве уточняющий вопрос представлен модальным сказуемым *should not* и эксплицитно выраженным подлежащим *I*. Герой удивлен тем фактом, что его собеседник сомневался в том, что адресату удастся вписаться в необычное для себя окружение. При помощи вопроса-переспроса адресат просит собеседника указать причину такого взгляда на обсуждаемую ими ситуацию. В результате за уточняющим вопросом следует реплика-реакция, в которой адресант уточняет свою позицию, и информативная недостаточность оказывается устранена.

В ходе исследования также было выяснено, что очень часто вопросительная реплика может состоять из двух и более вопросительных слов с различным значением (времени, места, причины...), которые указывают на те компоненты высказывания, которые требуют уточнения. При этом реплика-реакция необязательно содержит информацию на все вопросы. Например:

- I'm moving to London.
- You? When? Why?
- I've got a job... And I have to move on (J. Picoult – 'My sister's keeper').

В данном примере вопрос-переспрос состоит из местоимения *you*, вопросительного слова *when* со значением времени и вопросительного слова *why* со значением причины. Появление такой структуры уточняющего вопроса объясняется тем, что адресат крайне удивлен столь неожиданным сообщением о переезде своего собеседника в Лондон, а потому у него сразу возникает множество вопросов, которые являются эмоциональным откликом на информацию, сообщенную в инициальной реплике. В данном примере мы также видим, что ответная реплика собеседника содержит ответ лишь на один вопрос, который является исчерпывающим и заключает в себе хоть и не полную, но наиболее значимую информацию. Необходимо отметить, что подобные редуцированные реплики вопросительного типа весьма характерны для неофициального общения и являются важным средством развития коммуникации, не нагруженной ненужной информацией.

К еще одной особенности уточняющего вопроса относится то, что часто к значению вопросительности в уточняющем вопросе прибавляются другие оттенки значений, такие как удивление, недоумение, воз-

мушение, ирония и т. д. В этом случае вопрос-переспрос становится экспрессивно-эмоциональным средством выражения субъективного отношения адресата к информации, заключенной в инициальной реплике. Тем не менее, основной функцией уточняющего вопроса остается заполнение информационных лакун, а дополнительные оттенки значения лишь способствуют реализации основной функции. Рассмотрим это на примере:

- Oh! I killed Bunbury this afternoon. I mean poor Bunbury died this afternoon.

- What did he die of?

- Bunbury? Oh, he was quite exploded.

- Exploded? Was he the victim of a revolutionary outrage?

- My dear Aunt Augusta, I mean he was found out! The doctors found out that Bunbury could not live, that is what I mean - so Bunbury died (O. Wilde- 'The Importance of Being Earnest').

В приведенном диалогическом единстве, как и в рассмотренных ранее примерах, вопрос-переспрос направлен на уточнение информации инициальной реплики. Тем не менее, мы видим, что, кроме значения вопросительности, вопрос-переспрос в данном ситуативном контексте передает и ироническое отношение говорящего к сказанному собеседником. Факт наличия дополнительного оттенка значения вопроса-переспроса подтверждается и шутливым характером реплики, следующей за уточняющим вопросом. Однако основной функцией вопроса-переспроса даже при наличии дополнительного значения, содержащегося в высказывании, остается заполнение информационных лакун. Поэтому можно утверждать, что в рассматриваемом примере вопрос-переспрос совмещает в себе значения уточнения информации и передачи иронического отношения адресата к сказанному собеседником и стимулирует появление ответной реакции второго участника коммуникативного акта, способной разъяснить смысл, который адресат вкладывает в свое высказывание и (непосредственно) в слово *exploded*.

Итак, подводя итог, мы имеем основание утверждать, что основная коммуникативная функция уточняющего вопроса, благодаря которой осуществляется устранение информативной недостаточности как в вопросно-ответном, так и невопросно-ответном диалогическом единстве, состоит в том, чтобы побудить говорящего раскрыть содержание сообщения, оказавшегося информативно-недостаточным для собеседника. Последнее может быть результатом непонимания или недопонимания, разного рода намеков и недомолвок, обусловленных тем, что адресат в силу каких-либо психологических причин, либо в соответствии с усло-

виями коммуникативного акта, был не в состоянии воспринять должным образом информацию, сообщаемую адресантом, либо адресант не стремился дать полную информацию в силу своей незаинтересованности в этом.

Кроме того, нами была определена взаимосвязь между коммуникативно-прагматической направленностью уточняющего вопроса и его структурой, было выявлено, что благодаря своим структурным особенностям уточняющий вопрос акцентирует внимание именно на той части высказывания и на той информации, которая требует уточнения. В то время, как избыточная информация, знание которой не столь важно для продолжения коммуникации, не находит отражение в структуре уточняющего вопроса. В результате исследования и проведенного количественного анализа мы определили, что уточняющий вопрос (в соответствии со спецификой употребления) в 60% проанализированных примеров принимает форму специального вопроса, который может быть предельно редуцирован и состоять из одного вопросительного слова или же вопросительного слова с предлогом, что отвечает его коммуникативно-прагматической направленности. Уточняющий вопрос может быть представлен частью высказывания, требующей конкретизации (35%), в его состав может входить вопросительное слово (5%), акцентирующее внимание адресанта на неточно воспринятой адресатом информации, которую говорящему необходимо уточнить для успешного продолжения диалога.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» - реплики в русском языке // Филологические науки. 1979. №3. С. 140 – 141.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М.: Международные отношения. 1975. - 240 с.
3. Cohen M.R., Corcoran N.J. An introduction to logic. – London: 1993. – P. 18-20.
4. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 354 с.
5. Белов А.И. О выделении некоторых групп лакун (на материале финского и русского языков) // VI Всесоюз. симпозиум «Психолингвистика и теория коммуникации» Тезисы докладов. - М.: 1978. - С. 18-19.
6. Томашева И.В. Понятие <лакуна> в современной лингвистике. Эмотивные лакуны // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1994. - С. 50-60.
7. Эйнуллаева Е.А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации: Дисс...канд. филол. наук. – М.: 2003. С. 18-19.
8. Бузаров В.В. Некоторые аспекты взаимодействия грамматики говорящего и слушающего(в английской диалогической речи). Пятигорск: 1983. - С. 60-69.

УДК 81

КВАНТИФИКАЦИЯ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ

Гайломазова Е.С.

QUANTIFICATION AS TEXTFORMING CATEGORY

Gajlomazova E.S.

В статье рассматриваются вопросы функционирования категории квантификации в русском языке. Автором выявлено, что особенности квантификации определяются стилевыми, жанровыми параметрами текста и интенциями отправителя речи.

In the article we discuss a text forming possibility of quantification. Category of quantification is not a basic text category but an author made world understood as referent space which is divided into things, personages and events appears in quantity-qualitative interpretation.

Ключевые слова: филология, квантификация, текст, текстообразующая категория, идеостиль, дикурс, коммуникант.

Keywords: philology, quantification, text, text forming category, ideostyle.

Категорию квантификации не относят к базовым текстовым категориям (когезия, партитурность, проспекция, ретроспекция и под.), однако, «созданный автором мир, понимаемый как референтное пространство, которое членится на сферы: вещные, персонажные (субъектные), помещенные в определенный хронотоп, и событийные.» [3, с.521].

Особенности квантификации, прежде всего, осуществляемой с помощью именной числовой формы, во многом детерминированы стилем и жанром текста. У отвлеченных и вещественных существительных традиционно отмечается особое употребление формы множественного числа, которое называется «множественное поэтическое»: воды, небеса (согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой это «множественное эмфатическое»). «Множественное поэтическое» обратило на себя внимание еще у античных риториков: эта форма рассматривалась как фигура речи Аристотелем, Цицероном, Квинтилианом. Ср.:

Mollit odoratas, pennarum vincula, ceris...

Расплавятся душистые воски – связки перьев

(Овидий «Метаморфозы. Дедал и Икар»);

Tantane animis caelestibus irae?

Не велики ли гневны душ небесных?

(Вергилий «Энеида»).

Известно, что «множественное» от существительных неконкретной

семантики характерно для некоторых литературных направлений. Так, для «витийской» литературы, для классицизма гром – это плюрально-ориентированное существительное (почти *pluralia tantum*), М. Ломоносов и Г. Державин питали особое пристрастие к громам, снегам, молниям. Девиативные числовые формы могут быть приметой идиостиля. Ср. суждение критика А.А. Измайлова о стихах Бальмонта, которое воспроизводит В.В. Виноградов [4, с.27-28]: «Наводнение стихотворной речи искусственно-книжными словами на ость, нет сомнения, останется навсегда стилистическим недоразумением, связанным с его именем. Все эти расцветности, полнозвонности, опрокинутости, небесности, шестикратности, перекрестности, разымчивости, изумрудности, пьяности, звездности, жемчужности, свирельности, несказанности, осиянности, лобовности, греховности – все это бесплодное и никчемное мудрствование книжного человека, глубоко противное устоям и основам русского народного языка... Под досадным на этот раз влиянием Бальмонта и у Брюсова так явились беломраморности, бескрайности и – *horribile dictu!* – даже прекрасности». Ср. противоположное мнение: «...поэт [Бальмонт] вывел из оцепенелости сингулярных форм целый ряд отвлеченных слов – светы, блески, мраки, сумраки, гулы, дымы, сверканья, хохоты, давки, щекотанья, прижатья, упоенья, рассекновенья, отпаденья, понимания, бездонности, мимолетности, кошмарности, минутности [1, с.204].

Квантификаторы используются в любом идиостиле, но их характер, доля и место в структуре текста во многом определяют уникальность и неповторимость созданного мира. Как «идиостилемы» [3, с.522] рассматриваются функционирующие в художественном тексте количественные числительные, непосредственно эксплицирующие параметры пространства, времени, места и вносящие определенность в субъектно-объектные сферы изображаемого. При этом важно учитывать достаточный контекст. Без достаточного контекста предложение из набоковской «Защиты Лужина»: Ни с того ни с сего вагон наполнился оравой школьников, десятью старушками, пятьюдесятью толстяками - может быть расценено как пример излишней детализированности объектов внешнего мира; между тем, это изображение сознания уже больного Лужина.

Приметой индивидуального стиля нередко являются деминутивы, что привлекает пародистов. Ср. пародию И. Иванова «Лирика с изюминкой» (на стихи В. Цыбина):

Ты вся была с какой-то чертовщинкой,
с пленительной смешинкой на губах,
с доверчинкой до всхлипинки, с хитринкой,

с призывной загогулиной в ногах.
Ты вся с такой изюминкой, грустинкой,
с лукавинкой в раскосинках сухих,
что сам собою нежный стих с лиринкой
слагаться стал в извилинках моих <...>
Писал я с безрассудинкой поэта,
возникла опасенка уж потом –
вдруг скажут мне: не клюквинка ли это
с изрядною развесинкой притом?

Ср. также в пародии А. Иванова «Серебряное сердце» (на прозу В. Чивилихина):

Молчун. Безответный, слова не вытянешь <...> А интеллигентной
пижонинки не терпел.

Слова «хитринка», «усмешка» вообще являют собой штампы типично советской литературы. Очень характерны такие единицы для Е.Евтушенко: излюбленные авторские образования имеют семантику деинтенсификации и аффиксы уменьшительности, причем, среди них есть такие, что не придут на ум и пародисту: ароматинка, вмятинка, теплинка, африканинка, блатнинка, блестинка, болинка, бюрократинка, грозинка, грузнинка, грозинка, дразнинка, дразниночка, ершистинка, есенинка, жутинка, завидинка, заманинка, звенинка, землянка, иронийка, косинка, крысиночка, мохнатинка, надеждинка, настыринка, натужинка, несгибинка, отгаинка, пепелинка, подлунка, порошика, предателинка, прожженинка, скрипинка, сладинка, сомнинка, теплинка, тосчинка, усталинка, фашистинка, фиолетинка, хрипинка, чепушинка, шалавинка, шелушинка, шершавинка. (Имеется в виду отнюдь не узвальное значение ('дом, построенный в 30-50-х гг. XX в. '), ср.: Над рекой забайкальской -/ Селенгой/ люди сталинкой не пахнут никакой, лишь один / с настырной сталинкой / судачит, / хилый, /старенький/ инвалид с кедровой шелистой ногой (Е. Евтушенко «Личное письмо генералиссимуса»).

В изолированном виде (вне контекста) эти новообразования производят впечатление тяжелого дурновкусия, вызывают резкое неприятие (предателинка, прожженинка, фашистинка?!), но в тексте (иногда, редко) бывают не только выразительными, но и уместными:

А вот у тебя в глазах,
ВерОника,
мягкая,
но все-таки иронийка

(Е. Евтушенко «На могиле Александра Дубчека»)

И злость была в косынке,
до бровей как раз,

и злость была в косинке
полумонгольских глаз

(Е. Евтушенко «Сирень»).

Сладинка лжи – отравы в манной каше (Е. Евтушенко «Не надо говорить неправду детям»).

Иногда сема деинтенсификации, выраженная аффиксально, «га-сится» контекстом, и остается совершенно непонятной природа этих столь любимых Е. Евтушенко образований:

Впрочем, в этом
сильная сомнинка («Фуку»).

Единицы «повышенной концентрации» являются ядерными в авторском тезаурусе. Исследование особенностей функционирования изблюбленных единиц – «языковых фаворитов» - позволяет перейти от изучения идиолекта к идиостилю писателя, то есть системы доминантных принципов вербализации индивидуального художественного мира. «Идиостиль», «идиолект» - самые распространенные термины бурно развивающейся теории художественного текста. Понятия, передаваемые этими терминами, не тождественны. В индивидуальном стиле речи на первый план выдвигается интеллект личности. Однако интеллект проявляется прежде всего на сложных уровнях организации. Именно это обстоятельство становится основой различия данных понятий. Идиолект представляет собой совокупность структурно-языковых особенностей языковой личности, а идиостиль – это совокупность речетекстовых характеристик, формирующихся под воздействием экстралингвистических параметров [7, с.71-72].

По свидетельству Г.Н. Большаковой [3, с.524-525], у В. Набокова среди единиц словообразовательного уровня с градуально-количественной семантикой бесспорными «фаворитами» являются суффикс –оват и префиксоид полу-. Например, в романе «Король, дама, валет» около ста единиц с формантом –оват, большинство из которых входят в текстовое поле цветообозначения. Лексемы с –оват маркируют признаки мира смутного, неподлинного, призрачного; лексемы с –оват «наделены особой значимостью, которая проявляется в экспликации инвариантного принципа художественного мира – двупространственности, или биспациальности» [там же]. При этом, конечно, важно иметь в виду, что эстетическое значение слова – значение, реализуемое в сильной позиции художественного текста, не приемлет слишком конкретных толкований.

Квантификация (прежде всего, квантификативные «фавориты») участвует в формировании вертикальной нормы, сущность которой сво-

дится к следующему: единство любого стиля (общеязыкового функционального или авторского идиостиля) создается доминантной категорией, экспликация которой осуществляется на всех уровнях – от фонетико-фонологического до текстового. Вертикальной чертой разговорного стиля считается лаконизм. Хрестоматийные примеры усечений, редукции, нулевых морфологических окончаний, эллипсиса и под., характерных для разговорного стиля, общеизвестны. Вертикальная норма научного стиля – логичность точность. Категории интенсивности, экстремальности справедливо считаются присущими многим авторам (Б. Пастернаку, М. Цветаевой и мн. др.). Ср. попытку связать излюбленные квантитативы с личностью адресанта:

Умела ли Ольга Леонардовна управлять собой или ей были не свойственны сильные переживания и она переживала, главным образом, «за других», на сцене? Книппер «вскипала» ненадолго, не тратилась на продолжительные волнения, наверно, оберегала себя от глубоких переживаний. Может быть, поэтому бессознательно любила глаголы с приставкой – по (не ходила, а «похаживала»; не смотрела, а «посматривала»; у нее, по ее выражению, не болело, а «побаливало» (А. Кузичева «Чехов»).

Числительные нередко создают еще одно текстовое пространство – пространство символическое. Ср. название поэмы А. Блока «12» или то обстоятельство, что в романе В. Набокова «Приглашение на казнь», полном библейский аллюзий, частотно числительное три и его дериваты: на завтрак Цинциннату подают три гренка в черепаховых подпалитках, Родиону помогали еще трое служителей; в Тамариных садах в три ручья плачут без причины ивы, и тремя касакадами ручьи свергаются в озеро. Любимое набоковское число – пять. Начиная с первого романа «Машенька» это числительное и его дериваты «последовательно маркируют зоны смысловой напряженности, предшествуя изображению модусных ситуаций наивысшего духовного подъема или сильных эмоциональных и/или интеллектуальных переживаний, амбивалентных чувств, таких мгновений жизни, когда все становится чудовищным, бездонно-глубоким, когда кажется так страшно жить и еще страшнее умереть: в этот позний час, по этим широким улицам расхаживали миры...; Пять извозчичьих пролеток стояли вдоль бульваров ... - пять сонных, теплых, седых миров в кучерских ливреях, и пять других миров на больших копытах, спящих и видящих во сне только овес, что с тихим треском льется из мешка» [3, с.523-524].

Нередко именно количественный аспект информации помещается в фокус внимания и занимает сильную позицию – выносится в заголовок

текста СМИ, усиливается гиперболичностью цифр в рекламном дискурсе; ср. заголовки типа Дело на сто миллиардов или рекламу 21 000 000 человек каждый день покупают ручки BIC.

Наконец, квантификация может выступать в роли жанрообразующего средства, например, в создании анекдота. В современных определениях анекдота подчеркивается его игровая природа: «Анекдот – сюжетно организованное речевое произведение, рассказ малого объема с игровой иллокутивной функцией» [5, с.4]. Э. Лендван [6, с.7] полагает, что анекдот – это уникальный жанр с подвижной многоярусной системой. Ведущий содержательный мотив анекдота — пародия. Анекдот – это антипод ритуализованной действительности, игровая форма отражения этой действительности. Homo ludens воспринимает и продуцирует речь с помощью ментальных механизмов категоризации и концептуализации мира. В описании анекдота лингвистика использует категории когнитивной семантики: фрейм – ментально-языковая структура, фиксирующая стереотипные ситуации, скрипт – культурно-обусловленный набор информации, вызываемый словом в сознании коммуниканта, и сценарий – ключевые слова текста, которыми нередко оказываются квантификативные характеристики различных уровней. Ср. жанрообразующую роль квантификации в дискурсе анекдота, где наиболее часто обыгрывается референтное (конкретное в значении единичности) и нереперентное (нейтрализованное, неопределенное) использование существительного книга:

Милиционеру хотят подарить на день рождения книгу, но жена предупреждает:

- Не надо, книга у него уже есть;

Помните анекдот про Рейгана? Накануне дня рождения американского президента приближенные спрашивают его жену Нэнси: Что подарить Рейгану – книгу или машину? - Книга у него уже есть, - отвечает в анекдоте жена президента.

Ср. также: У меня библиотека сторела. – Неужели вся? - Да, все две книги. [2, с.77-78].

- Мадам, на этой неделе вы сбили уже пять человек. Это уже слишком!

- А сколько можно?

Цит. по: [8, с.140].

Ср. также:

То обстоятельство, что формы степеней сравнения (даже форма превосходной степени) не всегда указывает, что признак действительно ярко выражен (Иван умнее Петра еще не обозначает, что Иван очень

умен), обыгрывается в таком анекдоте:

Парень – девушке:

- Ты самая красивая была на своем дне рождения!

- Спасибо! Я старалась!

- Специально гостей подбирала?

Нередко квантификатор выполняет роль важной аллюзии:

- Доктор, я боюсь вам признаться...

- Не волнуйтесь, рассказывайте. Нам, психиатрам, можно рассказывать все!

- Хорошо, доктор. Мне все время кажется, что, куда бы я ни пошел, за мной идут какие-то незнакомые люди...

- И давно кажется?

- Лет сорок...

- Ну, батенька, затянули вы визит ко мне. Будем лечить. Как вас зовут?

- Моисей...

Наконец, частотны анекдоты (особенно из серии «детских»), где сопоставляется точная и неточная квантификация:

- Мальчик, сколько тебе лет?

- Скоро восемь, а пока три.

Таким образом, многие особенности квантификации определяются стилевыми, жанровыми и (шире) дискурсивными параметрами текста, а также общей стратегией и отдельными интенциями отправителя речи. Признание важности высказывания (шире - дискурса- в целом,) для осуществления квантификации созвучны общим идеям функциональной грамматики и антропоцентрической парадигме в современной лингвистике. Исследование квантификаторов дает представление о реализации таких базовых текстовых категорий, как время, пространство, персональность. Поскольку частотность единиц текста указывает на важность для автора выражаемых ими смыслов, предпочтение тех или иных квантификаторов становится важной характеристикой авторского идиолекта и идиостиля. Интенциональная направленность текста на оценочное представление количества предопределяет ориентацию на принципиально неточную квантификацию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский Ин. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 386
2. Бирюков Н.Г. Феномен русского грамматического анекдота. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005.
3. Большакова Г.Н. Единицы с количественной, качественно-

количественной и количественно-оценочной семантикой в идиолекте и идиостиле В. Набокова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005.

4. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.

5. Доронина С.В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2000.

6. Лендван Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.

7. Павловская О.Е. Стиль: когнитивный потенциал. Краснодар: КубГАУ, 2006.

8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

УДК 81

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДЕРБЕНТСКОГО ДИАЛЕКТА)**

Баширова М.А.

**SEMANTIC TYPES OF AZERBAIJANIAN PHRASEOLOGISM
(ON THE MATERIAL OF DERBENT DIALECT)**

Bashirova M.A.

Статья посвящена комплексному изучению и описанию семантических типов и видов полисемантических, омонимичных, синонимичных и антонимичных диалектных фразеологизмов современного азербайджанского языка на материале дербентского диалекта. Автор системно исследует структуру и семантику таких диалектных фразеологических единиц, как фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, сравнительные обороты, делает попытку проследить историю их развития.

The article is dedicated to complex study and description of semantic types and forms of polysemantic, homonymous, synonymous and antonymous dialectal phraseologism of modern azerbaijani language on the material of Derbent dialect. The structure and semantics of dialectal phraseologism are studied systemly in it: phraseological unions, phraseological unities, phraseological combinations, phraseological expressions comparative turns, and it is also made an attempt to trace back the history of their development.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологические единицы, фразеологические сращения, фразеологические выражения, фразеологическое сочетание, лексика, семантика, диалектные слова, исконное слово, словосочетания, архаизмы, прямое значение, косвенное значение.

Keywords: phraseology, phraseologism, phraseological units, phraseological unions, phraseological expressions, phraseological combination vocabulary, semantics, dialectal words, primordial word, word-combinations, phraseological

unities archaisms, literal sense, figurative sense.

К числу малоразработанных аспектов фразеологии относится вопрос о типах значений фразеологических единиц в дербентском диалекте современного азербайджанского языка. Имеются два типа значений: основные и производные. В составе азербайджанского фразеологизма *İşi ortya çıxmaq* «не получаться (о деле)» содержится одно базовое значение. Его стержневое слово является омонимом слова *çola* «возможности»: *İşi çola düşməmək* «дела не идут». Вместе с тем не исключено, что здесь нет омонимов, и в составе фразеологизма представлено слово с омонимично развившимся значением. С точки зрения семантико-структурной выраженности выделяются два основных типа значений, которые совпадают с типами значений лексических единиц: 1) относительно свободное значение; 2) обусловленное значение.

Относительно свободным является значение большинства фразеологических единиц, в которых значение выражается в структурно-семантическом и грамматическом отношении независимо от речевой ситуации. Для фразеологизмов этого типа характерна относительно свободная сочетаемость с другими словами, широта парадигматических и трансформационных свойств, синтаксических функций [5].

К данному типу относятся и однозначные, и многозначные фразеологические единицы. Тем не менее, некоторые фразеологизмы могут содержать значение, более близкое к свободному, прямому, чем к переносному, например, *kap ətmək* «или случится, или нет», «то ли будет, то ли нет».

Фразеологизм *kef pozmaraq* «не обращать внимания» имеет несколько значений, тесно связанных между собой. Прямое значение рассматриваемого фразеологизма «не портя настроения» дает следующую эволюцию семантики: «не портить себе настроения - не обращать внимания, чтобы не портить себе настроения - не обращать внимания». Таким образом, можно выделить следующие основные типы фразеологизмов:

1. фразеологические единицы, смысловое содержание которых не связано со значениями ее компонентов. Так, например, в составе фразеологизма типа *carı səhənnəmdə* «у черта на куличках» значения компонентов не эквивалентны общему исходному значению. Мотивированность значения таких фразеологизмов может иногда сохраняться, ср. *od kəsək* «шустрый, быстрый человек», значения компонентов не связаны с общим значением, но в то же время это общее значение фразеологизма мотивировано именно данными компонентами, так как прямое значение

словосочетания «кусок огня» мотивирует исходное значение: кусок огня-подобный куску огня — быстрый, ловкий, шустрый как кусок огня.

В других же случаях такая прямая мотивированность теряется; так в составе фразеологизма *çül vermək* «уступить, не устоять» непосредственной мотивированности нет, так как семантика первого компонента сочетания уже не осознается говорящими. В первую группу сращений включаются такие фразеологические единицы (ФЕ), которые имеют в своем составе архаизм;

2. вторую группу составляют такие ФЕ, в которых каждый компонент в отдельности сохраняет свое значение и употребляется как самостоятельная единица, однако семантическое содержание всего целого не связано с прямыми лексическими значениями его компонентов.

Это значение возникает на основе переноса значений целого словосочетания в результате сложных впечатлений и ассоциаций, возникающих в сознании говорящих. Такой перенос значения основывается на сходстве внешней формы, характерного признака предметов и явлений: *uzaq tənha yer* «медвежий угол, отдаленное малонаселенное место, захолустье» [1].

Прямое значение ФЕ «отдаленное место» ассоциируется в сознании говорящего на таком общем признаке, как «отдаленное» —> «расположенное вдали от населенных мест» —> «захолустье». Сращение *xans qadın* - «кокетливая женщина, кокетка, привлекательная женщина» содержит компоненты, которые имеют в отдельности самостоятельное употребление, ср. *xans qollamaq* «употребить уксус». Новое фразеологическое значение явилось результатом переноса наиболее характерных признаков обозначаемых реалий. К этой группе фразеологизмов можно отнести и единицы типа *əli əyri* «нечистый на руку», *ayaq üstə* «не отдыхая, не отдыхает». Внутренняя форма может основываться на сходстве действия, но значение фразеологизма возникает на основе сильной гиперболизации данного образа. Значение фразеологизма основывается и на сходстве впечатлений, ощущений.

Своеобразную группу фразеологических сращений составляют единицы, мотивированность значения которых не сохранилась, а внутренняя форма (с точки зрения современного состояния языка) не объяснима. Возникновение их, видимо, связано с какими-либо древними обрядами и обычаями. Например, оборот *daşa yazılmaq* «быть увековеченным» отражает древний азербайджанский обычай, когда наиболее важные события данного общества писались на камне [6].

К указанным типам ФЕ относятся и фразеологизмы, компоненты

которых реализуют свое значение только в составе одной фразеологической единицы, то есть имеют фразеологически связанное значение. Обычно таких единиц насчитывается немного. Это относится и к современной азербайджанской фразеологии, где они также немногочисленны. Характерная особенность подобных сращений заключается в их структуре или составе. Исходя из особенностей структуры, целесообразно представить следующие подгруппы:

1. фразеологизмы, имеющие в своем составе заимствование, которое в других случаях не употребляется: *aqzının vəfası* *yoх* «язык без костей», «не знающий меру»;

2. фразеологизмы, имеющие в своем составе устаревшее исконное слово, ср. *eyəsisiz qalmaq!* «чтоб ты остался без хозяина! чтоб умер твой владелец (о вещах)!»

Фразеологические сращения азербайджанского языка характеризуются следующими особенностями:

1. нерасчленяемость словосочетания, например, сращение *mişovul kimi atılmaq* «ругаться, скандалить» содержит два компонента, при расчленении которых происходит полное разрушение словосочетания;

2. немотивированность значения, т.е. общее значение словосочетания не вытекает из значений компонентов фразеологизма; к примеру, семантика сращения *ruizusu bitmək*, «скончаться» не зависит от семантики его компонентов;

3. невозможность замены одного из компонентов сращения: замена одного из компонентов фразеологизма *həya etmək*, *ar etmək* «позорить, стыдить» приведет к разрушению сращения;

4. невозможность перестановки компонентов сращения: нельзя переставить компоненты сращения *ağzım suyu axır* «слюнки текут», так как в таком случае образность сращения исчезает и на первое место выступает прямое лексическое значение;

5. в составе сращения нередко встречаются лексические архаизмы, ср., например, *duluquna sıqmır* «очень толстый». Здесь в качестве архаизма выступает слово *duluq* «бурдюк»;

6. в составе сращений могут быть устаревшие грамматические формы типа *sana-bana çıxmaq* «ссориться, скандалить, ругаться» (оформление местоимений *sən*, *mən* дательным падежом –е);

7. для сращений характерна синтаксическая усеченность, т.е. утрата одного из компонентов прототипа. Так, например, современное сращение *quyu qazmaq* «вредить исподтишка» восходит к своему прототипу *bir kişiyə quyu qazmaq* «копать яму кому-либо». С точки зрения

истории развития сращений азербайджанского языка, представляется необходимым обратиться к материалу остальных тюркских языков, в первую очередь, карачаево-балкарского и кумыкского. Не менее интересны данные турецкого языка, имеющие тесную связь с азербайджанской фразеологией.

Самую значительную по количеству групп составляют фразеологические единицы, значения которых мотивированы наличием этого же словосочетания в целом во внефразеологическом употреблении. Однако слова, вошедшие в состав фразеологизма, не сохраняют свою семантику, а словосочетание (в целом) переосмыслено. Эти фразеологические единицы именуются фразеологическими единствами [4]. Данный тип фразеологизмов весьма разнообразен по семантическим связям и грамматической структуре со свободными словосочетаниями:

1. фразеологические единства, значения которых возникают в результате переноса значения свободного словосочетания в целом, компоненты в составе фразеологизма теряют свое лексическое значение. Семантика фразеологической единицы основывается на конкретном образе, который легко осознается говорящим на данном языке: *cəld olmaq* «действовать активно, ловко, умело».

Фразеологизм *adam quranına qoşulmaq* «стать взрослым, совершеннолетним» соответствует карачаево-балкарской параллели *adam böyümək* «1) быть совершеннолетним, взрослым; 2) стать порядочным человеком; 3) исправить свое поведение; 4) оправиться от болезни».

2. сравнительные обороты также относятся к разряду фразеологических единств, их значение мотивировано наличием конкретного образа, связанного с предметами и явлениями действительности. Однако значение каждого компонента в составе фразеологизма в них также не сохраняется, а смысл единицы создается словосочетанием в целом: *ürəyi dağ kimi olmaq* «красоваться, гордиться».

3. опосредованная связь между значениями компонентов и фразеологической единицей наблюдается и в так называемых фразеологических выражениях. Фразеологические выражения, хотя и сходны по структуре с некоторыми пословицами, поговорками, тем не менее, всегда выражают понятия, употребляются в образно-метафорическом значении, в речи выполняют функцию предикативного члена или вводного словосочетания с модальным оттенком. Их смысл создается сочетанием слов в целом, а не сложением значений компонентов [3]: *Arxasından yük düşmək kimi olmaq* «почувствовать облегчение»:

4. соотносительность значения целого со значениями его частей по-

зволяет выделить следующий тип фразеологизмов. В лингвистике этот разряд определяется как фразеологическое сочетание. Связь смыслового содержания единицы в целом со значениями его компонентов, как слов свободного употребления, может быть весьма разнородной: соотносённость с переносными значениями нескольких или одного компонента, связь с прямыми, основными значениями и оттенками значений и т. д. [1].

Artdan düşmək «преследовать, ухаживать». Здесь важна соотносимость с переносными значениями всех компонентов. Оба компонента выступают самостоятельно в данном значении во фразеологическом употреблении. *ədəbsiz adam* «невоспитанный» - фразеологизм имеет в своем составе архаическое слово *tərəf* «сторона». Смысловым центром атрибутивных словосочетаний выступает обычно компонент, выраженный прилагательным, хотя именной компонент при внефразеологическом употреблении имеет соответствующее переносное значение.

Смысловая соотносённость с компонентами характерна и для глагольных фразеологизмов, в которых и именной, и глагольный компоненты в отдельности тоже имеют переносное значение: *başına ağıl tökmək* «вразумить», *ağılı olmaq* «власть имущий», *qudurğanlıq etmək, qudurğun olmaq* «с жиру бесится».

Acı bəniz «1) злое лицо; 2) злой (о человеке)».

Главная особенность фразеологических сочетаний – наличие в их составе как прямого, так и переносного значений. Например, подобное явление наблюдается в составе азербайджанского диалектного фразеологизма *gizlicə zərər vətək* «вредящий исподтишка». Изучение формы и структуры азербайджанских фразеологических сочетаний позволяет заключить, что в составе фразеологического сочетания компоненты имеют как свободное, так и связанное, фразеологическое значение: *əksik görmək* «считать позорным, недостойным». Данное словосочетание имеет неразрывное сочетание прямого и переносного значений.

Это сочетание дает в азербайджанском языке и определенные парадигматические ряды типа: *əksik gördüm* «я считаю это недостойным, позорным», *əksik görür* «он считает это позорным» и т.д.; образные компоненты словосочетаний могут сочетаться и с другими словами вне данного фразеологизма: *qara ürək* «злое сердце» (слово *qara* «злой, злое» сочетается и с другими элементами типа *qara soyq* «жестокий мороз», *qara gün* (досл.: беда, несчастье) «черный, злой день», *qara qorxu* «угроза»; образным значением может обладать только один из компонентов сочетания: *dövür sürmək* «жить в свое удовольствие». Здесь образность

характерна глаголу *sürmək*, имеющему прямое значение «пахать».

В состав сочетаний должны быть включены и так называемые фразеологические выражения, которые по своей структуре и семантике почти ничем не отличаются от фразеологических сочетаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гусейнов Ф.Г. Русская фразеология. - Баку, 1977.
2. Гусейнов Ф.Г. О значении и употреблении фразеологических единиц в связи с дифференциацией их окружения и распространения // Уч. зап. Азерб. гос. ун-та. Серия языка и лит-ры. - Баку, 1971.
3. Мамедов М.Б. Об использовании фольклорных материалов фразеологического характера в публицистическом стиле // Советская тюркология. 1975. № 2. С. 91-101.
4. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка - Л., 1977.-284 с.
5. Шанский М.Н. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие для вузов. - М., 1985. - 160 с.
6. Ширалиев А.М. Диалекты и говоры азербайджанского языка. - Баку, 1983. - 191 с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

ИСТОКИ РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Бурменская Д.Н., Положенкова Е.Ю.

SOURCES OF GROWTH OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE MIRROR OF THE WESTERN HISTORIOGRAPHY AND SCIENCE PHILOSOPHY

Burmenskaja D.N., Polozhenkova E.J.

Авторами рассматриваются сформировавшиеся в западной философии науки две противоположные модели, объясняющие развитие научного знания: экстернализм и интернализм. В статье делается вывод о том, что как жесткие, так и мягкие версии и той, и другой моделей неприемлемы для исследования данной проблемы, а результативным представляется лишь диалектический подход.

Authors consider the sciences generated in the western philosophy two opposite models explaining development of scientific knowledge. In the article is represented the conclusion that both rigid, and soft versions and those and other models aren't comprehensible to research the given problem becomes, and there is need of the productive dialectic approach.

Ключевые слова: наука, научное познание, философская рефлексия, экстерналисты, интерналисты, философия, религия.

Keywords: a science, scientific knowledge, a philosophical reflection, экстерналисты, интерналисты, philosophy, religion.

Целью статьи является исследование философской рефлексии движущих факторов роста научного знания в западной историографии и философии науки. Корни данной проблемы можно обнаружить еще в полемических рассуждениях софистов и Сократа о соотношении социально-культурных и объективных параметров познания, а в XX веке она не только не утратила актуальность, но приобрела новую остроту (в связи с трансформацией норм и идеалов неклассической и постнеклассической науки).

Вопрос о движущих силах развития научного познания стал предметом философско-методологической рефлексии в западной постпозитивистской философии науки в 60-е–70-е годы XX века. Постпозитивистские дискуссии по данной проблематике явились продолжением методологического спора между экстерналистами и интерналистами, разгоревшегося в западной историографии и философии науки в 30-е гг. XX столетия. Интерналисты, видными представителями которых выступили А. Койре, Р. Холл, П. Росси, Г. Герлак, И. Лакатос, К. Поппер и другие приверженцы постпозитивистской философии науки, обосновывали в качестве главной движущей силы генезиса и развития науки имманентно присущие ей внутренние цели, средства и закономерности. При этом интернализм явился оппозицией экстернализма, представители которого определяли социальные факторы главной действующей силой как на этапе генезиса науки, так и на последующих этапах развития научного познания.

С точки зрения сторонников интернализма, научное знание представляет собой саморазвивающуюся систему. Содержание этой системы не связано с социально-культурными условиями ее бытия, уровнем развития социума и характера таких его подсистем, как экономика, техника, политика, право, социальная структура, мораль, искусство. Что касается вопроса о соотношении развития науки и таких интеллектуальных факторов, как философия и религия, то здесь среди интерналистов единодушия достигнуто не было. Один из основателей и признанных лидеров данного направления, А. Койре, в отличие от большинства его единомышленников, считал признание тесной связи науки с философией и теологией важным методологическим принципом исторического исследования научного познания. Далее мы еще вернемся к концепции «мягкого» интернализма А. Койре, ибо она представляет особый инте-

рес для исследования нашей темы. Остановимся на рассмотрении более «жесткой» версии интернализма, представленной идеями К. Поппера, фундаментально, онтологически обосновавшего правомерность интерналистской доктрины развития научного знания.

В процессе развития научного познания, с точки зрения К. Поппера, взаимодействуют три самостоятельные, причинно не связанные друг с другом вида реальности: физический мир (природа), психический мир (деятельность человека), мир знания (идеи, концепции, теории). Создатель мира знания – человек. Однако с какого-то момента мир знания превратился в независимую объективную реальность, изменения в которой полностью связаны с ее внутренними возможностями и предшествующим состоянием. К. Поппер, определяющий знание как «третий мир», который существует также, как и другие «миры», находит много общего между своим «третьим миром», платоновским миром идей и гегелевским объективным духом. В еще большей степени он видит связь между «третьим миром» и универсумом суждений в себе и истин в себе Б. Больцано, а также универсумом объективного содержания мышления Г. Фреге. А нумерация миров и их количество – это, с его точки зрения, вопрос соглашения.

Согласно К. Попперу, объектами «третьего мира» являются теоретические системы, проблемы, проблемные ситуации, критические аргументы, а также содержание журналов, книг, библиотек. Факт существования проблем, теорий, предположений, книг и т.д. не вызывает сомнения. Однако считается, что они являются символическими или лингвистическими выражениями субъективных состояний мышления и средствами коммуникации. Для доказательства самостоятельного существования «третьего мира» К. Поппер приводит аргумент, объединяющий в себе два мысленных эксперимента:

1. представим ситуацию, в которой произошло разрушение орудий и машин, утрачены наши субъективные знания о них и о том, как ими пользоваться, но сохранились библиотеки и наши навыки работы с ними. Это обстоятельство после длительных усилий приведет к тому, что цивилизация будет восстановлена.

2. в данной ситуации повторяется предыдущая, т.е. разрушены машины, орудия, субъективные знания, но вместе с ними и библиотеки, что делает способность учиться из книг бесполезной. Все это говорит о том, что наша цивилизация (даже по прошествии тысячелетий) не сможет восстановиться. Данное положение свидетельствует о реальности, значимости и независимости «третьего мира» [1, с.25-33].

Введение К. Поппером понятия «третий мир» оказало существен-

ное влияние на понимание задач гносеологии. Неопозитивистская гносеология рассматривала знание с точки зрения обыденного употребления слов «знаю» или «мыслю», т.е. в субъективном смысле. Эта установка мешала ей изучать научное познание, т.к. научное познание нельзя свести к обыденному использованию слова «знаю». Знание относится ко «второму миру» при употреблении понятия «знаю», например, в словосочетании «я знаю». Таким образом, знание принадлежит миру субъективного сознания. Научное же знание относится к миру объективных теорий, проблем и решений, а значит, это – «третий мир». В объективном смысле на знание не влияют ни признание или деятельность, ни чья-то вера или согласие. Объективный смысл ему придает характер знания без познающего человека, т.е. знание находится вне познающего субъекта.

К. Поппер приводит дополнительный аргумент в защиту автономного существования «третьего мира», который он строит на основе определенной биологической аналогии. Так, биолог может заниматься изучением животных, но может исследовать и продукты их деятельности, например, изучать самого паука или сотканную им паутину. Иначе говоря, он может работать с двумя группами проблем: вопросы, связанные с изучением, например, того или иного животного, и вопросы, возникающих в связи с изучением продуктов его деятельности. Проблемы второго рода, считает К. Поппер, более значимы, так как по продуктам деятельности часто можно узнать о животном больше, чем путем его непосредственного изучения. То же самое применимо к человеческой деятельности и ее результатам - технике, науке, искусству. По аналогии мы можем также дифференцировать изучение деятельности ученого и продуктов этой деятельности.

Важное место в попперовском дискурсе занимает осмысление одной из основных причин субъективистского подхода к рассмотрению знания. Она заключается в весьма распространенном убеждении в том, что книга без читателя – это лишь бумага, испачканная краской, она становится собственно книгой лишь в том случае, если ее кто-то читает. С точки зрения К. Поппера, это убеждение – большое заблуждение. Паутина остается паутиной, утверждает он, даже если соткавший ее паук исчез; птичье гнездо остается гнездом, даже если в нем никто не живет. Аналогично и книга остается книгой – продуктом определенного рода – даже в том случае, если ее никто не читает.

Иными словами, всякая книга содержит объективное знание – истинное или ложное, полезное или бесполезное, а вот читает ее кто-нибудь и понимает ее содержание – это дело случая. По мнению К. Поппера, человек, читающий книгу с пониманием, - это вообще довольно большая

редкость. Но даже если бы таких людей было много, всегда существовали бы ложные понимания и ошибочные интерпретации. Следует подчеркнуть, что автономия является главной характеристикой «третьего мира». Хотя «третий мир» является созданием человека, результатом его деятельности, он, подобно другим произведениям человека, существует и развивается независимо от него по своим собственным имманентным законам. К. Поппер иллюстрирует эту мысль примером из истории математики. Последовательность натуральных чисел является творением человека, однако, возникнув, она порождает свои собственные проблемы, о которых люди и не предполагали, создавая натуральный ряд.

Например, различие между четными и нечетными числами обусловлено уже не деятельностью человека, а является неожиданным следствием нашего творения. Иначе говоря, в «третьем мире» возможны все те явления, с которыми мы сталкиваемся при изучении «первого мира» - мира природы: возможны факты, которые человек вынужден открывать, а также гипотезы, предположения и опровержения.

Развивая концепцию «трех миров», К. Поппер старается решить сложную проблему их взаимосвязи. По его мнению, «второй мир» субъективного сознания или человеческой деятельности выступает посредником между «первым» и «третьим» мирами, которые в непосредственный контакт вступить не могут. При этом философ обращает особое внимание на то влияние, которое «третий мир» оказывает на «первый мир» физических объектов. Дело в том, что именно в этом влиянии проявляется объективное существование «третьего мира». Данное влияние опосредовано «вторым миром» следующим образом: люди, усваивая идеи, концепции и теории «третьего мира», развивают их технические приложения, а своей практической деятельностью, которая направляется интеллектуальным содержанием «третьего мира», вносят изменения в «первый мир».

Подводя итог анализу концепции «трех миров» К. Поппера, заметим, что его теория является онтологическим обоснованием рационалистской версии интернализма, берущей истоки в методологии классического рационализма Р. Декарта и Г. Гегеля. Представители данной версии интернализма считают источником динамики научного знания, как уже отмечалось выше, имманентные теоретические изменения. Эти изменения понимаются либо как интеллектуальный продукт когнитивного творческого процесса, либо как результат перекомбинации уже имеющихся идей (несущественные идеи становятся существенными и, наоборот; объяснимые – объясняющими и т.д.). Иными словами, в основе рационалистского интернализма лежит интеллектуальный пре-

формизм, согласно которому все возможное содержание знания уже предзадано неким множеством априорных базисных идей. Научные наблюдения интерпретируются при этом лишь как один из внешних факторов, инициирующих процесс творчества и перекombинацию мира идей для достижения большей степени его приспособления к наличным воздействиям внешней среды.

Однако в истории науки выделяют также эмпиристский вариант интернализма, согласно которому главным источником роста содержания научного знания является установление новых фактов, т.е. «первый мир», по терминологии К. Поппера. При этом теория понимается как некое вторичное образование, представляющее собой систематизацию, классификацию и обобщение фактов (классическим предтечей эмпиристского варианта интернализма в историографии науки был, например, Дж. Гершель). Для представителя эмпиристского интернализма концепция «трех миров» К. Поппера носит явно метафизический характер, а поэтому неприемлема.

При наличии существенных расхождений в понимании источника развития научного знания большинство представителей обеих версий интернализма не отрицает влияния на динамику науки социальных условий (степени востребованности обществом научного знания как средства решения различных социальных проблем, влияния на науку вненаучных форм знания и т.д.). Однако считает его чисто внешним, никак не касающимся самого содержания научного знания, четко разделяя «внутреннюю историю» науки и ее «внешнюю историю». Среди воззрений представителей рационалистского интернализма выделяется, как уже отмечалось выше, позиция А. Койре, отличающаяся иным, по сравнению, например, с К. Поппером и др., пониманием связи науки с такими вненаучными когнитивными практиками, как философия и религия, а также трактовкой характера роста научного знания.

В основе интерналистской программы французского философа и историка науки лежит традиционная для интернализма мысль о том, что не существует зависимости между состоянием общества и состоянием науки в определенное время, а, следовательно, и научное знание в его динамике не может быть объяснено иначе, как из самого себя. В этой связи, полемизируя с экстерналистами, он замечает: «Мне кажется тщетным желание вывести греческую науку из состояния городов... Афины не объясняют ни Евдокса, ни Платона. Тем более Сиракузы не объясняют Архимеда или Флоренция – Галилея. Я считаю, что то же самое верно и для Нового времени и даже для нашего времени, несмотря на сближение чистой и прикладной наук...» [2, с.279]. Таким образом,

А. Койре продолжает традицию «истории идей» или «интеллектуальной истории науки». Однако в ходе полемики с позитивистами она им радикально переосмысливается по двум направлениям.

Во-первых, «внутренняя история» науки трактуется им максимально широко, т.е. не сводится к простой смене идей и теорий, а включает заблуждения и ошибки познающего разума. Они перестают быть чем-то внешним и случайным по отношению к науке, а становятся вполне конструктивными для своей познавательной ситуации элементами ее развития, позволявшими заполнить возникшие и по-другому в тот момент не объясненные трудности в исследуемой проблематике. Иначе говоря, история человеческого духа вовсе не может быть представлена линейно. Эта идея А. Койре оказывается одним из оснований для опровержения позитивистского тезиса о кумулятивном характере развития научного знания, а для обоснования положения о «разрывах» («мутациях», по А.Койре) в интеллектуальной (в том числе, научной) истории, смене способов самого видения реальности.

Во-вторых, «внутренняя» история науки понимается А. Койре, в отличие от позитивистов, как единый процесс развития науки, философии и религии. В этой связи исследователь даже вводит термин «философская история науки». Для позитивистской же истории науки характерно мнение, согласно которому причина бесплодности античной и средневековой науки состояла в доминировании метафизики над наукой, только в эпоху научной революции XVI-XVII вв. началось постепенное освобождение науки от диктата философии. А. Койре приводит примеры современных ему историко-научных исследований, в которых прямо или косвенно утверждается мысль об отсутствии всякой связи науки с философией. Он цитирует работу «Процедура и метафизика» Э.Стронга, в которой весьма скептически пишет о том, что «философские предисловия и введения, которые великие творцы современной науки предпосылают своим трудам, чаще всего бывают не более чем данью вежливости и традициям, ... и что там, где они обнаруживают свои искренние и глубокие убеждения, эти прелиминарии... имеют отношение... к действительной работе этих великих творцов, не больше, - чем их религиозные убеждения...» [2, с.13].

Лидер интернализма, принципиально возражая против позитивистской демаркации науки и вненаучных форм познавательной деятельности, следующим образом конкретизирует основные методологические установки собственной доктрины: «а) научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли; б) великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских

концепций; в) научная мысль – речь идет о физических науках – развивалась не в вакууме; это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксиоматической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии» [2, с.14-15].

На конкретном материале А. Койре, в частности, показывает, как метафизические и религиозные воззрения И. Ньютона или мистико-астрологические спекуляции И. Кеплера напрямую связаны с формированием их научных теорий. Так, в одной из своих работ французский ученый замечает, что хотя кеплеровские концепции могут показаться странными, «тем не менее - бесспорно то, что именно любопытное уподобление... сферы мира и Божественной Троицы руководило его мыслью и что именно эти мистические спекуляции привели его к тому, чтобы сделать Солнце центром Космоса (столь же динамическим, сколь и архитектурным) и тем самым внести в систему Коперника свое первое и очень важное изменение» [2, с.272].

Весьма показателен также вывод, к которому приходит А. Койре в результате анализа взглядов Ньютона: «В ньютоновском мире, как и в ньютоновской науке, не человек, а бог является мерой всех вещей. Последователи Ньютона, - продолжает размышлять исследователь, - могли позволить себе забыть об этом, полагая, что больше не нуждаются в гипотезе о боге – этих «строительных лесах», уже не нужных построенному зданию. Они ошиблись: лишенный своих божественных подпорок Ньютонов мир оказался непрочным и неустойчивым – столь же непрочным и неустойчивым, сколь смененный им мир Аристотеля» [2, с.21].

Для обозначения философских и религиозных воззрений ученых французский историк науки не случайно использует метафоры «строительные леса», «подпорки» или понятия «философские субструктуры» и «философский горизонт». Он настаивает на том, что изменение философских и религиозных оснований видения мира подготавливает саму возможность радикальных перемен в научном познании. В частности, с этими вненаучными факторами (а не только «узкой» научной задачей преодоления разрыва между физической и математической астрономией) А. Койре связывает победу интеллектуальной революции, начатую Н. Коперником.

Именно данные основания представляют собой глубинные устойчивые и категориально оформленные идеальные структуры, позволяющие или не позволяющие появиться и оформиться новым научным теориям и идеям. Эти структуры и обеспечивают нам восприятие и понимание мира таким, каким мы его воспринимаем и понимаем, а

их изменение есть радикальная интеллектуальная ломка, вызывающая, в свою очередь, научные революции. Научные революции есть результат радикальных «мутаций человеческого интеллекта», провоцирующих разрыв преемственности научного знания и требующих перестройки миропонимания (в целом).

Согласно логике А. Койре, физика Нового времени не является продолжением ни античной физики Аристотеля, ни физики импето Ж.Буридана и Н. Орема, хотя, безусловно, в силу внутренних закономерностей интеллектуального развития она была бы невозможна без них. Это фундаментальное положение А. Койре первоначально аргументировал посредством тщательного анализа радикальной смены теоретических построений Галилея, являвшегося вначале сторонником физики импето, но ставшего впоследствии истинным, с точки зрения А. Койре, основателем классической физики. В более поздних работах (под этим углом зрения) А. Койре исследовал творчество Ньютона и Декарта. Наиболее полное воплощение эти идеи получили у французского историка и философа в его целостной концепции научной революции XVI-XVII вв., которую следует рассмотреть более подробно.

Согласно А. Койре, научной революции были присущи две наиболее существенные черты: во-первых, замена конечного и иерархически упорядоченного Космоса Аристотеля бесконечной Вселенной, связанной в единое целое (благодаря идентичности своих элементов и единообразию своих законов); во-вторых, геометризация пространства, т.е. замещение конкретного пространства Аристотеля абстрактным пространством геометрии Евклида. Если структура Космоса состояла из двух по-разному организованных миров (земного и небесного), то новоевропейский Универсум представлял собой гомогенный единообразный мир.

Замена Космоса Универсумом потребовала иного языка его описания. Создание математического языка описания (в терминах геометрии Евклида) явилось обязательным условием возникновения классической науки. Если этот язык в античной и средневековой науке применялся только для изучения «надлунного мира», то в описании Вселенной Нового времени он стал универсальным научным инструментом. Соответственно в античности была возможна лишь математическая астрономия, а «подлунный мир» познавался на основе чувственного восприятия. Изобретение в Новое время процедуры экспериментирования сделало не только возможным, но и необходимым возникновение экспериментального математического естествознания.

Особенно важным для понимания истории науки становится, с

точки зрения А. Койре, выявление того метода, посредством которого научная мысль осознавала себя и противопоставляла себя тому, что ей предшествовало. Эта задача возвращает историка науки к необходимости исследования «метафизики» и требует переосмысления соотношения теории и эмпиризма. В этой ситуации обнаруживается, что в ново-европейской науке единственными объектами оперирования становятся идеализированные абстрактные объекты, которые в реальном мире не существуют. Эти объекты нельзя получить непосредственно из опыта, наоборот, они предшествуют ему. По мысли А. Койре, наука принципиально теоретична: «Хорошая теория построена a priori. Теория предшествует факту. Опыт бесполезен потому, что уже до всякого опыта мы обладаем знанием того, что ищем. Фундаментальные законы движения (и покоя), законы, определяющие пространственно-временное поведение материальных тел, суть законы математической природы. Той самой природы, что и законы, управляющие отношениями фигур и чисел. Мы их находим и открываем не в природе, а в нас самих» [2, с.75].

В данном контексте (с точки зрения основателя интернализма) прав оказался, скорее, платонизм, сосредоточившийся на познании души, чем аристотелизм, призывавший к непосредственному познанию вещей. А новая наука явилась своего рода «экспериментальным доказательством платонизма». В этой связи вспоминается известное высказывание А. Койре, о том, что «наука есть реванш Платона» у линии Аристотеля в понимании природы познания.

Итак, следует заключить, что французский исследователь А.Койре остается в рамках интерналистской парадигмы, отрицая связь между социально-экономической и политической структурой общества, с одной стороны, и состоянием науки того или иного времени, с другой. Поэтому, видимо, не случайно, среди множества интересных и глубоких рассуждений А. Койре, не удается обнаружить убедительных аргументов относительно причин, которые привели к замене античного понятия разнокачественного, иерархически упорядоченного замкнутого Космоса гомогенным бесконечным Универсумом. Как справедливо замечает в этой связи В.С. Черняк, «...Он, однако, не пытается проанализировать связь аристотелевской космофизики с греческим социумом, иначе говоря, вопрос о социальной детерминированности данной философской концепции» [2, с.280].

Вместе с тем, оставаясь (в целом) в рамках интерналистской парадигмы, концепция А. Койре существенно отличается от методологических установок К. Поппера и других представителей интернализма в плане ее оппозиции кумулятивизму и значительном ослаблении демар-

кации между наукой, с одной стороны, и философией и религией - с другой. Эти особенности воззрений французского философа и историка сближают их в некоторой степени с парадигмой экстернализма. Экстерналист Т. Кун подчеркивал то огромное влияние, которое на его воззрения оказали идеи А. Койре. Если концептуальные построения К.Поппера можно считать примером «жесткого» интернализма, то теорию А. Койре скорее его «мягкой» версией.

Оценивая эвристический потенциал интерналистской программы (в целом) следует отметить такие ее характерные черты, как выявление преемственности в росте научного знания, а также его направленность на объективную истину. Однако крайне проблематичной представляется явная недооценка его представителями социокультурной, исторической и субъективно-психологической природы научного познания, а также чрезмерное акцентирование качественной специфики научного знания по сравнению с внеучными когнитивными практиками. С точки зрения интернализма, фактически призывающего абстрагироваться от социального и исторического времени бытия науки, история науки выступает как абсолютно самостоятельный и независимый по отношению к обществу и его потребностям процесс. В этой методологической ситуации сторонникам интернализма приходится либо особенно акцентировать внимание на роли случайности и индивидуального творчества конкретных ученых, либо в случае интернализма (гегелевского типа), опирающегося на преформизм, доказывать, что всякая последующая идея вытекает из предыдущей идеи с диалектической необходимостью.

Экстерналисты же исходят из убеждения, что основным источником развития научного познания, определяющим не только направление, темпы его развития, но и содержание научного знания, являются потребности общества, его материальный и духовный потенциал, а не сами по себе новые факты или внутренняя объективная логика науки. Согласно воззрениям экстерналистов, в научном познании познавательный интерес не имеет самодостаточного характера, ибо он, в конечном итоге, всегда определяется неким практическим интересом, необходимостью решения множества инженерных, технических, технологических, экономических и социально-гуманитарных задач.

Наиболее интенсивно экстерналистская программа в западной историографии науки разрабатывалась в 30-е годы XX века (Р. Мертон, Дж. Бернал, Э. Цильзель, Д. Нидам и др.), а в 70-х гг. – в рамках философии и социологии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей, М. Полани и др.). Идейные истоки экстернализма можно обнаружить в философии и науке Нового времени, когда научное познание стало трактоваться в

его непосредственной связи с ростом материального могущества человека, взаимодействующего с природой, а также с совершенствованием главного инструмента этого могущества – техники. Лозунг Ф. Бэкона «Знание – сила», в котором он сформулировал характерный для Нового времени взгляд на назначение науки явился лаконичным выражением духа будущего экстернализма. Обоснование практической природы науки, ее обусловленности наличными социальными формами практической деятельности человека стало одной из характерных черт марксистской философии.

При всем единстве сторонников экстернализма в признании существенного влияния общества и культуры на развитие науки, в их взглядах существуют значительные расхождения в признании значимости различных социально-культурных факторов в этом влиянии. Так, например, Дж. Бернал считает главными причинами, влияющими на развитие науки, экономические, технические и технологические потребности общества, другие исследователи – тип социальной организации, третьи – культурную доминанту общества, четвертые – специфику наличного духовного потенциала общества (религии, философии, искусства, нравственности, архетипов национального самосознания), пятые – характер взаимодействия всех указанных выше факторов, шестые – социальный и социально-психологический контекст деятельности научных коллективов и отдельных ученых (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей и др.).

Интегративную версию решения рассматриваемой проблемы в рамках экстернализма представил в 70-е годы XX века американский историк науки Е.М. Клаарен, занимавшийся исследованием генезиса науки. По его мнению, проблема должна рассматриваться в широком историко-культурном контексте: «Истинно адекватное объяснение возникновения современной опытной науки потребовало бы полного историко-философского анализа раннего периода западной культуры Нового времени в отношении к предшествующей и последующей эпохам. Такое объяснение должно бы включать также широкий спектр сравнений между западной и незападной культурой. В него входили бы не только история науки самой по себе, но также история философии, технологии, религии, политики, экономики и т.п. «Потребовалась бы не только интеграция этих дисциплин, - утверждает американский ученый, - но и анализ возможностей их синтеза. Более того, одних историй... оказалось бы недостаточно. Чтобы продвигаться в этой огромной задаче, потребовалось бы нечто вроде исторически-обоснованной философии культуры, опирающейся на тщательно отработанную методологию» [3, с.1].

Еще одним важным пунктом расхождений среди экстерналистов является проблема границы влияния социально-культурных факторов на развитие науки. Суть данной проблемы заключается в ответе на вопрос, влияют ли социальные факторы только на направление и темпы развития науки или также и на метод науки и ее когнитивные результаты, т.е. на содержание знания. Решение этой проблемы претерпело определенную историческую эволюцию. Приблизительно до 70-х гг. большинство сторонников экстерналистской доктрины ограничивало степень влияния социально-культурных факторов на развитие научного познания, придерживаясь идеи ценностной нейтральности науки.

В основе этой идеи лежало признание зависимости содержания науки только от содержания объекта, но не социальных условий, а также обладания ею истинным методом, независимым по отношению к этим условиям и применяющим его субъектам. Эти воззрения коррелировались с нормативно-универсалистским подходом Р. Мертона, который в исследовании науки как социального института исходил из представления о существовании неизменных универсальных стандартов поведения ученых (или этоса науки). Иначе говоря, сфера социально-культурного влияния на развитие научного познания ограничивалась воздействием только на темпы и направления научного исследования. При этом исключение делалось лишь для социальных и гуманитарных наук, в которых признавалось значительное влияние на концептуальные построения ученых социальных интересов и ценностно-мировоззренческих установок, разделяемых данными учеными (Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Мангейм, Ю. Хабермас и др.).

Примерно с 70-х годов XX века в западной методологии, социологии и истории науки постепенно возобладали воззрения, ставящие под сомнение представления об инвариантности и объективности научного метода и научного этоса. Становлению так называемой «постмертоновской парадигмы» способствовало опубликование работ Т. Куна, создавшего намного более сложный образ науки. Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей, М. Полани, Д. Бом, а также представители современной школы когнитивной социологии науки (С. Вулгар, Б. Варне, К. Кнорр-Цетина и др.) в своих работах показали парадигмальность, историчность, ценностную обусловленность как самого процесса научного познания, так и всех его результатов. С их точки зрения, эти методологические позиции дают возможность адекватно объяснить качественные скачки в развитии научного знания, формы профессионального поведения ученых, частичную несоизмеримость сменяющих друг друга фундаментальных теорий, конкуренцию альтернативных научных гипотез и программ и т.п.

Если интернализм недооценивает наличие сложных взаимосвязей между наукой и социально-психологическими, а также культурно-историческими условиями ее развития и функционирования, то слабой стороной экстернализма является постоянная опасность недооценки его представителями относительной самостоятельности и независимости науки по отношению к социуму и культуре, скатывание на позиции персоналистского либо культурно-исторического релятивизма в эпистемологии (П. Фейерабенд, Р. Рорти и др.). В этой связи следует отметить, что глубокий критический анализ трех видов эпистемологического релятивизма был проведен в работах известной отечественной исследовательницы философии науки Е.А. Мамчур.

Согласно ее позиции, первый – персоналистский – восходит к Протагору и его знаменитому тезису о том, что человек есть мера всех вещей. «Принятие этого тезиса привело бы к психологизму в трактовке научного знания», - подчеркивает Е.А. Мамчур [4, с.20]. Второй – «когнитивный релятивизм» заключается в утверждении, что «в научном познании не существует критериев адекватности научных теорий действительности», поэтому выбор единственно верной теории из ряда альтернативных концепций представляется невозможным, они все признаются равноценными. Суть третьей разновидности эпистемологического релятивизма – его культурно-исторической версии – в тезисе о детерминации характера и содержания научного знания той культурой, в условиях которой это знание развивается. Если персоналистский и когнитивный релятивизм коррелируются с синхронным аспектом бытия научного познания, то его культурно-историческая разновидность - с диахронным аспектом, т.е. знанием, взятом в его историческом развитии. «Этой точки зрения придерживался О. Шпенглер. Эту точку зрения отстаивают современные социологи познания, такие как Д. Блур, С.Фулер и др.»,- отмечает Е.А. Мамчур [4, с.20].

В решении проблемы социокультурной детерминации развития науки методологической позицией, близкой культурно-историческому релятивизму, является социологизм и экономизм. Критическому анализу его специфики с марксистских позиций уделила внимание другая известная отечественная исследовательница Э. Цильзея, Дж. Бернала, С.Рестиво, Г. Томсона и др. Как отмечает Л.М. Косарева, Г. Томсон возникновение абстрактных теоретических понятий античности связывает с появлением в античном обществе товарного производства и обмена. При этом он «трактует гераклитовский «огонь» как «всеобщий эквивалент», Эдипа как «нового человека» в обществе товаропроизводителей,

... аристотелевский перводвижитель как отражение системы присвоения «гомогенного рабского труда». В этом же духе Г. Томсон анализирует пифагорейское понятие числа, платоновскую теорию идей, аристотелевскую логику, парменидовское понятие «единого» [5, с.5].

Другой социолог науки С. Рестиво делает вывод о том, что математика Нового времени сформировалась из потребности решения инженерных проблем, планирования фортификаций и т.п. «Рестиво утверждает, что математический анализ возник как более или менее прямой ответ на главные научные проблемы XVII века, обусловленные развитием торгового капитализма...Рестиво говорит о математическом анализе и аналитической геометрии, связанных с именами Декарта, Барроу, Ньютона, Лейбница и др. как о «буржуазной математике» [5, с.6].

С точки зрения отечественной исследовательницы, ошибочность воззрений зарубежных экстерналистов заключается в том, что все они сводят истоки развития научного познания к потребностям экономического производства, игнорируя при этом «важнейшее промежуточное звено – широкий культурный контекст, духовную атмосферу исследуемой эпохи, т. е. человека. «В этом плане разложение средневекового и становление буржуазного способа производства, - отмечает Л.М. Косарева, - потребовали, в первую очередь, не просто развития механики, а развития нового типа производителя материальных и духовных ценностей (в том числе, науки механики)» [5, с.13].

При этом исследовательница обращает внимание на то обстоятельство, что новые научные идеи XVI -XVII столетий были мало связаны с экономическим производством. Они возникали и получали поддержку и признание, так как отвечали глубоким мировоззренческим потребностям человека этого времени, отвечали на острые вопросы его бытия. Опираясь на тезис о функционировании науки в культуре в трех контекстах – образовательном, мировоззренческом и прикладном, Л.М.Косарева утверждает, что в период становления науки Нового времени преобладал именно мировоззренческий контекст, связанный с формированием в культуре нового типа личности, способного сделать себя своими силами. Иначе говоря, вульгарный экономизм связан с непониманием не только сложной опосредованности влияния экономических факторов на научное знание контекстом духовной культуры, но и разной степени интенсивности этого влияния в различные периоды развития науки.

Далее подведем некоторые итоги проведенного исследования.

Первое. В западной историографии и философии науки сформировались две противоположные модели трактовки движущих сил развития научного знания: экстерналистская и интерналистская, по-

лучившие дальнейшее развитие в постпозитивистской философско-методологической рефлексии данной проблемы. При этом выделились «жесткие» и «мягкие» разновидности интерналистской и экстерналистской моделей движущих сил развития научного знания.

Второе. Жесткие версии того и другого неприемлемы вообще. Жесткий или вульгарный экстернализм (например, вульгарный экономизм) представляет своего рода аналог эволюционного ламаркизма, согласно которому среда (социокультурные условия) детерминирует генетические изменения (когнитивные инновации в развитии науки). Он приводит к культурно-историческому и психологическому релятивизму в эпистемологии. С другой стороны, жесткий (последовательный до конца) интернализм (например, поперианство) – это некий интеллектуальный аналог биологического преформизма, согласно которому все возможное содержание знания уже предзадано неким множеством априорных исходных идей.

Третье. Если «жесткие» версии экстернализма (вульгарный социологизм и экономизм) и интернализма (поперианство) не приемлемы в исследовании динамики науки, то с «мягкими версиями» экстернализма (Т. Кун и др.) и интернализма (А. Койре и др.) можно согласиться только с определенными корректировками. Так, на наш взгляд, нельзя не учитывать значимость социально-экономических отношений в процессе генезиса и институализации науки, важно выявлять роль духовно-мировоззренческих трансформаций в религиозных процессах начального периода Нового времени в качестве определяющего фактора в генезисе науки.

Четвертое. Наиболее приемлемым в этой связи представляется диалектический подход к исследуемой проблематике. Рост научного знания происходит в результате сложной диалектической взаимосвязи внутринаучных факторов и системы социокультурных условий. И можно (в определенной степени) согласиться с С.Р. Микулинским относительно «мнимости контраверзы экстернализма-интернализма», но с определенной оговоркой, разделяя при этом точку зрения отечественных исследователей Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинникова, А.П. Огурцова. Они подчеркивают, что «если иметь в виду знаниевый аспект науки, то можно признать справедливым тезис о том, что проблема экстернализма-интернализма является мнимой контраверзой только для случаев социальной природы и социальной обусловленности знания. Он перестает быть таковым для случая социальной детерминации знания». [6, с.321].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Popper K.R. On the Theory of the Objective Mind. – In: Proceedings of the XIV International Congress of Philosophy, vol. 1, 1968, 340 p.
2. Койре А. Очерки истории философской мысли. М. Прогресс, 1985, 285 с.
3. Klaaren E.M. Religion origins of modern science. Belief in Creation in 17th century thought. Grand Rapids. Mich., 1977, 420 p.
4. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М. Канон + , 400 с.
5. Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового времени (философский аспект проблемы). М.: Наука, 160 с.
6. Е.А.Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П.Огурцов Отечественная философия науки: Предварительные итоги. М., 421 с.

УДК 1

КОНСТРУКТИВНАЯ КРИТИКА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АЛЬТЕРНАТИВА ДУХОВНОЙ АВТОНОМНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Газарян Е.И.

CONSTRUCTIVE CRITICISM OF WESTERN CIVILIZATION: ALTERNATIVE SPIRITUAL AUTONOMY OF A MAN

Gazarjan E.I.

В статье предлагается конструктивный подход к критике западной цивилизации на материале классической русской философии. Автором показано, что развивающаяся персоналистическая альтернатива в российском цивилизационном процессе предполагает учет экзистенциальной ментальности русского человека.

In article there is offered the constructive approach to criticism of the western civilization on a material of classical Russian philosophy. By the author it is shown that developing personal alternative in Russian civilization process assumes the account of existential mentality of the Russian person.

Ключевые слова: критика, конструктивность, деструктивность, цивилизация, личность, духовная культура, рационализм, автономность, персонализм.

Keywords: criticism, constructive, destructive, civilization, identity, spiritual culture, rationality, autonomy, personalism.

Глобальный кризис (в той или иной мере) затрагивает все цивилизации. Существует необходимость сравнительного анализа кризисных процессов и альтернативных путей развития различных цивилизаций, которые рождаются в процессе критического осмысления многообразия исторического опыта. Кризис европейской цивилизации и культуры был

рано замечен и достаточно адекватно воспринят русскими философами, которых можно назвать представителями антропоцентрической культуры в России. Несмотря на широкий диапазон критических оценок западной цивилизации, всегда сохранялся конструктивный дух в отношении к достижениям Запада в сфере материального производства и в области политических и правовых ценностей.

Термин «критический» является амбивалентным, поскольку лингвистически тесно связан с семантически различными концептами «кризис» и «критика». Критика западной цивилизации обоснованно вытекает из ее объективного кризисного (критического) развития. В связи с этим критическое сознание по отношению к западной цивилизации выступало (во многом) формой самокритики российской культуры и отражало тревогу за судьбы человека в новых условиях перманентного кризиса его духовности. Проблема кризиса западной цивилизации и культуры стала центральной в трудах русских философов. Практически все русские мыслители (так или иначе) обращались к проблеме социокультурного цивилизационного кризиса на Западе [1].

Задачи выработки адекватных программ преодоления непрерывной полосы кризиса требуют учета всего философского наследия зарубежной и отечественной критической мысли в отношении западной цивилизации, концентрации ее в виде реальных альтернатив цивилизационного развития. Реформы, проекты инновационного развития в истории России и в современных условиях ее участия в глобализационных процессах должны опираться не на некий «человеческий фактор», а на самого человека. Критика западной цивилизации ведется по различным направлениям и самими различными мыслителями. [2].

Особенно хотелось бы обратить внимание на идеи Г. Маркузе [3]. Особый интерес в западной философской мысли проявляется к творчеству русских писателей, критиковавших западную цивилизацию, развивая оригинальную философию человека, которая получила в дальнейшем названия «экзистенциализма» («персонализма») [4]. Нашей задачей является выявление конструктивного содержания критических оценок положения человека в западной цивилизации и культуре в виде реальной антропологической альтернативы цивилизационного развития в условиях глобализирующегося мира. Идентичность россиян в своем историческом становлении включает контекст критического отношения к западной цивилизации. Конструктивная форма критики основана на таком главном критерии, как сравнение статуса человека в духовной культуре техногенных цивилизаций. Критерием цивилизационного про-

гресса выступает духовная культура и, в конечном итоге, сам человек. Западная цивилизация подвергается критике со стороны самой же западной культуры.

В связи с этим предлагается методологический подход к проблеме критики западной цивилизации, суть которого состоит в том, чтобы обосновать в качестве дополнительной альтернативы одномерного западного цивилизованного многомерного человека русской духовной культуры в его духовной автономности. Конструктивная критика ориентирована на антропологический аспект преодоление многомерного кризиса человечества многомерным человеком. Широкий спектр оценок западной цивилизации в антропологическом аспекте содержит две альтернативы: примат материального (экономики, политики и техники) либо духовного (морали, права, искусства и религии). Как отмечается исследователями, богатство русской философской и культурологической мысли поражает своим многообразием [5].

Не останавливаясь на изученных направлениях, в данном контексте интересно было бы раскрыть особенности такого философско-антропологического направления, как философия сердца. Философия сердца проходит через всю русскую философию, например, отчетливо прослеживается линия: Г.С. Сковорода – П.Д. Юркевич – В.С. Соловьев – И.А. Ильин [6]. В эту линию включается и философия русских писателей, критиков и поэтов (например, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев). Если разум часто отождествляют со светом, то сердце – это тьма желаний, психологическая глубина подсознания и бессознательно-го. Разум и познание, возвышаясь над жизнью, уходя в область чистого познания, особенно в сферу научных методологических абстракций, ведет человека от жизни к смерти. Сердце же является жизнью, хотя и «неумной». Однако эта «глупость» сродни той Глупости, о которой в свое время вел речь Эразм Роттердамский, т.е. глупости не «непробудной», а ведущей к мудрости через осознание своей духовной нищеты, духовное пробуждение [7]. Эразм Роттердамский аргументирует свою позицию ссылками на сердце, но в дальнейшем развитии западной философии сердце оказывается основательно забытым.

И.А. Ильин блестяще аргументирует право на глупость: глупости делают все, даже самые умные; каждый человек одновременно и глуп, и умен; в абсолютной глупости дремлет мудрый совет; на ошибках (глупостях) учатся; учатся на ошибках собственных, а не чужих; право на глупость – право поумнеть; главный аргумент – это то, что сердце способно на глубинные интуиции и прозрения, непосредственное по-

стижение истины [8].

Право на глупость - это цивилизованный вариант мудрого, умнеющего сердца, яркое выражение сути экзистенциальной ментальности русского человека. Глупость русские философы хвалят за ее многомерность, конкретность, жизненную релевантность, чувственно-эмоциональную насыщенность. В русской философии сердца преобладает этико-практическая направленность философствования, нацеленность на жизненную конкретность, а не на «отвлеченные начала», абстрактно-логические схемы (которые доминируют в немецкой классической философии). В русских сказках главным героем является Иван-дурак как символ подлинного смирения и духовной силы.

Идея целостного знания подчеркивает ориентированность русской философии на синтез чувственного и рационального начал. «Сердце» - это разумное чувство или чувственный разум, выражающий индивидуальность человека. Библейская философия сердца приобретает в русской философии сердца специфически национальные особенности. Соборная личность руководствуется соборным сознанием, чувством единения с людьми и миром (вообще) в духе свободы и любви. Источником смысла жизни выступает бытийная, онтологическая связь индивида с общинным образом жизни, раскрывающаяся в акте религиозной православной веры. Русская философия сердца как бы возрождает «осевое время» [9], время рождение нового человека, автономной личности, способной к рефлексии, рационально и аксиологически суверенной. Это видно из диалогов Г.С. Сковороды, обращающегося к античности для реализации сократовского принципа: «Познай самого себя!» [10].

Мы считаем, что стандартное противопоставление коллективного и индивидуального в различных цивилизациях (Востока и Запада) неточно. В этом можно убедиться на примере российской модели личности, сочетающей индивидуализм и коллективизм, ценностное и рациональное в автономном бытии личности. Более адекватным для социокультурной психодиагностики цивилизаций является критерий духовной автономности личности, ее аксиологической суверенности.

Культ индивидуализма, который свойственен цивилизации Запада, его культура «роскоши», пессимизм, а также коллективизм и «безличность» Востока находят в России свою «золотую середину», в которой не отрицаются ни западные ценности, ни восточные. Личностная автономия в России уже не может интерпретироваться только в виде рациональной кантовской автономии законов чистого разума. Она приобретает культурный, аксиологический аспект [11].

Если рассматривать суверенность личности в аспект автономии, то личностная автономия истолковывается в качестве выражения автономии бытия человека, его динамического и гармонического отношения к миру как критерий социального и культурного здоровья, жизнеспособности и творчества. «Личностная суверенность - это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанное на обобщенном опыте успешного автономного поведения» [12]. Творческая сущность феномена автономии личности как субъективного истока объективизирующейся историчности раскрывается в виде духовного «самопреобразования» социокультурной реальности. Автономность личности носит динамический характер самопреобразования субъекта духовности как субстанции культуры. Системным целым, в рамках которого взаимно превращаются моменты материального и идеального, при этом является личность.

Подчеркнем ту роль, которую играют ценности (нравственные, в первую очередь) в автономии, т.е. духовной суверенности сознания во взаимосвязи с бытием личности. Нравственное сознание направляет и регулирует человеческую деятельность и общение людей, исходя из идеальных представлений и мотивов. Внутренние факторы сознания и мотивы являются исходным пунктом личностных решений и поступков, которые сотворены идеальным духовным миром человека на основе доброй и свободной воли. Поступки личности индивидуальны, в отличие от объективизированного, личностно нейтрального и социального по своему характеру действия. В этой качественной точке (личность и ее поступки) происходит преобразование потенциала этики в культуру, а только затем в обезличенные формы социальности. Феноменология нравственного сознания выводит на объективные ценности, которые наполняются субъективными и индивидуальными смыслами. Нравственный релятивизм и нигилизм опровергаются от противного: тот, кто признает зло несуществующим, уже оправдывает его и поэтому признает, но не в отношении к самому себе, а по отношению другим. Когда зло коснется нас самих, то мы думаем не только о его существовании, но и о том, что оно абсолютно. Добро мы признаем тогда, когда оно нам необходимо.

Религиозная автономия личности также, безусловно, существует. Она состоит в отделении человека от эмпирической реальности рутинных форм повседневного мира, в преобразовании объективно существующей зависимости в духовную свободу. Ценности относительные в таком случае приобретают абсолютную модальность идеала. Религиозные

ценности составляют внутреннее ядро ценностной суверенности личности. Это ядро помогает интегрировать другие ценности, придавать им «вертикальную направленность», устремление к совершенству, идеалу.

Проблема будущего цивилизации и культуры России рассматривалась русскими философами в контексте проблем человечества (в целом), при этом идея духовного возрождения, преображения, восстановления утраченных способностей личности к жизнетворчеству находилась в центре внимания всех русских философов. Человек – это открытое миру существо, он находится в непрерывном процессе роста, он не завершён, проходит только промежуточный этап своего развития, но это и сознательно творческое существо, субъект, призванный изменить внешний мир, природу и свою собственную сущность. Речь должна идти о расширении прав на сознательно духовные силы, на одухотворение себя и окружающего мира.

Человеческая природа имеет кризисный характер, который требует развития, достраивания природы человека. Однако мы видим признание его высокого достоинства, новой преобразовательной роли в на планете и даже в мироздании во Вселенной. В центральной проблеме религиозной ветви русской философии космизма – теме богочеловечества - явно выражена идея творческой миссии человека. Человек является не только социально-историческим действующим субъектом, но и существом развивающимся, самосовершенствующимся, космическим [13]. В этом творческом потенциале личности состоит идея конструктивной критики западной цивилизации.

В отличие от правового мышления западного технически цивилизованного человека, русская духовная культура основана на нравственном сознании личности. Противоречия цивилизованности западного человека наиболее ярко выявляются в аспекте дилеммы рациональной и аксиологической автономности личности. В свете нравственных оценок цивилизованного мышления западного человека в русской духовной культуре оказывается неприемлемым близкий к рассудку технический разум-ratio. Русская духовная культура противопоставляет ему одухотворенный разум-logos и идеал цельного знания.

Идея сохранения и развития личности как высшей ценности не только содержится в работах русских философов, но и является одной из основных, если не самой главной. Это идея аксиологической суверенности автономной личности, идея автономии как ядра теонии. Эта личность в абсолютной форме воплощена в Боге, причем, в буддизме это более человеческая личность, чем личность божественная, в исламе

– это, скорее, божественная, чем человеческая, стремящаяся к успеху, а в христианстве – это мистическое духовное единение божественной и человеческой личности, тайна нераздельности и неслиянности в Троице. Инвариантом является личность, устремленная к нравственному совершенствованию и самосовершенствованию. Это личность (т.е. душа) бессмертная, стремящаяся к спасению, преодолению страха перед смертью. Западное общество добилось успехов в политических и правовых свободах, благополучия в экономике, но существенно потеряло в сфере нравственной свободы, в области духовности. Одномерность материальная, внешняя – вот что характерно для западного общества. Одна только социальная автономность делает гражданина если не мучеником свободы, то не вполне свободным. Возможно, для России исторически характерна другая крайность – внешнее рабство, которое постепенно формирует внутреннюю зависимость, уменьшает широту русской души.

Особенности критики одномерности цивилизованного бытия западного человека наиболее ярко проявляются в эстетическом аспекте. Российские мыслители подчеркивают широту русской души (в отличие от одномерности бытия массового человека). Российская идентичность ориентирована на различие, которое предполагает индивидуальность и всесторонность. Именно в кризисе массового западного искусства проявляется кризис «одномерного» человека Запада. Искусство как концентрированное выражение эстетического сознания наиболее ярко выражает способность человека действовать универсально. Оно полно выражает духовное отношение человека к его культурной среде и к миру (в целом), его стремление к всестороннему развитию в личностной форме. Эстетическое сознание формирует внутреннюю универсальную целостность личности, интегрируя отдельные фрагменты переживаний в единую личностную бытийную форму оригинальной индивидуальности.

Итак, главная идея конструктивной критики – поиск жизненной правды о современном кризисе. Нельзя ограничиваться только либеральной или консервативной программой выхода из кризиса, а надо допускать возможность программ, которые ориентированы на альтернативу духовной автономности человека как личности. Развивающаяся персоналистическая альтернатива в российском цивилизационном процессе предполагает учет экзистенциальной ментальности русского человека. Основой гражданского общества в России все больше становится автономная личность.

Персоналистическая альтернатива в современной России в на-

стоящее время не является преобладающей, но ей, на наш взгляд, принадлежит будущее. Интеллектуальный и духовный потенциал России, если он только не будет полностью разрушен вместе с системой образования, дает надежду на выход из кризиса, который, в конечном счете, есть кризис человека. Этот кризис человека затрагивает его ядро – личность. Если в период «осевого времени» новый человек возникает как ценностно и рационально автономная личность, то в настоящее время кризис разделил эти две сущностные стороны человеческой природы. Преодоление кризиса в антропологическом измерении приобретает все большее значение и значимость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта; Наука, 2003. – (456 с.). – С. 246.
2. См.: Фурст В.Н. Критическая социальная теория в западной философии 70-90 годов XX века: типологическая реконструкция: автореф. ... дис. д-ра филос. наук. - СПб., 2002. – 38 с.
3. См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 332 с.
4. См., напр.: Ward Bruce Kinsey. Dostoyevsky's critique of the West The quest for the earthly paradise. - Waterloo (Ont.) Laurier univ. Press, 1986. – 202 с.
5. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 604 с.
6. Кондратьев В.П. О понятии сердца в философии /по работам Г.С. Сковороды и П.Д. Юркевича // Проблемы социальной философии. - 2000. - Вып. 2. - С. 89-101.
7. Роттердамский Э. Похвала Глупости. – СПб.: Азбука, 2011. – 188 с.
8. Ильин И.А. Право на глупость [электронный ресурс] // Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/kniga_gazdumij/42.html (заглавие с экрана).
9. Ясперс К. Истоки истории и её цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. – 2-е изд. - М.: Республика, 1994.- (527 с.). – С. 166.
10. См.: Сковорода Г.С. Стихотворения. Басни. Диалоги. Трактаты. Притчи. – Киев: Наук. думка, 1983. – 542 с.
11. Похилько А.Д. Аксиологическая суверенность личности // Духовные ценности: светское и религиозное измерение. - Армавир: АПСИ, 2009. – (222 с.). - С. 167-169.
12. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный. – СПб.: Питер, 2008. – (400 с.). - С. 160.
13. См.: Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Грачева. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – (365 с.). - С. 32.

УДК 13

**ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Газгиреева Л.Х., Бокачев И.А.

**THE PERSON IN SYSTEM IS EXISTENTIAL-VALUABLE
RELATIONS IN THE CONDITIONS OF SOCIAL DESTRUCTION
SPIRITUAL LIFE OF THE RUSSIAN SOCIETY**

Gazgireeva L.Ch., Bokachev I.A.

В статье раскрываются семантика и взаимозависимость таких категорий системы экзистенциально-ценностных отношений, как «истина», «правда», «добро», «красота», «жизнь», «справедливость», «целомудрие»; основные элементы духовного мира человека; роль доминанты человечности / гуманности в аспекте архетипа «Свой – чужой». Авторами подчёркивается, что недооценка роли духовного фактора порождает деструкцию глобальных масштабов гармонии человека с обществом; духовная реформация, преобразующая мировое сообщество, требует активного воздействия этического разума, способствующего формированию цепочки «Я – моё будущее»; основной ценностью во всём многообразии жизни и деятельности является человек.

There are revealed semantics and interdependence of such categories of system of is existential-valuable relations, as «true», «truth», «good», «beauty», «life», «justice», «chastity»; basic elements of an inner world of the person; a role of a dominant of humanity / humanities in aspect of an archetype «The - the stranger». There is underlined that underestimation of a role of the spiritual factor, valuable installations generates destruction global scales of harmony of the person with a society; spiritual reformation, reformative the world community, demands active influence of the ethical reason promoting formation of a chain «I - my future», and that the basic value in all variety of a life and activity is the person.

Ключевые слова: личность, дух, душа, духовность, система ценностей, социальная деструкция, духовная реформация, истина, правда, добро, красота, жизнь, справедливость, целомудрие, человечность / гуманность.

Keywords: the person, spirit, soul, spirituality, system of values, social destruction, spiritual reformation, true, the truth, good, beauty, a life, justice, chastity, humanity / humanity.

В начале XXI века перед человечеством встали такие фундаментальные проблемы, как экологическая, демографическая, идеологическая, информационная и др., что свидетельствует о необходимости изменения ценностных ориентиров. В нашей стране такая ситуация заставляет население переориентироваться с общественных ценностей высокого уровня на индивидуальные. Недооценка роли духовного фак-

тора, ценностных установок, абсолютизация прогресса техники и технологий, экономического прогресса, понимаемого как рост прибыли, материального богатства, порождают деструкцию гармонии человека с природой, обществом. Э.А. Азроянц пишет: «...Духовный потенциал людей явно не соответствует уровню порождённых их деятельностью проблем. Человек, достигая пика материального и социального обеспечения, почему-то отнюдь не стремится совершенствовать свою душу и возвышать дух, а поворачивает как бы вспять к “цивилизованному” варварству ...» [1, с.28]. Без изменения ценностных установок невозможно построение общества, в котором эффективно использовались бы новые, более совершенные технологии, обеспечивался подъём уровня жизни большинства человечества, формировались новые политические и социальные институты, устанавливалась гармония взаимоотношений человека с обществом, природой.

Очевидно, что решение проблем в таких условиях без соответствующей им духовной культуры невозможно. Адекватный ответ на кризис может дать именно духовная реформация, преобразующая мировое сообщество. Последствия процессов глобализации принадлежат как раз к тому ряду явлений, развитие которых требует активного воздействия этического разума. Их ход должен быть направляем, исходя не из новых технологических открытий, а из этики ответственности (причём, речь идёт о коллективной ответственности).

Приоритетную роль в решении этого вопросе играет то, что соответствует представлению о назначении человека. На наш взгляд, основной ценностью, объектом исследования является человек (во всём многообразии его жизни и деятельности). Л.А. Сенека говорил о человеке: «Человек человеку – волк. Человек – это существо, которое хочет. Человек – мера всех вещей. Человек есть то, что он есть. Человек – это Бог, и Бог – это человек. Человек – это только тростинка, самая слабая в природе. Великое дело быть всегда одним и тем же» [2, с.16]. При размышлении о человеке на память приходят и строки В.А. Жуковского: «При мысли великой, что я человек // Всегда возвышаюсь душою» [3, с.308]. Древнеримский император и философ Марк Аврелий умозаключил следующее: «Сколько можно говорить о том, каким должен быть человек. Пора уже и стать им» [4, с.5]. П.А. Сорокин под влиянием теории аномии Э. Дюркгейма в 1915 году указал на полярную трансформацию ценностей в период социальной деструкции и выделил первые признаки её наступления: кризис гуманитарных наук («распыление» гуманитарных наук): «Нет течений, есть учёные. Нет философии – есть философы. Сколько философов, столько и филосо-

фий – такова формула современного состояния науки. Поэтому вполне понятна и философия релятивизма – относительности, быстро расцветшая в наши дни... Прагматизм поставил точку над целой эпохой, объявивши: нет истины (с большой буквы), а есть много истин. Истинно всё, что полезно» [5]; кризис ценностей, выразившийся в «зачёркивании норм морали»; свёртывание ценностей до немногих, поскольку оценка явлений в периоды кризисов, угрожающих самой жизни, могут исходить из чувства сохранения жизни; деперсонализация человека, которая осуществляется двумя путями: либо путём крайней индивидуализации, либо путём нивелирования личности в коллективных образованиях (этнических и региональных); кризис норм, выразившийся в их динамичности, вызываемой неотложной потребностью и требованиями прагматической жизни; кризис семейных отношений.

Трансформация ценностей, по П.А. Сорокину, выражающаяся в самых обострённых формах, заключается в следующем: насилие, которое становится не только нормой, но и поощряется; искусственно созданный голод, уменьшающий способность людей к рефлексии; самопожертвование как высший акт гуманизма теряет свою ценность в силу привычности смерти; жизнь исключается из категории высшей ценности в силу массовой гибели людей; целомудрие заменяется массовой половой свободой (особенно среди молодёжи), которая по физиологическим условиям не может это делать без губительных для себя последствий [5, с.115].

Говоря об аксиологических компонентах, следует предположить, что на всех уровнях развития процесса ценностных ориентаций функционируют одни и те же механизмы: поиск, оценка, выбор, проекция. В настоящее время совокупность социально значимых ценностей определяется приоритетом общечеловеческих ценностей и включает в себя ценности, преемственно сохраняемые во всех общественных системах. Данные категории являются доминантными в формировании ценностного отношения к миру, другим людям, самому себе, своему прошлому, настоящему и будущему. Формирование цепочки ценностей окружающей действительности: «Я – моё будущее», на наш взгляд, строится на фоне разнообразных факторов, влияющих на построение жизненных перспектив личности. В формировании такой цепочки («Я – моё будущее») основными элементами духовного мира человека выступают дух (духовное) и душа (душевное), которые являются доминантами в проявлении добра, правды, истины, справедливости, целомудрия.

Если же обладающий духовностью индивид не наделён чертами позитивной душевности, то его духовность может обернуться не толь-

ко против окружающих, но и против значительной части человечества. Примем во внимание и тот факт, что понятие нравственности связано с такими чертами индивида, как доброта, доброжелательность, способность к сочувствию и сопереживанию, отзывчивость, склонность к сотрудничеству. На наш взгляд, эти черты не являются чертами душевности, и само понятие «нравственность» вытекает из позитивной душевности. Действительно, указанные выше черты индивида – это одновременно черты его позитивной душевности и черты нравственности, нравственные черты индивида.

Подчеркнём, духовность (как свойство индивида) не определяет его способности правильно решать проблему добра и зла, правды, истины, справедливости, целомудрия, поскольку легко наполняется субъективизмом. Возьмётся ли кто-либо утверждать, что «духовный» – это значит объективный? Вряд ли. А выражение «лес рубят – щепки летят» означает то, что судьба «щепок» никого не волнует при осуществлении столь масштабной акции.

На каком основании нечто оценивается нами как «зло» или как «добро»? На основании характера связи этого нечто с нашей жизнью, а конкретнее – с нашими потребностями, желаниями и намерениями. То, что им препятствует, мы склонны называть «злом», а то, что им содействует, – «добром». Отсюда три главных свойства оценок добра и зла, правды, истины, справедливости, целомудрия: относительность, условность и субъективность. При этом «абсолютное добро» и «абсолютное зло» – лишь абстракции, т.е. свойства неких объектов или ситуаций, взятые вне этих объектов и ситуаций и рассматриваемые сами по себе. Вспомним призыв гуманистов: «Спешите делать добро!». Кто может возражать против «добра»? Но в силу разного понимания разными людьми добра и зла этот призыв опасен, поскольку даже закоренелые злодеи замышляют свои дела как «добрые»: добрые для них, но не для многих других, которые становятся их жертвами. Напомним утверждение русского религиозного философа С.Л. Франка: «Всё горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания по меньшей мере на 99 процентов – суть результата воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла» [6, с.148]. Осознанно избирая для себя «путь добра», т.е. гуманный путь, необходимо постоянно осуществлять нравственный выбор, поскольку в любой точке этого пути, причём, даже незаметно, могут проявляться и добро, и зло и т.п.

Все признают добро, зло, правду, истину, справедливость, целомудрие как понятия, с которыми следует соотносить свои действия, но их оценка (в соответствии с этими понятиями) для многих оказывается затруднительной. Отсюда появляются неспособность конкретно определить добро это или зло, правда / истина это или ложь; неустойчивость в этических оценках: одно и то же сегодня у индивида может быть «добром», а завтра уже «злом» и т. п.; нравственная беспринципность: оценку чего-либо индивид подчиняет ситуационной выгоде; отсутствие ценностного отношения к проявлениям добра и зла и т. п.: для индивида это безразлично; индивид различает и оценивает вышеперечисленные понятия только в чужих действиях, но не в своих.

Таким образом, этика базируется на архетипической диаде «можно – нельзя», которая восходит к диаде «добро – зло», «справедливость»– «несправедливость» и т. п.: «добро», «справедливость» – «можно», «зло», «несправедливость» – «нельзя». В этом этические системы различных культур сходны и представляют собой совокупность указаний на то, что могут позволять себе человек и сообщество в своём поведении, а что - нет. Следовательно, принцип долженствования тоже входит в число этических понятий. Морально-этические требования (долженствование) и нравственно-этический выбор (выбор) невозможны без оценок – оценок этического плана, оценок индивидами последствий взаимодействий между собой и с окружающим миром. Следовательно, понятие «оценка» также входит в семантическое поле понятия «этика».

В чём необходимость этики, морали, нравственности? Мы считаем в том, что разум – главное достоинство «человека разумного»– недостаточен для того, чтобы полностью руководить его действиями. Разум охотно (мы бы сказали, почти автоматически) становится на службу тому желанию (побуждению), которое выигрывает борьбу с другими желаниями и побуждениями. Представим себе весьма энергичного индивида – «масштабную личность»-, взявшегося «осчастливить человечество», но не принимающего во внимание отдельную личность. Сколько зла и сколь многим он способен причинить во имя своего понимания добра? И что же способно удержать его от этого? Только наличие у него доминанты человечности / гуманности, которая не позволяет творить зло другим людям даже во имя «добра». Во всех подобных случаях понятие «добро» имеет обобщённо-абстрактный характер («добро вообще»), а зло – совершенно конкретный.

Доминанта человечности даёт индивиду возможность соблюдать заповедь «не убий», какими бы «возвышенными» мотивами это убий-

ство ни оправдывалось, позволяет войти в положение каждого, подумать о том, что будет ощущать и переживать конкретный индивид в процессе деяний, задуманных во имя «великих идеалов», способность «дойти до каждого», поставить себя на место другого как объекта собственных планов и замыслов. Иными словами, доминанта человечности – это доминанта позитивной душевности и (соответственно) доминанта нравственности, гуманности в целом. Но не всегда доминанта морали. Мы сформулировали следующее понимание понятий «мораль» и «нравственность»: мораль – это групповое и «конкретно-историческое» этическое понятие, нравственность же – вневременное и общечеловеческое. Отметим, что мораль – и это весьма характерно – стоит ниже архетипа «Свой – чужой», нравственность же – выше его.

Очевидно, что нравственность, в основании которой лежит доминанта человечности, равная доминанте позитивной душевности, тормозит проявления архетипа «Свой – чужой». Мораль же стимулирует его проявления, придавая ему особую значимость (рис. 1).

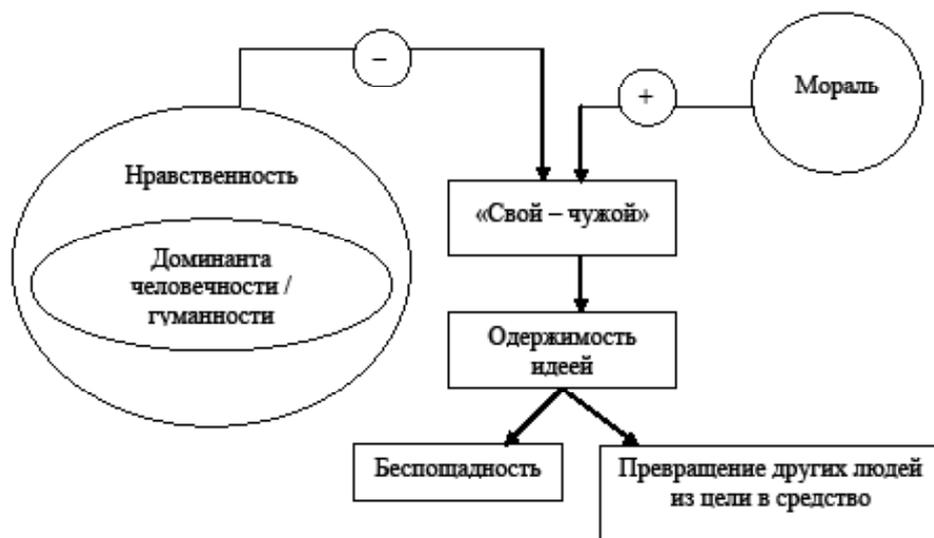

Рис. 1. Роль доминанты человечности / гуманности в аспекте архетипа «Свой – чужой»

Сферу нравственности можно представить как широкое поле стихийного формирования оценок человеком своего поведения в отношении других людей и окружающего мира (и тех, которые не являются сферой действия норм морали). Некоторые из этих оценок с течением

времени закрепляются нормативно, принимают форму законов. При этом в глубине каждого закона должен лежать принцип человечности в нравственном его воплощении, иначе закон может оказаться безнравственным. Примером является «закон о колосках», запрещавший в нашей стране в период голода собирать на поле оставшиеся после уборки урожая колоски (санкция: до десяти лет тюрьмы!). Обратим внимание: закон полностью соответствовал духу революционной морали и идее создания «нового человека», но при этом был глубоко бесчеловечным. Подлинно нравственным поведение является только тогда, когда индивиду больно причинить боль другому, а не тогда, когда он просто знает, что этого делать «нельзя», или же опасается санкций (см. рис.2).

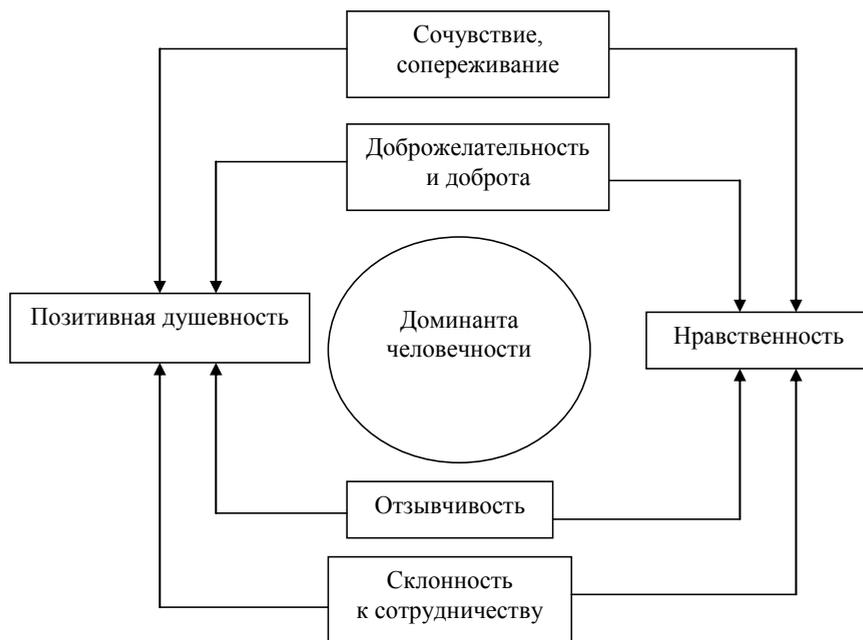

Рис. 2. Роль доминанты человечности в проявлении позитивной душевности

Итак, нравственность имеет общечеловеческий характер и напрямую связана с природой человека в лучших её чертах. Напротив, безнравственное поведение обычно ориентировано не на всеобщее, а

на частное. В каждом случае такого поведения главенствующим всегда оказывается частный критерий, возможность функционирования которого объясняется отсутствием оснований нравственного поведения.

Таким образом, для подлинно нравственного индивида никакие детали конкретной ситуации не станут оправданием неблаговидного поступка. Следовательно, цель нравственного воспитания заключается в том, чтобы содержание требований нравственности соответствовало многовековому общечеловеческому опыту и стало содержанием внутренних требований индивида к самому себе, устанавливая экзистенциально-ценностные отношения с окружающим миром (в целом). В результате достижения этой цели личность становится естественно свободной: общечеловеческие требования нравственности оказываются ее собственными внутренними требованиями, столь же «внутренними», как и ее желания. А ценности же конкретизируют высшие идеалы, которые незримо присутствуют в психическом мире взрослого человека. Вне зависимости от ясности осознания ценностей и идеалов, именно они, в конечном счёте, организуют внешнюю активность индивида, которые в дальнейшем, по нашему мнению, должны превратиться в «мотивацию для принятия всей аксиосферы общества» [7, с.67].

Иными словами, речь должна идти о формировании экзистенциально-ценностной структуры индивида, наличие которой поможет разобраться в сложных перипетиях общества, использовать многокомпонентность его информационных потоков, направить их в созидательное русло как в отношении к самому себе, так и к природе (в целом). Сегодня главный акцент должен делаться на «нравственный выбор ответственного поведения, так как ценностные ориентации современного человека занимают в бытийном пространстве одну из главных ниш» [8, с.26].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азроянц Э.А. Размышление о будущем // Глобализация: конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.
2. Кошелев П. Мудрые мысли. Афоризмы, которые изменяют вашу жизнь. СПб.: Изд.-во «Веды», 2009.
3. Спиркин А.Г. Философия: учебник. – 2-е изд. М.: Гардарики, 2009.
4. Марасин В.В. О жизни, смерти и бессмертии. М.: ООО «Изд.-во АСТ», 2003.
5. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Пер. с англ. В.В. Сапова. Изд.-во Русского христианского гуманитарного института. СПб, 2000.

6. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
7. Газгиреева Л.Х. Мотивация и специфика духовно-нравственных ориентаций современной личности: монография. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009.
8. Душина Т.В., Бокачев И.А., Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Духовно-нравственная сфера современного общества: актуальные проблемы: учебное пособие. Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКав ГТУ», 2010.

УДК 1

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Косьяненко С.Н.

NATIONAL CONSCIOUSNESS. DEFINITION PROBLEMS

Kosjanenko S.N.

В статье производится уточнение понятийного объема дефиниций «национальное сознание» и «национальное самосознание». Автором осуществляется концептуальный историко-философский анализ теорий и воззрений, раскрывающих значение человеческой предметной деятельности в конкретной естественно-материальной среде для формирования сознания и ментальных характеристик народа.

There is carried out philosophical reflection of public consciousness, definition of concepts «national consciousness» and «national consciousness». The conceptual historical-philosophical analysis of theories and the views opening value of human subject activity in the concrete is natural-material environment for formation of consciousness and mental characteristics of the people.

Ключевые слова: сознание, самосознание, отражение, национальное сознание, национальное самосознание, общественное самосознание, менталитет.

Keywords: consciousness, consciousness, reflection, national consciousness, national consciousness, public consciousness, mentality.

Современные исследования национального сознания, национальной самобытности, менталитета наталкиваются на терминологические трудности. Само понятие «сознание» содержательно размыто, поскольку оно используется и понимается в широком спектре направлений. Сознание включает самосознание, мысли, восприятия, воображение и др., может выступать как тип ментального состояния, как способ восприятия и взаимоотношений с другими. Кроме того, «сознание» может выступать в качестве категории для обозначения ментальной деятельности человека. Сознание может быть описано как точка зрения, как «Я». Сознание можно представить, как способность субъекта соотносить себя

с миром, вычленять себя из мира и противопоставлять себя ему. Когда речь идет о сознании, то выделяются соотношение субъекта и объекта, сознания и мира. Сознание включает в себя мышление и в то же время является предпосылкой мышления. Само мышление представляет собой способность фиксировать мир в понятиях и делать на основе них выводы в форме суждений и умозаключений. Отсюда вытекает определение сознания как «мысли и идеи человека, в их восприятии и ощущении, которые он способен изложить на языке [1; 2].

Для современной России, объединяющей более сотни национальностей, исследование феномена национального сознания имеет большое практическое значение, так как сепаратистские тенденции основываются на абсолютизации национального самосознания, объявлении его «сверхценностью». Это закрывает для представителей отдельной общности иные возможности и перспективы развития сознания, ограничивает его только осознанием своей национально-этнической идентичности. Развитие национального сознания может обернуться сведением ценностно-смысловых структур сознания к низшим уровням, отрицанием ценностей, принадлежащих общностям более высокого порядка, например, общечеловеческих, сведением сознания до узких рамок клановых, феодально-племенных, религиозно-националистических или расистских идейно-политических взглядов. Поэтому проблема сущности национального сознания и самосознания, его развития является не только теоретической проблемой, она имеет вполне прагматические аспекты.

Исходя из обозначенных содержательно-понятийных проблем, связанных с исследованием национального сознания, мы решили обратиться к онтологическим и гносеологическим аспектам избранной через терминологическое определение понятий «национальное сознание» и «национальное самосознание». Для этого основным методом нашего исследования избрана философская рефлексия более общего понятия «общественное сознание».

Современные авторы определяют сознание как «состояние психической жизни человека, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, а также в отчёте об этих событиях» [3]. Проявления сознания – результат работы механизмов личной адаптации в моменты восприятия-действия, наиболее актуальные, с точки зрения данной личности, для формирования и корректировки автоматизмов поведения, после этого уже не требующих прежнего уровня осознания. Данные уточнения важны для понимания механизмов формирования ментальных характеристик этносов.

В философии Г.В.Ф. Гегеля сознание рассматривается как способность сознавать предмет. Под «сознанием» понимается не психическая способность тела, а фундаментальный способ, каким человек соотносен со своим предметом и миром (вообще). Сознание выступает в роли отношения, некоторого переживания, определенного опыта (деятельности), в котором человек соотносится с миром [4]. В дуалистической традиции утверждается существование двух субстанций: сознания и физических объектов. Дуализм души и тела заключается в том, что сознание (дух) и материя (физическое тело) представляют собой две независимые, но взаимодополняющие друг друга и равные по значению субстанции. Р.Декарт [5] утверждал, что человек является мыслящей субстанцией, способной усомниться в существовании всего, кроме своего собственного сознания. Сознание несводимо к физическому миру. Современный представитель дуализма – Д. Чалмерс определяет свою философскую позицию как натуралистический дуализм и считает, что сознательный опыт имеет нефизическую природу, сознательный опыт «не сводим к физическим свойствам, хотя и зависит от последних, согласно законам природы. Психофизические законы являются естественным дополнением к физическим законам и принципам» [6].

В свободной энциклопедии – Википедии -самосознание определяется как «сознание субъектом самого себя, в отличие от иного, – других субъектов и мира вообще; это осознание человеком своего общественного статуса и своих жизненно важных потребностей, мыслей, чувств, мотивов, инстинктов, переживаний, действий» [7]. Самосознание включено в сознание, существует в его пределах, немислимо без него, оно делает субъекта объектом самого субъекта. Объектом субъекта становятся его мысли, чувства, воля, цели, действия и т.д. Именно в процессе самосознания человек становится личностью. Человек осознает себя не только посредством других людей, но и через созданную ими культуру. Познавая себя, человек изменяется, никогда не остается таким, каким был прежде, ибо он осуществляет самоконтроль, самооценку и, следовательно, саморегулирование. Когда мы говорим о национальном самосознании, то следует отметить, что оно является квинтэссенцией, ядром национального сознания как на эмоционально-чувственном уровне, так и на рациональном уровне.

В психологическом словаре понятие «самосознание» трактуется «осознанное отношение человека к своим потребностям, способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям. Самосознание выражается также и в эмоционально-смысловой оценке своих субъективных возможностей, выступающей в качестве основания це-

лесообразных действий и поступков» [8, с.143]. В данном определении выделяются два момента: первый – самосознание является свойством личности как общественного существа; второй – объектом самосознания является сам познающий субъект, т.е. человек, осознающий различные стороны своей психической деятельности и проявления собственной активности. Результатом самосознания как процесса является «Я-концепция», которая включает всю возможную совокупность оценочных представлений индивида о себе [9].

В контексте приведенных понятий сознания, обратим внимание на содержание категории «отражение», которая наиболее активно разрабатывалась в рамках философии Просвещения и в диалектическом материализме. Функциональная концепция отражения основана на представлении о том, что в неорганических объектах есть лишь предпосылки свойства отражения, но не его активное проявление. Сторонники атрибутивной концепции настаивают на всеобщности свойства отражения. Предпосылками становления сознания в марксизме выступают эволюция свойства отражения, присущего материи, развитие зачаточного интеллекта животных; переход особой ветви гоминид от орудийной деятельности к предметно-практическому освоению мира с помощью искусственных орудий труда; развитие в процессе становления труда потребности в знаковой коммуникации и передачи из поколения в поколение приобретенного опыта, который закрепляется в семиотических системах, положивших начало формированию культуры как особого мира человека. Диалектико-материалистическая традиция анализа сознания не признавала его субстанциональности и рассматривала сознание как функцию мозга, как отражение объективного мира, необходимый компонент предметно-практической деятельности человека. Отсюда происходит такое определение сознания: «Сознание – способность мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности как свойство высшей нервной деятельности человека» [10].

Сближению функциональной и атрибутивной концепций может способствовать уяснение соотношения категории отражения с общенаучным понятием информации, а также дальнейшая разработка принципа универсального эволюционизма на основе синергетических представлений. В современной биологии категории и принципы теории отражения вошли в философское обоснование теории функциональных систем. П.Анохиным был сформулирован принцип опережающего отражения как важнейшего регулятора становления и развития любой функциональной системы [11]. Таким образом, отражение представляет собой сознание в современной материалистической рациональной трактовке.

Важную роль в формировании самосознания играет рефлексия. Ориентируя сознание человека на осмысление собственных чувств, мыслей и действий, рефлексия может иметь разные уровни. Диапазон ее довольно широк: от элементарного состояния до глубоких раздумий над глубинными смыслами своего бытия, нравственными, религиозными и иными коллизиями своего внутреннего мира. В процессе рефлексии происходит не просто осознание того, что есть в человеке, но всегда одновременно и переделка самого человека, его сознания и духовного мира. А.И. Субботин, анализируя проблему самосознания в контексте становления рационалистической философии, отмечает: «Принципиальное отличие самосознания от сознания, по Гегелю, заключается в том, что становление сознания в его формах и по этапам его развития подчинено неким естественным закономерностям, которые при всей их вариативности имеют единую тенденцию: выводить сознание к самосознанию через самопознание с помощью рефлексии. Главное качество самосознания, отличающее его от сознания, – это свобода самополагания и самоопределения, тогда сознание всегда ограничено в том или ином направлении» [12, с.97].

Функционирование сознания обеспечивает человеку возможность вырабатывать обобщенные знания о связях, отношениях, закономерностях объективного мира, ставить цели и разрабатывать планы, предваряющие его деятельность в природной и социальной среде, регулировать и контролировать эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать условия своего существования. Сознание представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств и принципиально не могут стать объектами предметно-практической деятельности ни самого сознающего субъекта, ни других людей. В этом онтологическом аспекте бытие выражается понятиями «субъективная реальность», «идеальное». В аксиологическом аспекте категория идеального выражает ценностное отношение к действительности. В праксеологическом ракурсе эта категория обозначает духовную активность, творческую интенцию, целеполагание и целеустремленность, волю и саморефлексивность сознания. Идеальное характеризует сущностное содержание сознания как субъективной реальности.

В классической немецкой философии была выявлена органическая взаимосвязь индивидуальной, личностной и надиндивидуальной форм сознания. Получается, что сознание имеет многоуровневую при-

роду. Феноменами индивидуального сознания являются самосознание, воля, ценности и формируются они в процессе общения под влиянием высших психических потребностей (которые тоже формируются).

Новый поворот проблематике самосознания задала ее психологизация и социологизация. В рамках социологии самосознание рассматривается как присущее не только индивиду, но и социальной группе, классу, этносу, обществу (в целом), когда они осознают себя субъектами практической и познавательной деятельности, а также вырабатывают общие идеалы и понимание собственных интересов. В данном случае самосознание понимается как единство самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе, самоориентации и саморегулирования социальных субъектов, проявляемое в их поведении, деятельности и общении. Внутренним механизмом саморегулирования действенно-волевой сферы самосознания выступают системы самооценок социальных субъектов, которые закладывают основы их мировоззрений и могут быть институционализированы как отдельные от этих субъектов системы идеологических представлений или идеологии.

И.С. Кон осуществил анализ временной динамики самосознания, что позволило выделить семь форм его проявления: «реальное Я» – представление о себе в настоящем времени; «идеальное Я» – то, каким субъект, по его мнению, должен был стать, ориентируясь на моральные нормы; «динамическое Я» – то, каким субъект намерен стать; «фантастическое Я» – то, каким субъект намерен стать, если бы это оказалось возможным; «физическое Я» – совокупность представлений о себе как индивидуальности; «социальное Я» – представление о себе как партнере по общению, о своей принадлежности к определенной группе, социальной и возрастной среде; «будущее Я» – каким, по мнению индивида, он может стать по возможности [13].

Национальное сознание относится к области социального бытия. Социология изучает сознание как сферу духовной жизни общества, в которой осмысливаются, обосновываются, идейно оформляются и реализуются интересы и представления различных социальных групп, классов, наций и общества (в целом). Социология раскрывает роль сознания в организации общественного бытия человека, исторической динамике его цивилизационного и культурного развития. Самосознание свойственно не только индивиду, но и социальным группам, различного рода общностям людей, когда они поднимаются до понимания своего положения в той или иной социальной системе, своих общих интересов и идеалов. С помощью самооценки происходит регуляция поведения личности. Самосознание – это оценка человеком своих знаний, умений,

нравственного облика, интересов, идеалов, целей, мотивов поведения и т.п., т.е. целостная оценка самого себя как чувствующего, мыслящего и действующего субъекта. «Национальное самосознание» есть не что иное, «как взгляды, оценки, мнения, отношения, выражающие содержание, уровень и особенности представителей определенного этноса о своей истории, современном состоянии и перспективах своего развития, а также о месте среди других аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними» [14].

Национальное самосознание включает два компонента: рациональный компонент (осознание своей принадлежности к нации); эмоциональный компонент (неосознаваемое сопереживание своего единства с другими представителями национальной этнической группы). Уточним, национальное самосознание (по сравнению с национальным сознанием) является более индивидуализированной структурой, выражающей степень усвоения элементов общенационального сознания отдельными личностями (членами определенного этноса). «Национальное самосознание выступает в качестве фундамента системы эмоционально-оценочных отношений и рационально-ценностных представлений национально-этнического характера, необходимых для соответствующего самоопределения личности в духовной и социально-политической жизни» [14].

С позиций эволюционизма и теории систем, самосознание следует рассматривать как эволюционирующую систему, приобретающую новые качества и свойства в процессе своего развития. Зарождаясь в юношеском возрасте, самосознание формируется и развивается (как и сама личность) на протяжении всего жизненного пути человека. Этническое самосознание представляет собой составную часть самосознания вообще и формируется в многосложном процессе социокультурного становления и развития человека.

В философии самосознание есть осознание сознанием самого себя, рефлексия сознания относительно себя. Самосознание одновременно понимается и как акт (деятельность) рефлексии сознанием себя, и как результат этой рефлексии (знание себя). Самосознание является условием того, что сознание сохраняет себя во времени, т.е. удерживает себя как одно и то же сознание (при этом говорят о единстве самосознания). Единство самосознания является условием всякого единства в мире. (В строго философском смысле) сознание есть всегда – оно не может ни начаться, ни прекратиться, поскольку оно понимается как само условие конституирования мира, как сам способ бытия и данности мира, т.е. самосознание понимается как лежащее в основании всякого сознания единство субъекта.

В рамках социальных наук используют различные термины, обозначающие осознание членами группы своей особенности и целей в социальном мире. Коллективное сознание представляет собой «духовное единство общества, которое не является простой суммой индивидуальных сознаний, существует независимо от индивидуальных сознаний в виде обычаев, морали, права, традиций, знаний и иных социальных факторов, оказывает сильное влияние на индивидуальное сознание» [15]. Коллективное сознание создает моральную общественную среду, заставляющую людей принимать способы действия и мышления, распространенные в данном обществе. Формами коллективного сознания являются коллективные представления и коллективные чувства. Коллективные представления Э. Дюркгейм определял как «совокупность символов и идей, традиций, привычек, обычаев, которые имеют сходное значение для всех членов социальной общности, вызывают у них сходные интеллектуальные и эмоциональные реакции и обеспечивают единство социальной общности, солидарность ее членов». Коллективные представления выражаются в моральных предписаниях, юридических нормах, религиозных верованиях, материальных символах и понятиях. Коллективные чувства (в концепции Э.Д. Юркгейма) – это «чувства, испытываемые членами одного общества и являющиеся составной частью коллективного сознания этого общества» [15].

Основными признаками существования народа как соборного национального организма, воплощения деятельного национального духа являются историческая память, национальное самосознание и национальная воля. Историческая память – это заветы старины, предания отцов, чувство единородства, это есть ощущение своей приобщенности к духовной миссии рода, народа, Родины. Историческая память осуществляет связь времен, беспамятство разрывает историческое время, в лоне которого складывается судьба народа.

В. Аксютц определяет национальное самосознание как способность народа осмысливать себя, свою историческую миссию и судьбу, которая выражается в религиозном, культурном, хозяйственном, государственном сознании народа [16]. А.Я. Гуревич отмечал, что «ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, восприятие такого рода идей определяется социальной средой; восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» [17, с.115]. Следует гово-

речь об обыденном и теоретическом уровне национального сознания. В этой связи весьма продуктивно обратиться к взглядам М.М.Дели, который, обращаясь к историко-философским аспектам онтологии сознания, отмечает, что «категории «бытие» и «сознание» взаимно предполагают друг друга... Сознание всегда предполагает то или иное отношение к существу и к непосредственному окружению [18, с.313, 314]. То обстоятельство, что в человеческом бытии всегда есть нечто такое, что человек не может постигать через акты сознания, является причиной и условием производства человеческого сознания. «Речь идет о том, что определенные образования сознания уже вплетены в человеческую предметную деятельность, и как раз эта деятельность индуцирует определенные формы сознания и понимания» [18, с.316].

Если говорить о самосознании русского народа, то следует отметить, что в философии христианства делается акцент на внутренней напряженности и противоречивости душевной жизни человека. В структуре души открывается слой, лежащий за пределами знания и неподвластный знанию. Признается спонтанная активность души, проявляющаяся как в самопознании, опыте самоуглубления и общения с всевышним разумом, так и в актах своеволия, следования страстям. Русский народ, религиозно сознающий себя в Православии, осознает свое мессианское призвание.

Культурное самосознание русских людей связано с созданием великой культуры, разнообразной по форме, которую невозможно понять вне Православия. «Русская культура по бытийно-исторической сути соборна, в противоположность индивидуалистической западной установке. Поэтому русская православная культура во многих измерениях противоположна западноевропейской материалистической массовой культуре» [16].

Согласно культурно-исторической концепции развития психики Л.С. Выготского, личность – это продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества [19]. Но самосознание и личностные качества взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому можно сказать, что самосознание также есть продукт общественного развития. Говоря по аналогии о русской ментальности, понимаем, что на самосознание русского народа огромное влияние оказывают внешние факторы (конкретно-исторические условия жизни общества). К ним отнесем суровый климат, бескрайние и малолюдные просторы, слабое развитие средств коммуникации, бесчисленные внешние военные угрозы на протяжении всей истории существования Руси-России и др. След-

ствием этого стали жесткие формы государственного персонализированного управления и коллективные, общинные формы хозяйствования. Все перечисленные особенности русского существования находят свое отражение в сознании и самосознании русского народа.

Таким образом, осуществив философскую рефлексию сложнейшего понятия «общественное сознание», можно сделать вывод, что национальное сознание фиксирует осознание этносом, народом или нацией своей социально-этнической общности как некоего единого организма. Указанное единство проистекает из двух важнейших причин – человеческой предметной деятельности в конкретной естественно-материальной среде и духовной уникальности, воспринимаемой как духовное превосходство. Национальное самосознание, являясь частью общественного сознания, представляет собой совокупность социальных, нравственных, политических, экономических, эстетических, религиозных и философских взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития нации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матяш Т.П. Сознание как целостность и рефлексия. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1988. 184 с.
2. Коллендер Б. Информация и сознание. Часть вторая [Электронный ресурс] // Журнал Гостиния. Выпуск 11, 2008. Энергетика искусства. Беседа 6. – Режим доступа: http://www.ulita.net/gost_v11_b6.htm
3. Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000.
4. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика. В 2 т. Т 2. Г.В.Ф.Гегель. Работы разных лет; перевод Б.А. Драгуна. – М.: Мысль, 1971.
5. Типология. Психологические типы. Декарт Рене [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.typelogic.ru/persons/Descartes.html>
6. Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies, 2 (3). – 1995. – pp. 200-219.
7. Самосознание. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
8. Самосознание. Психологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 1990. – С. 143.
9. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1961.
11. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М., 1975. С. 17-62.
12. Субботин А.И. Проблема самосознания и становления рационализма в философии XIX – XX веков. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2006. 240 с.
13. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
14. Национальное самосознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ps.crimea.edu/rus/resources/slovar/letter93.htm>

15. Общественное сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?ROh\\$lxylttul!xuntgtol](http://glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?ROh$lxylttul!xuntgtol)
16. Аксючиц В. От великих потрясений к Великой России [Электронный ресурс] // Polemica и дискуссии. – Режим доступа: www.polemics.ru
17. Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей, 1989. – М.: Наука, 1989.
18. Дели М.М. Онтология сознания: историко-философский аспект // Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 312-315. – («Мыслители», выпуск 12).
19. Выготский Л.С. Лекции по психологии // Собрание сочинений: в 6 т. / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 536 с.

УДК 1

СПОСОБЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И РЕДУЦИРОВАНИЯ АГРЕССИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИИ Л. БЕРКОВИЦА

Петренко Р.А.

THE WAYS OF PREVENTION AND REDUCTION AGGRESSIONS OF THE PERSON IN THE L. BERKOVIC CONCEPT

Petrenko R.A.

В статье рассматриваются ключевые идеи социально-психологической концепции Леонарда Берковица, его вклад в развитие теории агрессии и разработку способов предотвращения агрессивных проявлений в социальной жизни. Автор осуществил анализ методик (программ) привития навыков социального взаимодействия, основанных на понимании агрессии как инструментального поведения, а также когнитивно ориентированных, исключающих враждебные отношения.

There are considered key ideas of the socially-psychological concept of Leonardo Berkovits, and its contribution to development of the theory of aggression and working out of ways of prevention of aggressive displays in social life, and carried out the analysis of techniques (programs) of inculcation of skills of the social interaction based on understanding of aggression as tool behavior, and also as cognitive focused, excluding hostile relations. The basic stimulus of aggressive behavior and the major measures of decrease in level of aggression in a society, designated in L.Berkovits's works are allocated here.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, гнев, враждебность, стимулирование агрессии, катарсис, инструментальная агрессия, эмоциональная агрессия.

Keywords: aggression, aggression, anger, animosities, aggression stimulation, a catharsis, tool aggression, emotional aggression.

В современной науке проблема агрессии исследуется с различных точек зрения: биологи выявляют генотипические причины, биохимические – физиологические, психологи – психологические, социологи – социальные.

мические механизмы агрессивности, социологи обосновывают социальные факторы агрессивного поведения, психиатры исследуют наиболее крайние формы насилия; психологи активно развивают социально-психологические теории агрессии. Большой вклад в исследование агрессии человека, ее причин, форм, деструктивных последствий, а также возможности обуздания агрессии, с которой сталкивается человек в повседневной жизни, внес Леонард Берковиц. Он стал заметной фигурой в области социальной психологии второй половины XX века, а его труды имеют большую ценность для общественной практики, т.к. помогают найти новые способы решения проблемы контроля над агрессивными наклонностями. Л. Берковицу принадлежит множество оригинальных научно выверенных идей, которые расходятся с широко распространенными (и отчасти) ошибочными выводами, касающимися проблемы обуздания агрессии в обществе.

В настоящей статье мы сделаем попытку рассмотрения ключевых идей концепции Л. Берковица, его вклад в развитие теории агрессии и разработку способов предотвращения агрессивных проявлений в социальной жизни. Л. Берковиц под агрессией предлагает понимать «некоторый вид поведения, физического либо символического, которое мотивировано намерением причинить вред кому-то другому» [1, с.32]. Крайнюю форму агрессивности он определяет как «насилие», «намеренное стремление причинить серьезный физический ущерб другому лицу» [1, с.32]. При этом он считает, что причинение ущерба не всегда является первичной, главной целью. Причинение ущерба (не всегда умышленное), связанное с достижением какой-то внешней цели в психологии получило название «инструментальная агрессия». В книге Л.Берковица «Агрессия: причины, последствия и контроль» делается акцент на «эмоциональной агрессии» (враждебной агрессии), которая вызывается эмоциональным возбуждением, негативными эмоциями, когда агрессор стремится причинить ущерб (или уничтожение) другому лицу. При достижении своей цели агрессор получает удовлетворение, избавляется от депрессии, может испытывать даже удовольствие, правда до тех пор, пока сам не начинает страдать от негативных последствий своего акта агрессии. Исследователь отмечает, что инструментальная агрессия относительно рациональная, может быть холодным и рассчитанным действием, а эмоциональная агрессия значительно менее контролируется сознанием, она импульсивна [1, с.37, 39-40, 47].

Л. Берковиц исследует смысло содержание таких понятий как «агрессия», «агрессивность», «гнев», «враждебность», «стимулирование агрессии», что позволяет ему выстроить авторскую социально-

психологическую концепцию. Так он обращает внимание на то обстоятельство, что «акты импульсивной агрессии представляют собой эмоциональные реакции, которые «запускаются» интенсивной внутренней стимуляцией». «Незначительные или нейтральные внешние ситуации могут повлиять на интенсивность внутренней стимуляции» [1, с.40], простое наличие «ситуационного стимула» [1, с.41], ассоциирующегося с вознаграждаемой агрессией, усиливает агрессивное побуждение. Причем, агрессия у Л. Берковица имеет принципиальные отличия от гнева и враждебности. Агрессия – действие, направленное на достижение определенной цели, а именно, на причинение вреда другому лицу. «Гнев» Л. Берковиц употребляет как определенное эмоциональное состояние, определенные экспрессивно-поведенческие реакции. С точки зрения обыденного сознания, парадоксальность научного понимания гнева заключается в том, что гнев лишь сопровождает побуждение к нападению на жертву, причем, не всегда гнев выступает вместе с агрессией, гнев не создает агрессивного побуждения. Враждебность определяется как негативная (недоброжелательная) установка по отношению к другому человеку или группе лиц. Подобная установка сопровождается желанием видеть страдание объекта установки. При этом он, определяя агрессивность как «относительно стабильную готовность к агрессивным действиям в самых различных ситуациях», предостерегает от смешивания данного понятия с понятием «враждебность». Враждебная установка не всегда сопровождается агрессивностью, а при высоком уровне агрессивности может не осознаваться чувство гнева.

Л. Берковиц обращается к концепции «фрустрация – агрессия», которую обосновали психологи Йельского университета, работавшие под руководством Д. Долларда. В своей книге, изданной в 1939 году, Д. Доллард и его коллеги под фрустрацией понимали «вмешательство в осуществление направленного на цель действия в соответствующее время в последовательности поведенческих актов» [2, р.7]. Иными словами, под фрустрацией понимался внешний барьер, внешние условия, препятствующие индивиду в получении ожидаемых им удовольствий. Но в связи с тем, что понятие «фрустрация» имеет и другое определение (внутренняя эмоциональная реакция, обусловленная тем или иным ограничением). Л. Берковиц подвергает критике выведенное Д. Доллардом соотношение «фрустрация – агрессия», предполагающее детерминацию агрессии предшествующей фрустрацией. Л. Берковиц утверждает, что «эта концепция оказалась слишком размытой и не позволяла дифференцировать такие важные понятия, как эмоциональная и инструментальная агрессия» [1, с.55]. Л. Берковиц исходит из того, что инструментальная

агрессия может быть результатом научения, а в этом случае агрессивные действия не обязательно порождаются фрустрациями. Он предлагает сузить границы применимости концепции «фрустрация – агрессия», говоря, что «барьер на пути к достижению цели генерирует стимуляцию эмоциональной агрессии – тенденцию причинить вред другому лицу, и это становится самоцелью» [1, с.55]. Л. Берковиц доказывает, что открытая агрессия не является неизбежной, возможны альтернативные реакции на фрустрацию, но подчеркивает, что жизненный опыт может «понижить вероятность того, что блокирование достижения цели приведет к открытой агрессии, но всегда остаются некоторые шансы на то, что фрустрация вызовет стимуляцию агрессии» [1, с.57]. Возражая против классической концепции «фрустрация – агрессия», Л. Берковиц прибегает к теории «атрибуции фрустрации». По его мнению, фрустрированный индивид испытывает гнев в том случае, если действия фрустратора он позиционирует как внутренне детерминированные (у фрустратора есть мотив), контролируемые (совершаются намеренно фрустратором) и неправильные, с точки зрения фрустрируемого (нарушают принятые правила). Л. Берковиц приходит к выводу, что именно «намеренные фрустрирующие действия порождают агрессивные реакции» [1, с.63], «фрустрации порождают агрессивные тенденции лишь в той мере, в которой они переживаются как негативные эмоции» [1, с.72].

Мысли человека, его оценки и атрибуции оказывают определенное влияние на действия и чувства в состоянии эмоционального возбуждения. Интерпретации могут определять то, «будет ли событие приятным или неприятным» [1, с.138], найдет ли человек в себе силы, сдерживающие агрессию. Л. Берковиц, обращаясь к влиянию мыслей на усиление гнева в отношении фрустратора, опирается на мнение А. Тессера [3, с.229-338], считавшего, что у рассерженных людей, думающих о своем обидчике, заостряются негативные чувства, формируются более категоричные оценки.

Таким образом, сохраняя негативную установку, в результате размышлений человек продуцирует другие враждебные мысли, что стимулирует чувство гнева и побуждения причинить вред своему врагу. Мысли могут оказывать и обратное влияние – усиливать действие психологических механизмов сдерживания агрессии. Обратимся к взглядам Л. Берковица на способы контроля и предотвращения агрессии. Следует отметить, что, обосновывая свою точку зрения, он придает большое значение позитивным сторонам человеческого характера, цивилизованному поведению человека в различных жизненных ситуациях. Автор подвергает критическому анализу три основных способа снижения на-

силия: угроза наказания людей, ведущих себя агрессивно; «разрядка» сильных импульсов посредством различных форм выплеска агрессивных эмоций; поощрение к освоению нового поведения.

Рассматривая противоположные взгляды на использование наказания в качестве средства сдерживания насилия, автор «Агрессии» определяет идеальные условия применения наказания, которые не приведут к серьезным отрицательным побочным эффектам в виде повышения вероятности совершения будущих девиаций. Наказание действует наилучшим образом, если оно строгое; применяется быстро, до того, как личность, чье поведение необходимо контролировать, сможет насладиться удовольствием, которого она может достичь осуждаемым поведением; осуществляется последовательно и уверенно, так что сомнений в том, что осуждаемое действие будет иметь, по крайней мере, хоть какие-то негативные последствия, практически не остается; существует привлекательная альтернатива осуждаемому поведению; люди, исполняющие наказание, ясно понимают здравый смысл дисциплины» [1, с.368].

Перечисленные условия идеальные, но существуют они не всегда, поэтому Л. Берковиц сам признает, что угроза ужасными последствиями плохого поведения не всегда заставляет агрессора вести себя правильно. В каждом из этих условий можно найти противоречия и содержательную размытость, поэтому агрессор может не видеть, к примеру, предлагаемой «привлекательной альтернативы», иметь свое представление о «правильности» поведения и т.д. Л. Берковиц также отмечает существование дополнительных трудностей, связанных с своевременностью наказания за агрессию. Он отмечает: «Иногда невозможно предотвратить получение агрессорами вознаграждения за их действия. Люди, эмоционально возбужденные, вознаграждаются просто тем, что имеют возможность нанести вред своей жертве» [1, с.368]. В этой ситуации страдания жертвы вознаграждают агрессора до того, как он будет наказан.

Возникает также вопрос: не подстрекают ли к последующим атакам те неприятные чувства, которые испытывает человек от наказания? Л. Берковиц, решая данную проблему, пришел к выводу, что этого не происходит только в тех случаях, когда наказанный виновный думает о возможном наказании, имеет возможность сдерживания своей агрессии и располагает привлекательным для него альтернативным способом действия. Обобщая эмпирические исследования по проблеме эффективности наказания, ученый пришел к выводу, что «потенциальные правонарушители становятся более контролируемыми при учащении напоминания о неизбежности наказания за преступление, чем при строгости наказания» [1, с.390]. К примеру, исследования показывают, что

нет достоверных доказательств того, что смертная казнь снижает уровень убийств. По данным Дэвида Филипса, широкое освещение в СМИ смертной казни, вынесение убийцам приговоров к длительным срокам тюремного заключения на короткое время приводит к снижению числа убийств [4].

В контексте контроля над агрессией Л. Берковиц предпринял попытку решения вопроса об ограничении доступа к оружию с целью снижения числа насильственных преступлений. Понятно, что ученый говорил об американском обществе, но этот вопрос приобретает все большую актуальность в современных российских реалиях. В своей книге ученый утверждает, что рост убийств во многом определяется стремительно растущей доступностью автоматического оружия. По его мнению, «ручное оружие (в действительности) не обеспечивает большую защищенность граждан: люди чаще используют оружие для убийства членов семьи, чем для стрельбы в незваных гостей» [1, с.390]. Он также считает несостоятельными доводы о том, что при отсутствии огнестрельного оружия убийцы будут использовать другой вид оружия. Л. Берковиц не исключает случаев импульсивного совершения преступлений с помощью огнестрельного оружия, а поэтому, чем больше в обществе оружия, тем больше невинных людей будет убито.

Современные исследователи отмечают важность работы по ослаблению проявлений агрессивных наклонностей членов общества. Л. Берковиц полагает, что для решения данной проблемы (наряду с устрашением потенциальных правонарушителей перспективой неотвратимого наказания и применением силы по отношению к преступникам) следует использовать специальную психологическую коррекционную систему, не основанную на наказании. Л. Берковиц критически оценивает гипотезу катарсиса как ослабления побуждений к насилию путем агрессивных выплесков. Сторонники этой гипотезы считают, что в момент раздражения человеку следует открыто выражать свои отрицательные эмоции, так как в противном случае организм будет испытывать отрицательные последствия сдерживания агрессии. Разработана целая теория катарсиса, основанная на полезности ответных агрессивных действиях, как способе высвобождения сдерживаемой эмоциональной энергии. На Западе получила развитие индустрия производства игрушечных автоматов, которые имитируют применение насилия. Эти игры выступают в качестве «безопасного психологического средства реализации агрессивных устремлений» [1, с.397]. Л. Берковиц доказывает, что воображаемая агрессия (в основном) не снижает агрессивных побуждений в будущем, она не может заменить реальную агрессию. Более того, он приводит до-

казательства того, что воображаемая агрессия чаще приводит к увеличению вероятности агрессии в будущем, а ослабление желания к агрессивным действиям в ходе открытой агрессии носит кратковременный эффект. Более того, успешная агрессия имеет эффект подкрепления агрессивных устремлений в будущем [1, с.435], в долгосрочном плане человек может стать еще более агрессивным.

Как решает Л. Берковиц проблему свободного выражения враждебного чувства? Он советует эмоционально неуравновешенным людям рассказывать другим о своих переживаниях, при этом следует пытаться выделить события и причины, породившие эти переживания. Это необходимо делать для того, чтобы научиться управлять своими эмоциями, контролировать свои поступки. Вообще говоря, самосознание человека способно помочь ему разобраться в своих ощущениях и взять под контроль агрессивные импульсы, выбирать наиболее приемлемые в социальном смысле алгоритмы действий в конкретной ситуации.

В связи с тем, что все люди разные, у каждого имеется свой уровень развития самосознания, свои способности адекватно оценивать себя и ситуацию, психологи разработали множество методик (программ) привития навыков социального взаимодействия, исключающего враждебность по отношению к отдельному человеку или группе. Л. Берковиц выделяет два вида программ.

Первый вид программ основан на внушении индивидам, склонным к агрессии, представлений о том, что антиобщественное поведение неприемлемо, так как чревато наказаниями, лишениями (агрессия понимается как вид инструментального поведения), поэтому основаны они на методе модификации поведения и применяются к детям, демонстрирующим антиобщественное поведение. Детям внушается, что поступать по общепринятым правилам более выгодно, так как возрастает возможность своей реализации, получения вознаграждения. Примером инструментальной программы является первая учебная программа, разработанная Д. Паттерсоном и Д. Рейдом [5]. Как отмечает Л. Берковиц, «наказание детей и управление их поведением может оказаться чрезвычайно сложным отчасти еще и потому, что некоторые дети являются серьезными нарушителями общественного порядка» [1, с. 422].

Второй вид программ основан на когнитивной ориентации. В связи с тем, что встречается много людей, которые по причине повышенной раздражительности и неспособности к самоограничению, всегда готовы к агрессивным действиям, эти программы снижают эмоциональную реактивность. Психологи-когнитивисты считают, что главное научить человека эмоционально неустойчивого разговаривать с самим собой.

Наиболее известную в ученом мире программу разработал Р. Новако, она основана на представлении о том, что неприятные события не порождают агрессивных реакций, если они не считаются индивидом опасными для него лично. С этой точкой зрения Л. Берковиц не согласен. Признавая положительное значение обеих программ, на том основании, что в большинстве случаев они позволяют добиться успеха, он считает, что «использование когнитивных процедур и программ коррективы поведения (основанных на инструментальном научении) приводят к более успешным результатам, чем методы, имеющие психодинамическую ориентацию» [1, с.436].

Л. Берковиц приходит к интегральному выводу о невозможности полного избавления от насилия в обществе, так как многим агрессивным личностям не хватает самоконтроля, а особо опасные преступники имеют очень малые шансы социальной реабилитации. Но при этом автор считает, что снизить уровень агрессии человечество может, применяя различные меры. Он доказательно и всесторонне говорит о важности сокращения числа стимулов, вызывающих агрессию. Среди множества стимулов он особо выделяет следующие: жестокие фильмы, насилие в масс-медиа, свободная продажа оружия, примеры агрессивного поведения родителей. Он отмечает: «Даже если человеческие существа генетически предрасположены к злости и агрессии, когда испытывают негативные чувства, они могут научиться не вести себя агрессивно после того, как с ними происходят неприятные события, вызывающие отрицательные эмоции» [1, с.501]. Решающее значение в вопросах контроля агрессии в концепции Л. Берковица придается созданию сдерживающих механизмов через наказание и общественный контроль, а также психологическим процедурам контроля агрессии. При этом он обосновывает тезис о том, что «коммуникация должна включать процедуру передачи информации, а не открытое выражение враждебности и ненависти» [1, с.502], что предопределяет более строгие запреты и самоограничения, предотвращающие агрессивное поведение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Леонард Берковиц – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 510, [2] с. – С. 32.
2. Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and Aggression. New-Haven; Yale, 1939.
3. Tesser. A. Self-generated attitude change. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, Vol. 11. New York: Academic Press, 1978. Pp. 229-338.

4. Phillips D.P. Natural experiments on the effects of mass media violence on fatal aggression. In L.Berkowitz (ed.), *Advances in experimental social psychology*, Vol. 19, 1986. Pp. 207-250.

5.. Patterson G.R., Reid J.B., Jones R.R. and. Conger R.E. *A social learning theory approach to family intervention: Vol. I. Families with aggressive children.* Eugene, Ore.: Castalia, 1975.

УДК 1

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Челидзе Е.И.

MASS CULTURE AS A FACTOR IN THE IDENTIFICATION OF SOCIALLY

Chelidze E.I.

В статье рассмотрен феномен массовой культуры, которая выступает в качестве механизма, приспособляющего человека к современному миру. Автор доказывает, что ее действие основано на механизме социализации и идентификации личности.

There is considered in the article the phenomenon of mass culture which represents itself as the mechanism adapting the person to the modern world. The author proves that its action is based on the mechanism of socialization and identification of the person.

Ключевые слова: культура, идентификация, массы, социализация, общество, ценности, потребности.

Keywords: culture, identification, weight, socialization, society, values and needs.

Современное российское общество, как и мировое сообщество (в целом) характеризуется появлением новых форм коммуникаций, сменой мировоззренческих ориентиров. Фундаментальные сдвиги в культуре делают преодоление ценностного кризиса эпохи насущной проблемой современности. Это диктует обращение к вопросам обретения духовной общности социума, преодоления разрыва духа и культуры. Человек сегодня, как и в прошлом, может обрести себя только через соединение с миром других людей, с социумом. Личностное самоопределение происходит через утверждение своего социального лица – социализацию. Социализация в современной социальной науке понимается и как внешнее самоопределение (поиск личностью своего места в социуме), и как становление внутреннего духовного мира личности в процессе усвоения социального опыта, сосредоточенного в ценностях культуры. Ценностные ориентации - устойчивые представления, мотивирующие

поведение личности, - складываются в процессе социализации (становление внутреннего мира) личности на различных уровнях: неосознанном, чувственно-эмоциональном, вербальном.

Социализация – развитие целостной человеческой личности – имеет два канала самоотождествления: 1) через подражание ощущений (вне рациональной мотивации) извне заданным ценностным стереотипам, стандартам; 2) через язык и все многообразие знаков и символов (не только вербальных). Первый выступает как необходимый этап второго, но между ними может быть и противоречие, и тогда осознаваемые ценности выступают как «ломка» натуры. На втором уровне формируются ценностные ориентации как самостоятельно выработанные внутренние отношения к объективным обстоятельствам бытия.

Первоначальным механизмом социализации является идентификация - «эмоциональное отношение, вызывающее бессознательное отождествление себя с другим человеком» [6]. Затем происходит замещение в человеке его стихийно-витальной определенности определенностью культурной. Воздействие культуры, «потребление» культурной продукции основывается на «пробуждении» в личности сначала витального, а потом (на более высоком уровне) – «душевного» и духовного начал. Через вербальные, знаковые формы складывается аксиологическое «Я» личности, формируется система ее ценностных ориентаций. «Работа» культуры, - писал Гегель, - состоит во внесении формальной всеобщности в материал влечений» [3]. В самом субъекте как бы складываются ценностные слои, они присутствуют в виде скрытых параметров.

У истоков теории идентичности стоял Э. Эриксон. Под идентичностью он понимал «внутреннюю тождественность личности, признаваемую также и другими людьми». В работах «Идентичность и жизненный цикл» (1959), «Идентификация: юность и кризис» (1968), «Детство и общество» (1972) он склонялся к мысли о том, что формирование идентичности – совокупный результат взаимодействия между индивидом и окружающим социальным миром. На «я» оказывают огромное воздействие «социальные силы влияния». Вся жизнь личности, по его мнению, есть нарастание ее целостности и единства с социумом. Она проходит как непрерывная идентификация, взаимодействие социально-культурной среды и психобиологических факторов в процессе становления личности и ее социализация. Э. Эриксона также отмечал, что идентичность социально обусловлена: при рождении у человека нет идентичности, она возникает как результат его социального опыта.

Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни, уверенности во внешнем одобрении. Идентичность – тождество, самость, постоянство лич-

ности, т.е. то, что неотделимо от «Я», что делает его отличным от других. Поэтому человек находится в перманентном поиске приемлемой социальной общности для ее подтверждения. Люди ориентируются на общность, которая способна выполнить функцию социальной поддержки и укрепления «Я». В процессе идентификации выделяются средства, с помощью которых личность отбирает ценности, цели, суждения. Через символы, знаки этой общности, присваиваемые человеком, происходит самоопределение личности. Знаки и символы, репрезентирующие значимые явления, «отбираются» человеком для подтверждения отличия «Я» от «не-Я», укрепляют его в сознании «присутствия» в мире.

Внутренними ориентирами личности выступают ценности, они в то же время являются мостом, связывающим социальный мир с культурой. Культура выполняет легитимизирующую роль, выступая «системой поддержания образцов». Она состоит из «структурных, символически значимых систем, в которых и посредством которых ориентируются и направляются социальные системы и личности» [3]. Значимыми становятся вещные знаки отличия, манера поведения, образ жизни людей, представляющих те или иные социальные слои

На различных этапах социокультурной динамики самыми распространенными вариантами для самоотождествления были религия, этнос, идеология. Механизмами являлись персональная, «вещная», ценностная идентификации. Образцы для них менялись. В социуме выстраивается сложная иерархия ценностей, относящихся к морали, искусству, праву. Их «гуманистическое» начало дает образцы внутренним ориентирам и внешнему поведению. Но и культура «для масс» предлагает стандартизованные наборы для широкого потребления, «свой» тип репрезентативной личности (прежде всего, в виде имиджей).

На идентификацию личности влияют те нормы и ценности, которые имеются в составе культуры. Собственно личностное начало формируется через механизмы выбора того или иного типа поведения, ценностей и смыслов. Социализация проходит и через идентификацию как бессознательное отождествление с другим человеком – носителем тех или иных ценностей, через «персональную идентичность». В традиционном обществе коллективный опыт передавался через семью, родовой клан, специальных средств коммуникации не было. Все ценности носили сакральный характер. В индустриальном обществе радикально меняется содержание социализации за счет количественного увеличения и качественного усложнения. Дифференциация социальной структуры сопровождается аксиологической вариативностью. В индустриальном обществе рупором и закрепителем согласованных в обществе ценностей становятся средства массовой информации (печатные издания, а затем

радио и телевидение). Технические средства позволяют не только массово воссоздавать, но и канонизировать имиджи, хотя их набор остается в рамках человеческих возможностей восприятия. Культура становится массовой.

В современном постиндустриальном мире человек находится на пересечении многомерного социокультурного разделения (расслоения) с плюрализмом ценностей и конкретного социального и культурного поля, являющегося фрагментом данного общества с определенным механизмом социализации и наборами конкретных ценностей. При переходе от одной эпохи к другой меняется тип «представительской» личности. Э.Фромм писал, что веберовскому понятию протестантской этики соответствует так называемая «бережливая персональность» с аскетичной этической направленностью. В эпоху развитых рыночных отношений его сменяет тип «рыночной персональности», который рассматривает себя как товар, подлежащий потреблению, понимает свою жизненную цель как потребление других объектов. И «бережливая», и «рыночная персональность» – типы «репрезентативной» личности, доминирующие в данную историческую эпоху. Они воплощают в себе допустимый набор определенных личностных ценностей.

Зачастую «представителями» ценностей выступают вещи. Вещи и сами могут быть ценностью, но, главное, они служат средствами достижения других социально-значимых ценностей – здоровья, красоты, успеха. Именно эти ценности доминируют в современной массовой культуре, поскольку позволяют – через идентификацию с ними – приобрести определенный социальный статус. «Впитывая» в себя ценности-образцы, представленные в вещах, их потребитель готовит себя к той или иной социальной роли. Идентифицируясь с образцами, выраженными в вещах, образах героев и «звезд» массовой культуры, потребитель усваивает эстетические и этические ценности.

Особое значение в современной культуре приобретает реклама, формирующая имидж. Понятие «имиджа» объясняет сам механизм стереотипизации сознания массового человека и идентификации «подражательной персональности» с помощью массовой культуры. Имидж – искаженный, иллюзорный, доведенный до символа образ вещи, личности или события, который, в свою очередь, диктует своему носителю определенный образ поведения. Хотя слово «Image» и переводится с английского как «образ», но эти слова не являются синонимами. В «имидже» фиксируются внешние, искаженные (пусть даже и в «лучшую» сторону) черты образа. Идентификация через имидж – идентификация через подобие, через «тень идеи» (перефразируя Платона).

Сегодняшняя экспансия слова «имидж» подтверждает предвиде-

ние Тоффлера. Он считал, что любая культура в фазе своего распространения опирается на выработку определенного культурного стереотипа, поскольку является определяющим механизмом между человеком и природой. Европейское классическое искусство развивалось благодаря изобретению именно таких механизмов, воспринимаемых в настоящее время символами данной культуры (книгопечатание определило существование «книжной» культуры). Чтобы культура существовала не только как прихоть субъективного воображения, она должна донести содержание в определенной унифицированной форме. В создании культурного стереотипа решающая роль принадлежит образу, имиджу. В традиционных культурах набор имиджей формировался под влиянием социальных институтов, окружавших людей, он был строго определенным.

Высокотехнологичная культура информационного общества создает универсальный файл имиджей и, более того, постоянно производит их ревизию с огромной скоростью. Фрагментарные меняющиеся имиджи формируют новый образный строй в виде «пакетной информации» – несвязанной, непостоянной, нелогичной. Культура на этой стадии, становясь все более технизированной и массовой, превращается в имиджевую культуру, функционирует как проводник и организатор общественного мнения, формирующего у потребителя определенный уровень самосознания. Имиджевая культура создает определенное культурное поле, связанное с запросами социальной практики на ролевое представление человека о себе, на предъявляемые ему обществом требования и нормы. Они могут существенно отличаться от того, кем является человек, но выступают как заданная практикой предпосылка индивидуального выживания. «Опорными пунктами» матрицы культурного поля являются образы-имиджи людей, вещей, отношения, в свою очередь концентрирующие определенный набор ценностей.

Будучи идеализированными образами кумиров, звезд, идолов, имиджи приобретают характер нормативной информации о модных (нужных в данный момент) тенденциях, престижных вещах, с которыми нужно самоотождествляться и идентифицироваться потребителю. Отраженная (виртуальная) реальность превращается в видимость подлинной реальности, а, напротив, действительная жизнь кажется «ненастоящей». Возникают упрощенные формы самоидентификации. В традиционном обществе человек самоидентифицировался через образцы вечных истин, и такое приобщение к высшему давало чувство подлинного бытия. Дух потребительского общества подталкивает к отождествлению сущности человека с миром вещей, которыми он распоряжается или владеет. Лозунг «Здесь и теперь!» пронизывает весь мир потребительской ци-

визации. Вместо связи с вечностью возникает связь с сомнительной бесконечностью: иметь больше, посетить больше, попробовать больше. Разрушается иерархия приоритетов, а место высших ценностей занимает мир вещей как абсолютная ценность. Абсолютное профанируется, с десакрализацией ценностей теряется горизонт бытия, исчезает основание духовной самоидентификации личности.

Потребительское общество характеризуется состоянием аномии – разложением системы ценностей, ценностным кризисом, когда старые нормы дискредитированы, а новые не сформировались. Социолог Э. Дюркгейм, предложивший это понятие, отмечал, что при аномии утрачивается значимость ценностей и социальных норм, система ценностных ориентиров становится все более неясной и противоречивой. В таком обществе нарастает разрыв между целями и социально одобренными средствами их достижения, что ведет к увеличению отклоняющегося, разрушительного поведения. Возникновение аномии Э. Дюркгейм связывал с переломными периодами социальной жизни, с возникновением противоречий между заявленными обществом целями и невозможностью их достижения для большинства. Социализация и идентификация в современном (потребительском) обществе происходит (во многом) под воздействием СМИ и массовой культуры.

Социализация личности в индустриальном обществе, неотъемлемой частью которого является массовая культура, выступает как вхождение индивида в социокультурное пространство определенной совокупности образцов, стереотипов, норм, ценностей, как приобщение к стандартизированным нормам поведения. Предлагая образцы, схемы, нормы поведения, она способствует включению индивида в социальную жизнь. Массовокультурный продукт представляет варианты, модели поведения (вместе с ценностными основаниями), идентифицируясь с которыми индивид «определяет» собственное «Я». Массовая культура транслирует продукты, рассчитанные на массовое потребление, в ней содержится комплекс духовных ценностей, соответствующий вкусу и уровню развития масс: эстетическая тривиальность, стереотипность, шаблонность, этическая податливость, непостоянность, познавательная всеядность, поверхностность. Массовая культура предстает (особым образом) сконцентрированным миром предметов, навыков опыта, где образуется предметная основа ценностного отношения к миру.

Массовая культура становится не только императивом, повелевающим местами, желаниями, но и волей людей, направляющей их ценностные ориентации. Массовая культура выступает как инструмент их подтверждения и систематизации, фиксации одних представлений как подлинных и «неподкрепления» других (как мнимых).

Своеобразным методом продвижения продуктов массовой культуры является принцип «блоковой терапии»: вместе с ходовыми потребительскими качествами исподволь навязывается и определенная система нормативных требований: эстетических, этических, познавательных. Особенно действенной оказывается система образцов, выработанная практикой массовой культуры: культ «звезд», «биографии успеха», «рассказы о победителях».

Ценности, закодированные в образцах, ориентируют человека на определенные приоритеты. «Биографии быстрого делового успеха» акцентируют такие ценностные качества человека как энергичность, предприимчивость, негибкость перед трудностями, справедливость. В «культе звезд» превозносятся молодость, здоровье, сильные чувства. Массовая культура оказывается непроницаемой для трагического восприятия, пессимизма. Неслучайно еще Маркузе отмечал, что массовый одномерный человек, – это персона со «счастливым» сознанием, избегающая намеков на неудачи и какие-то трагические обстоятельства. Массовая культура формально утверждает приоритет высших ценностей – добра, красоты, истины, но они выглядят как далекие абстракции, причем, зачастую цели и средства парадоксально меняются местами (красота, например, оказывается средством для достижения успеха).

При формальном доминировании высших ценностей массовая культура делает акцент на стандартных схемах их достижения, предлагает банальные решения проблем, т.е. обращается к массовым стереотипам восприятия, избегающим интеллектуальных или эстетических усилий. В этом проявляется природа массовой культуры: она существует как ряд образов, видеоряд [5], с помощью которого регулируется массовое поведение членов информационного сообщества. Фундаментальная черта видеоряда – это способность переводить сложные и противоречивые ситуации в стандартные путем схематизации жизненных реалий. Примером видеоряда могут быть телевизионные сериалы. Образы в видеоряде сериалов дают схематичные решения проблем, возникающих в жизненных ситуациях, «подсказывают» манеру поведения и общения, становятся критериями подлинности. Причем, видеоряд может выполнять как негативные, так и позитивные функции. Предлагаемые ценности могут противоречить действительным массовым потребностям или быть ценностно нейтральными. Главным критерием оказывается популярность, массовое воздействие. На первый план выступают не духовные критерии, а возможность удовлетворить усредненные запросы. Потребительская массовая культура, потакающая слабостям и «нарциссичная», выступает зеркалом массового человека, показывающим возможности и уровень его стремлений.

В массовой культуре доминирует этос пассивного потребления. Она лишена трансцендентального продолжения, поскольку обращается (прежде всего) к витальным началам человека, оставляя в стороне его подлинную духовно-деятельную сущность. Массовая культура не способствует становлению подлинного «Я» личности, т.к. предлагает ему идентифицироваться с шаблонами и стереотипами эрзац-культуры. Идентифицируясь с предметами-ценностями, имиджами-ценностями, потребитель массовой культуры приравнивает себя к стандартизованным продуктам, низводится до «человека-вещи» и «человека-схемы». Мозаичность массовой культуры рождает фрагментарность, поверхностность ценностного восприятия. Ценностный мир индивида оказывается разорванным, а сам индивид становится стандартным продуктом общества, «болеющего» аномией.

Предпочтение и выбор готовых средств удовлетворения потребностей, готовых ценностей – на этой ступени останавливается массовое сознание. Духовные горизонты культуры оказываются суженными, поскольку оценочная деятельность – это духовный процесс, предполагающий не просто приобщение к ценностям, а труд по их овладению, «непрерывная работа над самим собой» [4]. В этом смысле массовая культура, ограничивающая человека удовлетворением только витальных потребностей, не может рассматриваться как истинная, подлинная в классическом смысле этого слова [2].

Таким образом, массовая культура выступает своего рода «адаптером», приспособляющим человека к современному миру. Средства массовой коммуникации превращаются в матрицу, формирующую моду, манеру поведения, привычки. Выступая своеобразным регулятивом ценностных ориентаций человека-массы, массовая культура репрезентирует ценности потребления, предлагает комплекс ценностных образов и «порождает» ценностные ориентиры. Действие массовой культуры основано на механизме социализации и идентификации личности. Массовая культура не только отражает специфику восприятия массовым сознанием продукции современной культурной индустрии, но и выполняет социализирующую роль, оказывая обратное влияние на социальные интересы и потребности современного массового человека. Сила и слабость массовой культуры в том, что она дает упрощенные схемы социальной идентификации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы /Под ред. Т. Парсонса. - М.: Прогресс, 1972. - (399 с.). – С. 368.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Изд-во АСТ, 2006. - 414 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. - (524 с.) – С. 232.
4. Достоевский Ф.М. Искания и размышления. - М.: Наука, 1978. – (287 с.). - С. 369.
5. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание: Избр. тр. - М.: ИНИОН РАН, 2000. – (288 с.). - С.121.
6. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. - М.: Просвещение, 1990. – (448с.) - С.448

ЭКОНОМИКА

УДК 658

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ УЧЕТ В ИНВЕСТИЦИОННОМ АНАЛИЗЕ

Петрова Е.Е.

ACCOUNT OF ECOLOGICAL FACTORS IN INVESTMENT ANALYSIS

Petrova E.E.

Экологический учет служит важным средством планирования, управления и контроля за воздействием предприятий на окружающую среду, составным звеном информационной системы предприятия для проведения инвестиционного анализа. В статье приведены расчетные методы оценки предотвращенного экономического ущерба от загрязнения атмосферы и водоемов. В расчетах эффективности инвестиционных проектов важную роль играют экологические факторы.

Ecological account is an important instrument for planning, management and control of impact of industrial enterprises' activity on the environment, a constituent part of a company's information system for investment analysis. The article presents calculation methods for estimation of prevented economic damage ensuing from pollution of the atmosphere and water reservoirs. Ecological factors are very important for assessment of investment projects' efficiency.

Ключевые слова: экологический учет, инвестиционный анализ, предотвращенный экономический ущерб, экологические факторы, загрязнение окружающей среды.

Keywords: ecological account, investment analysis, prevented economic damage, ecological factors, environmental pollution.

Среди ведущих теоретиков современного российского учета, анализа и аудита нет единой точки зрения на предмет и границы бухгалтерского экологического учета. Выделение бухгалтерского экологического учета в отдельное научное направление должно базироваться на принципах уместности и существенности данного вида информации. Уместность информации определяется ее возможностью воздействовать на принимаемые хозяйственные решения, раскрывая перед пользователем временную определенность событий, корректируя уже допущенные оценки.

Существенность информации характеризуется степенью влияния на экономические решения, которые принимают пользователи на основании финансовой отчетности. Она зависит от величины объема или ошибки, оцениваемой в конкретных условиях пропуска или искажения. Бухгалтерский экологический учет ограничивается данными, которые необходимы для управления финансовыми аспектами деятельности организаций, т.е. учетом затрат и результатов, долговых требований и обязательств, контролем за использованием задействованных природных ресурсов и запасов и соблюдением платежной дисциплины в соответствующей их части.

Вопросы, связанные со средозащитными аспектами производства, снабжения, сбыта экологически чистой продукции, оценкой эффективности управленческих решений по природоохранным инвестициям, остаются в этом случае за пределами бухгалтерского экологического учета. Проблему отражения процессов природопользования в учете целесообразно рассматривать с позиций требований традиционного бухгалтерского учета; в расширенном толковании.

В соответствии с этим можно выделить бухгалтерский экологический учет и экологический учет. Первый вариант относится к классической интерпретации экологических аспектов воспроизводственного процесса в рамках требований традиционной бухгалтерской финансовой отчетности по идентификационным признакам фактов хозяйственной жизни и отражения их в системе учетных координат.

Экологический учет можно понимать и в широком смысле, при котором процессы и явления экологического характера, которые могут быть подвержены наблюдению по линии учета (статистического и оперативного, экологического мониторинга, оценки и аудита), но ввести их в практику современного бухгалтерского (прежде всего, финансового и налогового учета) в настоящее время пока невозможно. [1, с.43].

Регулирование средозащитной деятельности, ужесточение природоохранных стандартов, позиция деловых партнеров, динамика уровня налогообложения, связанного с экологией, объективно вызывают рост

новых затрат и вместе с тем расширяют возможности деятельности хозяйственных единиц. Однако уровень эффективности этой деятельности в значительной мере зависит от национальных требований, их жесткости и полноты. Последние, в свою очередь, оказывают влияние на финансовое состояние предприятия, что отражается в финансовой отчетности. Это сказывается на таких областях бухгалтерского учета, как условное обязательство (например, по загрязненным бесхозным землям, выбросам и сбросам), затраты, связанные с природоохранными мероприятиями, обязательства по капиталу, амортизация оборудования, оценка основных средств, а также гибкая налоговая политика, ориентированная на экологические результаты. Итогом развития экологического учета в части его финансовой составляющей выступает формирование соответствующей финансовой отчетности. Без необходимости представления отчетов как внутреннего, так и внешнего характера о процессах природопользования экологический учет вряд ли имеет перспективы развития.

Остановимся на основных ежегодно представляемых предприятием документах – бухгалтерском балансе и отчете о прибылях и убытках и оценим их с позиции действующих в большинстве стран минимальных требований коммерческого права. Из массы представленных в этих документах общих данных может быть выделена следующая релевантная информация: в данных годового отчета наряду с рядом статей основных средств (например, сооружения по очистке сточных вод и улавливанию вредных веществ, поступающих в атмосферный воздух) могут содержаться сведения о приобретенных правах природопользования или об инвестиционных отчислениях по природоохранному оборудованию. На пассивной стороне баланса к позициям, имеющим отношение к экологическим аспектам деятельности предприятия, могут быть, например, отнесены отчисления в резервные фонды (например, отчисления в резервный фонд на возмещение нанесенного экологического вреда; экологические сборы; отчисления в резервный фонд на выполнение обязательств по рекультивации; аналогичные отчисления по устранению отходов; отчисления в резервный фонд на текущий ремонт природоохранного оборудования).

При учете долгосрочных инвестиций, наряду с выделением таких специальных видов инвестиций (вложения во внеоборотные активы), как приобретение земельных участков; приобретение объектов природопользования, целесообразно также отражать природоохранные инвестиции в отраслевом разрезе. Для соблюдения экологических нормативов и стандартов предприятия-природопользователи проводят разнообразные мероприятия, связанные с обеспечением надежной и эффек-

тивной работы имеющихся очистных сооружений, установок и средств экологического контроля, а также оборудования по обезвреживанию и утилизации отходов. Природоохранные мероприятия могут потребовать природоохранных инвестиций, связанных, например, со строительством более эффективных очистных установок или внедрением безопасных экологических технологий и продукции [2, с.18]. В результате всех этих мер формируются информационные потоки, отражаемые далее в экологической, финансовой и других формах отчетности предприятия.

Основные блоки экологически релевантной информации включают в себя (наряду с проанализированными выше формами отражения экологических аспектов в бухгалтерском учете предприятия) следующие параметры: данные экологического паспорта предприятия; документы первичного учета и статистической отчетности по охране природы; совокупность доведенных до предприятия нормативов сбросов, выбросов и размещения отходов; документация по плате за пользование природными ресурсами и загрязнение окружающей среды, а также по природоохранным инвестициям.

Эффективность природоохранной деятельности общества следует рассматривать как составную часть эффективности всей экономики. Практика показывает, что высокая экономическая эффективность производства с позиций предприятия не всегда является таковой с позиций общества, если она достигается ценой расточительного использования природных ресурсов и загрязнения природы. Отсюда возникает задача оценки эффективности инвестиционных проектов с учетом влияния их на окружающую среду, то есть определения воздействия экологических факторов. Важным фактором является полный экономический эффект (или результат природоохранных затрат), который проявляется в предотвращении экономического ущерба от техногенного воздействия предприятия на окружающую среду и получении дополнительного дохода в результате улучшения производственной деятельности предприятия в условиях более благоприятной экологической обстановки [3, с.17].

Рассмотрим пример оценки экономического ущерба от загрязнения атмосферы. Под экономическим ущербом принято понимать потери или отрицательные изменения в биосфере, вызванные ее загрязнением и выраженные в денежной форме. Экономический ущерб может быть фактическим и возможным. Часто оценивают предотвращенный ущерб, равный разности возможного и фактического.

В общем виде экономический ущерб U от загрязнения атмосферы рассчитывают по формуле:

$$Y = \sum_{i=1}^n Y_i, \quad (1)$$

где Y_i - различные виды ущербов, в частности: причиняемый здоровью людей (затраты на медицинские услуги); причиняемый сельскому и лесному хозяйству (потери урожайности, животноводства, лесного хозяйства); причиняемый коммунальному хозяйству (затраты на жилищные потери, бытовые услуги); причиняемый промышленным объектам (потери сырья, топлива, помещений) [4, с.183].

Рассмотрим конкретный пример расчета ущерба, причиненного здоровью людей. Вначале оценим суммарные затраты, вызванные появившимися в результате ущерба характерными заболеваниями:

$$Y_1 = Z_1 + Z_2 + Z_3 + Z_4, \quad (2)$$

где Z_1 - затраты на лечение в стационаре;

Z_2 - затраты на последующее поликлиническое лечение;

Z_3 - снижение выпуска продукции (потери чистой продукции);

Z_4 - оплата больничных листов.

В свою очередь:

$$Z_1 = C_1 \sum_{i=1}^n N_i P_i l_i + C_2 \sum_{i=1}^n N_i P_i, \quad (3)$$

где C_1 - затраты на день в стационаре (без учета медицинского обслуживания);

N_i - число заболевших;

P_i - относительное число заболевших, нуждающихся в стационарном лечении (например, при ОРЗ $P_i = 0,15$);

l_i - число дней нахождения в больнице;

i - количество заболеваний;

C_2 - оплата медицинского обслуживания.

$$Z_2 = (bC_3 + C_2 + C_4) \sum_{i=1}^n N_i (1 - P_i) \quad (4)$$

где b – удельный вес заболеваний;

C_3 - стоимость одного вызова на дом;

C_4 - стоимость лекарств.

Снижение выпуска продукции:

$$Z_3 = D \sum_{i=1}^n N_i l_{2i}, \quad (5)$$

где D – снижение выпуска продукции на одного работающего за один рабочий день;

l_{2i} - общая продолжительность болезни.

Оплата больничных листов:

$$Z_4 = B \sum_{i=1}^n N_i l_{2i}, \quad (6)$$

где B – средняя оплата одного дня на бюллетене.

Поскольку для каждого вида заболевания имеются свои данные по продолжительности заболевания, свой удельный вес больных и т.д., а видов заболеваний для одного ущерба может быть несколько, то вычисления ущерба могут быть достаточно громоздкими, но вполне выполнимыми при использовании компьютерной техники.

В ряде случаев для расчета ущерба пользуются «методикой концентраций», использующей статистические данные, позволяющие оценить экономический ущерб при определенном уровне загрязнения, наносимый единице объекта, попадающего в зону загрязнения.

$$Y = \sum_{i=1}^n Y_{yDi} K, \quad (7)$$

где K – количество единиц основного расчетного объекта (1 человек, 1 га, 1 млн. руб.);

Y_{yDi} - удельный ущерб, наносимый единице расчетного объекта при уровне загрязнения i -ым загрязняющим веществом.

Удельные ущербы определяются для конкретных загрязняющих веществ, конкретных климатических районов и сводятся в специальные статистические таблицы. Недостатком «методики концентраций» является отсутствие статистических данных для ряда загрязняющих веществ

и невозможность четкого разграничения зон загрязнения по уровням загрязнения, то есть затруднения в определении ущерба от одного конкретного предприятия, если зоны загрязнения перекрываются.

Рассмотрим пример оценки ущерба по «методике концентраций». После природозащитных мероприятий в районе химического предприятия снизилось количество выбросов в атмосферу оксида серы SO_2 . Суммарный экономический ущерб Y_1 до проведения мероприятия равен 2940 тыс. руб. Суммарный экономический ущерб Y_2 после проведения мероприятия равен 610 тыс. руб.

Предотвращенный ущерб:

$$ПУ = Y_1 - Y_2 = 2940 - 610 = 2330 \text{ тыс. руб.}$$

Кроме рассмотренной методики расчета можно использовать прямой расчет экономического ущерба путем сбора и обработки поддающихся учету данных по ущербу. Этот метод трудоемок и дает менее точную информацию, чем описанный выше [5, с.192]. Следует отметить, что ущерб имеет еще два аспекта: социальный и моральный, носящие, в отличие от экономического, не сиюминутный, а долговременный характер.

Рассмотрим пример оценки экономического ущерба от загрязнения гидросферы. Конкретный расчет экономического ущерба от загрязнения водоемов (заражения регионов, заболевания людей, гибель рыбы и т.д.) может быть осуществлен прямым методом учета всех потерь путем сбора и обработки данных в стоимостном выражении. Этот метод трудоемок и широко не используется. Другой интегральный расчетный метод оценки экономического ущерба от годовичного сброса загрязняющих примесей предусматривает использование формулы:

$$Y = \gamma \delta_k M, \tag{8}$$

где γ - коэффициент, учитывающий время введения мероприятия по пуску очистных сооружений (руб/усл. т), косвенно учитывающий фактор времени, устанавливается природоохранными службами на основе климатических условий, экономического развития региона и т.д.;

δ_k - относительная опасность загрязнения, коэффициент, имеющий разные значения для различных водоемов;

M – приведенная масса годового выброса сточных вод (усл.т/год).

$$M = \sum_{i=1}^n A_i m_i, \tag{9}$$

где n – число загрязняющих веществ;

A_i - показатель относительной опасности сброса i -го вещества (усл. т/т):

$$A = \frac{1}{\text{ПДК}_{P/X_i}}, \quad (10)$$

где $\text{ПДК}_{P/X_i}$ - для i -го вещества в водоемах, используемых для рыбохозяйственных целей, если она неизвестна, то условно принимают $A = 5 \cdot 10^{-4}$ (усл. т/т);

m_i - масса годового выброса примеси i -го вещества (т/год).

Рассмотрим пример расчета предотвращенного ущерба, обусловленного уменьшением концентрации загрязнителей после строительства очистных сооружений на месте сброса сточных вод в устье реки. В этом случае в формуле (8) принимают $\gamma = 120$ руб/усл. т.

Рассматривается водохозяйственный участок, для которого $\delta_k = 1$.

Для расчета ущерба воспользуемся формулой (8).

Ущерб до очистки:

$$Y_1 = 120 \cdot 1 \cdot 1576 = 189120 \text{ руб.}$$

Ущерб после очистки:

$$Y_2 = 120 \cdot 1 \cdot 397 = 47640 \text{ руб.}$$

Предотвращенный ущерб:

$$\text{ПУ} = Y_1 - Y_2 = 189120 - 47640 = 141480 \text{ руб.}$$

Приведенный пример является убедительной иллюстрацией того, что проведение природоохранных мероприятий в данном случае уменьшает более чем на 70% возможный ущерб здоровью людей, сельскому хозяйству и т.д.

К сожалению, действовавший ранее хозяйственный механизм не создал заинтересованности предприятий в природоохранной деятельности. Как свидетельствуют отечественный и зарубежный опыт, современные инвестиции в охрану природы и рациональное природопользование оказываются в несколько раз меньше тех затрат, которые несет общество при возмещении нанесенного ущерба (если он вообще может быть

восполнен). Капитальные вложения на эти цели, по некоторым оценкам, окупаются в 1,3 раза быстрее, чем в целом по народному хозяйству. И наиболее кардинальным путем решения экологических проблем является использование ресурсосберегающих малоотходных и безотходных технологий.

Проведенный анализ предоставляет возможность наметить конкретные пути повышения эффективности инвестиций за счет увеличения рентабельности очистных сооружений. Основное внимание в ходе анализа уделяется экологическим показателям, которые в настоящее время играют все более заметную роль в процессе инвестирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоусов А.И. Курс эколого-экономического анализа: учеб. Пособие /А.И.Белоусов. – М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2010. – 160 с.
2. Староверова Г.С., Медведев А.Ю., Сорокина И.В. Экономическая оценка инвестиций. – М.: КНОРУС, 2010. – 312 с.
3. Карлин Л.Н., Абрамов В.М. Управление экологическими рисками. СПб.: РГГМУ, 2006. – 332 с.
4. Павлов А.Н. Экология: рациональное природопользование и безопасность жизнедеятельности. – М.: Высш. шк., 2005. – 343 с.
5. Шимова О.С., Соколовский Н.К. Экономика природопользования. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 377 с.

УДК 33

НОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сафронов А.Е.

INNOVATIONS OF INVESTMENT ACTIVITY OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES, DIRECTED ON THE EKOLOGO- FOCUSED DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMY

Safronov A.E.

В статье раскрыты проблемы формирования системы регулирования инвестиционной деятельности экономических субъектов региона, определены перспективные подходы к рациональному использованию природно-ресурсного потенциала производственной сферы, базирующиеся на идее формирования мотивационного механизма, обеспечивающего согласование экономических и экологических интересов при принятии инвестиционных решений в производственной сфере региона. Автором предлагается методика по оценке экономической эффективности затрат на природоохранные мероприятия.

There are opened in article the actual problems of formation of system of regulation of investment activity of economic subjects of region. There are offered perspective approaches to rational use of prirodno-resource potential of the industrial sphere, formations of the motivational mechanism providing the coordination of economic and ecological interests at acceptance of investment decisions in industrial sphere of region based on idea. The author offers the technique is offered according to economic efficiency of expenses for nature protection actions.

Ключевые слова: новации, инвестиционная деятельность, промышленное предприятие, эколого-ориентированное развитие, региональная экономика.

Keywords: innovations, investment activity, the industrial enterprise, the ekologo-focused development, regional economy.

Реальный процесс экологизации производства в регионе следует начинать с эколого-экономического анализа антропогенного воздействия промышленного предприятия на окружающую среду, в ходе которого определяется состояние окружающей среды в промышленном районе и эффективность природоохранной деятельности промышленного предприятия.

Оценка природоохранной деятельности предприятия и экологического состояния окружающей среды включает анализ охраны атмосферы, водных ресурсов, недр и земельных ресурсов, флоры и фауны. В анализе представляются динамика валовых выбросов (сбросов) загрязняющих веществ; динамика выбросов (сбросов) по видам загрязняющих веществ; сравнение фактической концентрации загрязнителей с предельно допустимой; сравнение фактических выбросов (сбросов) с предельно допустимыми; рассматриваются показатели образования, утилизации и выбросов вредных веществ; показатели водоиспользования и водоотведения; показатели образования, утилизации, размещения, использования в производстве отходов; показатели использования земельных ресурсов и недр. В свою очередь, анализ данных по величине экономического ущерба от загрязнения окружающей природной среды должен включать оценку ущерба от загрязнения атмосферы, водоёмов, от нарушения и загрязнения недр и земельных ресурсов.

При рассмотрении проблем экологизации необходимо провести анализ объема инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов [1, с.78]. Однако отечественными авторами недостаточно внимания уделено изучению процессов привлечения инвестиций в охрану окружающей среды на региональном уровне в сфере природопользования. Имеющиеся на сегодняшний день теоретические наработки и практический опыт по теме исследования требуют обобщения, уточнения и до-

работки с учетом возможности практической реализации теоретических и переориентации существующих практических инвестиционных моделей в сторону социально-экологической направленности.

Оценка эффективности инвестиции, направляемых на мероприятия по охране окружающей природной среды, включает изучение динамики следующих показателей в рассматриваемом периоде: размер инвестиций в охрану окружающей среды; удельный вес инвестиций в охрану окружающей среды в общем объеме инвестиций по предприятию; объём строительства природоохранных объектов (капитальные вложения, строительно-монтажные работы); удельный вес строительства природоохранных объектов в общем объёме капитального строительства по предприятию; освоение капитальных вложений на строительство природоохранных объектов; выполнение плана ввода природоохранных объектов в эксплуатацию; структура капитальных вложений в охрану окружающей среды (распределение капиталовложений на охрану атмосферного воздуха, водных ресурсов, земельных ресурсов, недр); удельные капитальные вложения в природоохранные мероприятия, рублей на рубль товарной продукции.

Среди регионов ЮФО Ростовская область заняла второе место по объему инвестиций в основной капитал, уступив только Краснодарскому краю. Инвестиции в природоохранную деятельность по Ростовской области приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Инвестиции в основной капитал, направленные
на охрану окружающей среды и рациональное
использование природных ресурсов
(миллионов рублей)[2]**

	2005	2006	2007	2008	2009
Инвестиции в основной капитал-всего	332,6	919,1	1933,2	843,4	927,7
в том числе:					
на охрану и рациональное использование водных ресурсов	293,5	415,0	669,0	436,8	404,5
на охрану атмосферного воздуха	19,2	0,5	314,5	0,4	12,5
на охрану и рациональное использование земель	14,9	335,7	334,6	364,3	209,2

на охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления	-	-	437,8	5,3	1,3
другие мероприятия	5,0	167,9	177,3	36,6	300,2

Основная доля инвестиций идет на охрану и рациональное использование водных ресурсов - 43,6%; в 2009 году -32,4% - снизилась доля в объеме инвестиций на охрану окружающей среды от загрязнения отходами производства и потребления (по сравнению с предыдущими годами) - 0,1%, на охрану и рациональное использование земель - 22,6%.

Наибольший рост инвестиций наблюдался в машины, оборудование, транспортные средства до 2008 года, в 2009 году большая часть инвестиций направлена в строительство зданий и сооружений, причем, в 2009 году вложения в пассивный основной капитал опережают инвестиции в активные основные средства. Что касается жилья, то (в целом) рост практически не наблюдается за период 2004 - 2009 годы.

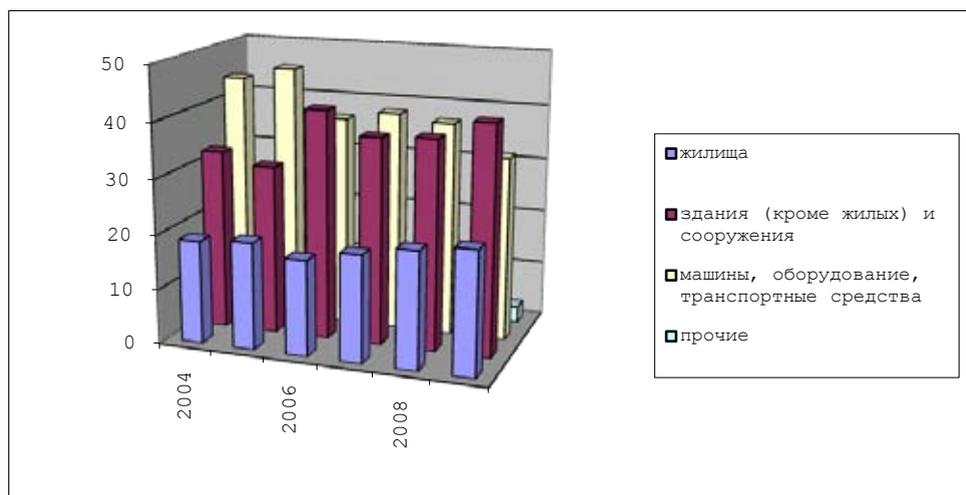

Рисунок 1. Структура инвестиций в основной капитал по видам в Ростовской области (в процентах к итогу)

По результатам эколого-экономического анализа даётся общая оценка природоохранной деятельности промышленного предприятия, в зависимости от которой принимаются решения о необходимости проведения дополнительных природоохранных мероприятий, кардинальных изменениях природоохранной деятельности предприятия. В особо критических случаях, когда антропогенное воздействие предприятия привело к необратимым изменениям в окружающей среде, может быть постав-

лен вопрос о прекращении хозяйственной деятельности предприятия. Результаты эколого-экономического анализа являются информационной базой для составления экологического паспорта предприятия, используются для корректировки данных в ранее составленном экологическом паспорте. Планирование мероприятий по экологизации производства на предприятии, по нашему мнению, должно осуществляться в рамках разработанной Целевой программы по экологизации производства, т.к. только согласованные, комплексные действия предприятий внутри территориально-производственных образований позволят снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду региона.

Инвестиции, направленные на охрану окружающей среды (по видам экономической деятельности) в 2009 году по Ростовской области (государственный сектор) таковы: охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов - 6932 тыс.руб., охрана и рациональное использование водных ресурсов - 6682 тыс.руб., охрана и рациональное использование земель 250 тыс.руб., загрязненные сточные воды без очистки- 6472 тыс.руб. [2].

В соответствии с принятой Концепцией развития выдвигаются возможные варианты экологизации производства, среди которых могут быть модернизация очистного оборудования и очистных сооружений; переход производства на малоотходные и безотходные технологии; структурная перестройка производства с разделением производственного цикла.

После выдвижения вариантов экологизации производства необходимо провести предварительный анализ их осуществимости методом экспертных оценок. В качестве параметров при оценке осуществимости экологизации могут выступать размер инвестиций в охрану окружающей среды с разбивкой по конкретным природоохранным мероприятиям; размер экономического эффекта от снижения загрязнения окружающей среды и увеличения прибыли предприятия за счёт внедрения природоохранных мероприятий в анализируемом периоде; эффективность инвестиций в природоохранные мероприятия.

Для координации действий по экологизации производства по выбранному варианту целесообразно усовершенствовать структуру управления предприятием с использованием программно-целевых методов управления. Преимуществом программно-целевых структур является их высокая динамичность, т.к. их формирование не связано с созданием новых подразделений. В данном случае объектом управления должна стать целевая программа по экологизации производства на предприятии. В рамках новой структуры управления необходимо выделить лицо, на-

делённое всей полнотой ответственности за реализацию программы. Таким лицом может быть руководитель экологической службы предприятия, руководители отдельных служб предприятия (финансовой, экономической, производственно-технической и т.п.), задействованных в реализации программы по экологизации производства, в линейном отношении они подчиняются своим непосредственным руководителям в структуре управления предприятием, а в функциональном (по вопросам, связанным с выполнением программных мероприятий) – руководителю программы.

Одной из функций созданного координационного органа является формирование инвестиционной стратегии предприятия по экологизации производства, которое предполагает определение периода осуществления программы по экологизации; разработку эффективных направлений инвестиционной деятельности предприятия; выработку конкретных целей и задач инвестиционной деятельности, установление иерархии и сроков достижения отдельных целей и решения поставленных задач.

В процессе разработки инвестиционной стратегии по экологизации производства необходимо достичь её согласованности с общей инвестиционной стратегией по развитию предприятия и оценить реализуемость инвестиционной стратегии с учётом имеющихся финансовых, трудовых, технических, технологических, материальных и пр. ресурсов или существующей возможности привлечения внешних ресурсов. Формирование инвестиционных ресурсов, необходимых для эффективной инвестиционной деятельности по экологизации производства предусматривает оценку потребности в общем объёме инвестиционных ресурсов, определение методов и источников финансирования программы по экологизации. В качестве главного практического инструмента сопряжённости процессов хозяйственного (технологического) и биосферного развития выступают экологические ограничения (запреты) или стимулы, вводимые через соответствующие хозяйственный и правовой механизмы. Принцип минимума техногенного воздействия на окружающую среду необходимо постоянно ставить в один ряд с целями производственной или потребительской деятельности субъекта-загрязнителя.

Для обеспечения экологически устойчивого развития необходимо внедрить в жизнь структуру промышленного производства, базирующуюся на таком потреблении, когда продукция в преобразованном виде может многократно использоваться. В 2009 году в соответствии с Областной целевой программой в области охраны окружающей среды и рационального природопользования на 2007-2010 годы комитету по охране окружающей среды и природных ресурсов Администрации Ростовской

области на выполнение мероприятий по охране окружающей среды и природных ресурсов было выделено средств в объеме 335848,5 тыс. руб., в том числе из федерального бюджета - 172 204,5 тыс. руб., из областного бюджета – 118 862,1 тыс. руб.; освоено же всего - 331 483,7 тыс. руб. [3, с.274].

Следующим этапом управления инвестиционной деятельностью по экологизации производства является оценка инвестиционных предложений, выбор окончательного варианта инвестиционного проекта по экологизации производства и его экспертиза. Оценка инвестиционных решений и их ранжирование осуществляются по критерию экономической эффективности. Необходимым условием при расчёте является оценка не только экономических, но и социальных, экологических последствий осуществления проекта по экологизации производства. При расчёте экономической эффективности мероприятий по экологизации необходимо учесть эффект во всех формах проявления: увеличение прибыли предприятия, сокращение издержек производства, улучшение качества окружающей среды, снижение объёма потребления природных ресурсов, повышение уровня жизни населения, снижение заболеваемости, улучшение условий труда и отдыха работников. В отдельных случаях, когда затруднена стоимостная оценка социальных результатов мероприятий по экологизации производства, возможно использовать при отборе инвестиционных проектов качественную оценку их влияния независимыми квалифицированными экспертами.

Анализ влияния природоохранных затрат на основные технико-экономические показатели направлен на выявление взаимосвязи природоохранных показателей с общими экономическими показателями предприятия. В анализе отражаются следующие показатели: эксплуатационные затраты на производство товарной продукции; эксплуатационные природоохранные затраты; удельный вес природоохранных эксплуатационных затрат в общих затратах на производство товарной продукции; объём производства товарной продукции; затраты на производство, копеек в рубле товарной продукции; природоохранные затраты, копеек в рубле товарной продукции; объём капитальных вложений всего по предприятию; объём капитальных вложений на охрану окружающей среды; удельный вес капитальных вложений на охрану окружающей среды в общем объёме капитальных вложений по предприятию; среднегодовая стоимость основных фондов всего по предприятию; среднегодовая стоимость основных фондов природоохранного назначения; удельный вес среднегодовой стоимости природоохранных основных фондов в общей стоимости основных фондов по предприятию.

В методиках по оценке экономической эффективности затрат на природоохранные мероприятия эффект от затрат на охрану окружающей среды выражается (в основном) в снижении ущерба, наносимого окружающей среде промышленным предприятием. Но определение размера ущерба – процесс очень трудоёмкий, связанный с обработкой большого количества информации, требующий значительных финансовых затрат. Поэтому на практике предприятия определяют экономический ущерб не в полной мере, его оценка носит поверхностный характер. На наш взгляд, отличительной особенностью данной методики является использование в качестве показателей, характеризующих результат мероприятий по экологизации производства, платежей за пользование природными ресурсами и за загрязнения окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Савон Д.Ю. Региональное развитие процесса экологизации производственной сферы. – М: Изд-во, МГУ, 2008.-162с.
2. Сайт Росстат. Центральная База Статистических Данных.
3. О состоянии окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области в 2009 году. Под ред. Курдюмова С.Г. и др. Экологический вестник Дона, 2010.-370с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕДОВА Рената Петровна - соискатель кафедры романо-германской филологии, преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов, ГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет».

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

АЗИЗОВА Лилия Насруллаховна - ассистент кафедры математики и информатики, НОУ ВПО «Дагестанский политехнический колледж»

Адрес: 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. С. Стальского, 69.

АЛИЕВА Заира Умаровна - аспирант кафедры методики преподавания математики и информатики, ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 368115, Республика Дагестан, Кизилюртовский район, с.Зубутли-Миатли, ул. М. Гаджиева, 64.

АХМАДИЕВА Роза Шайхайдаровна - кандидат педагогических наук, доцент, директор Государственного учреждения «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей»

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, д. 5.

БАШИРОВА Маида Алимурзаевна - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка, Дербентский филиал ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 367950, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Советская, 15А.

БОКАЧЕВ Иван Афанасьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, ГОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет».

Адрес: 355029, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 2.

БУРМЕНСКАЯ Дарья Николаевна - ассистент кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, г. Шахты, Ростовской области, ул. Шевченко, 147.

ВАСЬКОВ Максим Александрович - кандидат исторических наук, докторант Южного федерального университета, ученый секретарь Южно-российского филиала Учреждения Российской академии наук Институт социологии РАН.

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Гвардейский, 2, 51.

ВЕЗИРОВ Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, ГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Адрес: 367950, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гамидова, 17.

ГАЗАРЯН Елена Исааковна – преподаватель кафедры философии, Кропоткинский филиал ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Адрес: 352389, Краснодарский край, г. Кропоткин, ул. Новая, 87.

ГАЗГИРЕЕВА Лариса Хасанбиевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры испанского языка, ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

ГАЙЛОМАЗОВА Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и иностранных языков, ГОУ ВПО «Ростовский институт защиты предпринимателя».

Адрес: 344011, г. Ростов-на-Дону, проспект Буденовский, 86.

ГАЛЯМОВА Эльмира Хатимовна - старший преподаватель кафедры математики и методики ее преподавания, ГОУ ВПО «Набережночелнинский государственный педагогический институт».

Адрес: 423806, Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28.

ГУТИЕВА Мадинат Алимбекова – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории, ГОУ ВПО «Горский государственный аграрный университет».

Адрес: 362000, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.

ЗИМОВЕЦ Людмила Григорьевна - кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе, филиал ГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Сочи Краснодарского края.

Адрес: 354003, г. Сочи, ул. Крымская, 29 Б.

ИЗОТОВА Лидия Евгеньевна - ассистент кафедры физики, ГОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет».

Адрес: 350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, 2.

КОСЬЯНЕНКО Светлана Николаевна – старший преподаватель, филиал НОУ ВПО «Московский социально-гуманитарный институт» в г. Каменске- Шахтинском.

Адрес: 347800, Ростовская область, г. Каменск-Шахтинский, ул. Ворошилова, 157.

КОТЛЯРОВА Виктория Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147.

МИРОШНИЧЕНКО Дмитрий Александрович - соискатель, ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации».

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83.

НАУМЕНКО Марина Владимировна - ассистент кафедра организационной и прикладной психологии, Педагогический институт ГОУ ВПО «Южный федеральный университет».

Адрес: 344038, г. Ростов - на - Дону, ул. Ленина, 92.

НОСКОВА Людмила Вениаминовна - ассистент кафедры философии и истории, Ростовский технологический институт сервиса и туризма (филиал) ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 344018, г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 215.

ПЕТРЕНКО Роман Александрович - докторант кафедры философии, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный технический университет».

Адрес: 346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

ПЕТРОВА Екатерина Евгеньевна - доцент, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики предприятия и учетных систем, ГОУ ВПО «Российский государственный гидрометеорологический университет».

Адрес: 195196, г. Санкт-Петербург, Малоохтинский просп., д. 98.

ПОЛОЖЕНКОВА Елена Юрьевна - доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147.

СКОРОБОГАТОВА Людмила Анатольевна - соискатель Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы, ГОУ ВПО «Южный Федеральный Университет».

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140.

СОКОЛОВСКИЙ Игорь Львович - аспирант, ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации»

Адрес: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83.

ЧЕЛИДЗЕ Елена Ивановна - доцент кафедры философии и культурологи, ГОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия».

Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159.

ШВАЧКИНА Людмила Александровна - кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса».

Адрес: 346500, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147.

ШИГИН Алексей Игоревич - аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета, ГОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет».

Адрес: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В научно-теоретическом журнале «Экономические и гуманитарные исследования регионов» публикуются статьи, сообщения, рецензии. Статьи и другие материалы должны соответствовать тематике издания, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной значимостью. Представление материалов: статья; аннотация (500-550 знаков с пробелами), ключевые слова, сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте **redsov@mail.ru** в виде одного файла. Образец наименования файла: Иванов В. В., название статьи. Рецензия высылается отдельным прикрепленным файлом в формате PDF.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Решение о публикации принимается на заседании редколлегии в течение одного месяца со дня получения материалов. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Рукописи, не удовлетворяющие указанным ниже требованиям, авторам не возвращаются.

К рукописи предъявляются следующие требования: текстовый редактор Microsoft Word для Windows версий 6.0 или выше и шрифт Times New Roman. Форматирование должно производиться исходя из необходимости распечатки на страницу с параметрами: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5. Заглавие печатается заглавными буквами (выравнивание по середине). Фамилия и инициалы автора(ов) пишутся под заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов – в конце статьи).

В тексте следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные работы [1, с.15].

Статьи и другие материалы сопровождаются сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, учебное заведение, должность, место работы, адрес и номера контактных телефонов, e-mail). Необходимо указать шифр и наименование специальности (в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников). Все объекты, включая формулы, должны быть созданы помощью соответствующих интегрированных редакторов MS OFFICE и сгруппированы. Отсканированные или нарисованные любым способом, а также с использованием других редакторских программ объекты являются основанием для возврата статьи на доработку. Подписи и пояснения к рисункам, таблицам, графикам, фотографиям и диаграммам обязательны. Графические объекты представляются в черно-белом варианте без полутонов, заливок и т.п.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи и иные материалы, редактировать и отправлять авторам на доработку.

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Электронный адрес: **redsov@mail.ru**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ**

Научно-теоретический журнал

№ 2 2011 г.

Подписано в печать 30.03.2011. Формат 340x245

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
представленного авторами, в типографии «Принт – мобиле»,
г. Ростов-на-Дону, ул. 35 линия, 83.